

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- ЧЕТЫРЕ МАЛЫХ ДРАКОНА
- ЗЛОПОЛУЧНЫЙ ПРЕЗИДЕНТ
- РАЗГОВОР ПО ДУШАМ С ГЕНСЕКОМ
- КАПИТАЛИЗМ В ОДНОЙ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СТРАНЕ
- БУДЕМ ПИТЬ ПО-ПРЕЖНЕМУ
- ПАМЯТИ ТОВАРИЩА ИВАНЬКО
- ДЬЕРДЬ ЛУКАЧ В КЛУБЕ ПЕТЕФИ
- В ТЕ ДНИ В БУДАПЕШТЕ
- ...И ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ
- НЕТ МИРА БЕЗ СВОБОДЫ
- ЗАМЕТКИ О НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМЕ
- НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ
- ЧЕХОВ — ПРОВИНЦИАЛ И ЕВРОПЕЕЦ
- ДОН-ЖУАН В ОДИНОЧНОЙ КАМЕРЕ

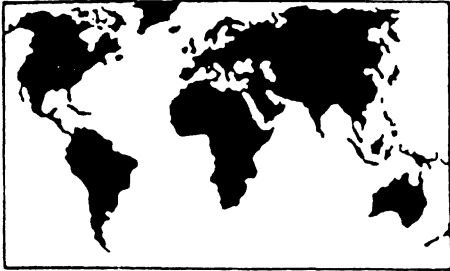
Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Вадима Меникера. Оформление Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучинский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Я.Руссакис (Афины), Б.Шрагин (Нью-Йорк), П.Ростин (Рабат). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок, в США, Канаде и Израиле — 100 нем. марок, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 110 нем. марок. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера — 6 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

Политический дневник	1
<i>Р. Бахтамов.</i> Страна и мир	12
Вести из СССР	25
<i>Государственный Самиздат.</i> Выдержки из беседы М. С. Горбачева с членами Союза писателей СССР	31
Между прочим	34
<i>В. Войнович.</i> Праздные размышления в игрушечном магазине	35
<i>Г. Гаги.</i> Имре Надь и Москва	39
<i>Р. Шнейдер.</i> Лукач и восстание в Будапеште	53
Из газет: 30 лет назад	54
<i>А. Бузуглу.</i> Тридцать лет спустя	55
<i>В. Бартошевский.</i> Нет мира без свободы	60
<i>А. Дымерская.</i> Замечания к истории, или история, сотворенная по замечаниям. Статья вторая	67
Из газет: 60 лет назад	77
<i>М. Каганская.</i> Миф Двадцать первого века. Часть I	78
<i>Б. Парамонов.</i> Кое-что о Чехове	85
<i>Г. Бен.</i> Татьяна Гнедич, переводчица Байрона	92
Письмо в редакцию	96

Das Land und die Welt e.V., Sendlinger Str. 37, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany
Tel. (089) 2605046/ 2605047; telex 5218017 unbt d.
Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)
Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

ISSN 0178—5036

СТРАНА И МИР

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Существует страна, где избирательная система предоставляет наиболее удобную возможность четко расставить знаки плюс и минус, разграничить большинство и меньшинство, указать место тем, кто правит, и тем, кто им противостоит. Это Англия с ее двухпартийной парламентской традицией. Неизвестно, является ли такая система самой справедливой, зато она подкупает своей простотой и эффективностью. Однако раз в столетие планеты сходятся таким образом, что правящая партия не в силах править, а оппозиция не в состоянии ее сменить. Так было, когда рухнул авторитет вигов, иначе либералов. На смену им, в качестве противника консерваторов (тори), выдвинулась сформировавшаяся в профсоюзной среде партия труда — лейбористы. Похоже, что в последние годы политическая история Англии делает обратный вираж. На сей раз "отдает концы" партия лейбористов. Не значит ли это, что вновь восходит звезда вигов?

По обычаю начало осени в Великобритании — время съездов. Совещаются профсоюзы, заседают партии, выбирая для этого какой-нибудь приморский городок. В этом году сезон открыла так называемая третья сила, вернее, одна из ее составляющих — либеральная партия, которая нашла себе союзника в лице социал-демократов, отколовшейся части лейбористской партии. Союз этот возник всего лишь несколько лет назад. Ныне он рассчитывает успешно сразиться с консерваторами на предстоящих (в начале 1988 г.) выборах.

Нам уже приходилось довольно много писать о бурных событиях правления Маргарет Тэтчер. При огромном авторитете, которым она до сих пор пользуется, недовольство итогами ее эконо-

мической политики слишком велико; пятнадцать процентов трудящихся чуть ли не постоянно бастуют. Если мы дадим "железной леди" и впредь распоряжаться нами, говорят ее противники, то куда это нас заведет?

У лейбористов кризис руководства тянется еще дольше. Бывший премьер-министр Джеймс Каллагэн заменен на посту лидера партии более благовоспитанным Майклом Футом, который, однако, оказался решительно неспособным руководить своей партией. Левое крыло распоясалось сверх всякой меры, а круги, непосредственно связанные с профсоюзами, организовали затяжную и явно бесперспективную забастовку горняков. Кончилось тем, что на последних всеобщих выборах лейбористы потерпели такое поражение, что партии грозил уход с политической сцены.

На этом фоне улучшилось, как уже сказано, политическое самочувствие либералов. Они как будто пробудились от столетнего легаргического сна. Многим англичанам начинает казаться, что в кармане у вигов есть по крайней мере две-три превосходных идеи. Два наиболее читаемых периодических издания, еженедельник "Economist" и газета "Guardian", придерживаются либеральной ориентации. Пока еще, правда, партии либералов не удавалось собрать сколько-нибудь приличного числа голосов; это привело их к вышеупомянутому союзу с отщепенцами партии лейбористов — социал-демократами. Они могли надеяться на полсотни мест в Палате общин, с тем чтобы положить начало некоему лево-правому центру в парламенте.

Впрочем, в самое последнее время ситуация осложнилась. Внутри союза обозначились разно-

гласия. Например, социал-демократы одобрили идею создания британских сил быстрого реагирования и сотрудничества с союзниками в этой области. Либералы же на своем последнем съезде в Истберне проголосовали, вопреки предостережениям их лидера Дэвида Стила, за одностороннее ядерное разоружение. Можно ли выступать перед избирателями с единой программой, если не выработана общая политическая формула по такому важному вопросу, как оборона страны?

С другой стороны, на съезде партии лейбористов, состоявшемся вскоре после съезда в Истберне, обнаружилось, что сходные трудности стоят и перед лидером лейбористов Нийлом Кинноком. Под нажимом левого крыла партии Киннок обещал, в случае успеха на выборах, провести одностороннее сокращение вооруженных сил. С таким лозунгом партия труда, быть может, в самом деле добилась бы успеха... если бы заявление Киннока можно было принять всерьез. Но избиратели не забыли, как другой лейбористский лидер тоже размахивал левым знаменем, успешно сделал на этом карьеру, а заняв кресло премьер-министра, забыл о своих обещаниях. Этого человека звали Гарольд Вильсон, и под его руководством Англия стала образцовым членом Атлантического союза. Возможно, мистер Киннок сделан из того же теста.

Близится время подведения итогов и в США, а у президента нет уверенности, что он оставит Америке сколько-нибудь долговечное наследие. Вдобавок он должен будет передать своему преемнику управление страной, отягощенной изрядными долгами. Волей-неволей приходится думать о сокращении военных расходов. Такая раскладка, казалось, была весьма на руку его партнеру по переговорам в Рейкьявике: ведь Горбачев выступает как бы инициатором разоружения. Однако и у советского вождя немало проблем. Эти проблемы, как бы их ни формулировать, вновь и вновь упираются в экономику. Любопытный вопрос: способен ли Советский Союз преодолеть свои экономические трудности, не сокращая расходы на вооружение, висящие, словно мельничный жернов, на шее у всего народа? В гонке вооружений Советский Союз вырвался вперед. Этот перевес можно уравновесить, а то и превзойти с помощью программы СОИ. Следует ли продолжать гонку (под прикрытием разговоров о разоружении и опасности истребительной

войны) или можно каким-то образом сблизить позиции сторон? Вот в двух словах тема дискуссии в Рейкьявике. Неудача этой встречи довольно забавно контрастирует с примирительным тоном заявлений, сделанных обоими участниками после возвращения в свои столицы.

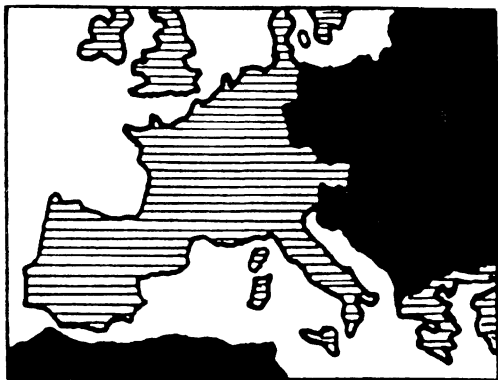
О Горбачеве мы говорить не будем; что касается Рейгана, то он, как и подобает опытному политику, попытался превратить в успех то, что его оппоненты сочли поражением. Может ли он в дальнейшем рассчитывать на поддержку Конгресса? Четвертого ноября в США состоялись так называемые промежуточные выборы. Обновлен состав конгрессов в штатах, переизбраны некоторые губернаторы штатов, а в Вашингтоне обновлен весь состав Палаты представителей и одна треть депутатов Сената. Промежуточные выборы не касаются президента и федерального правительства, однако от их исхода зависит, смогут ли президент и правительство проводить свою линию в годы, остающиеся до их собственного переизбрания.

Законодательная власть принадлежит в первую очередь Палате представителей, но пребывание депутатов в Палате весьма кратковременно: едва кончились одни выборы, как уже надо готовиться к следующим (промежуточные выборы происходят каждые два года в первый вторник ноября). Количество представителей от каждого штата пропорционально населению штата. Напротив, Сенат облечен меньшей законодательной властью, зато мандат сенаторов длится шесть лет (как и полномочия президента). Каждый штат, независимо от его населения, посылает в верхнюю палату Конгресса двух сенаторов. Сенат играет большую нежели Палата представителей, роль во внешней политике страны – в частности, ратифицирует договоры. Сенат утверждает или отвергает кандидатуры на высшие должностные посты, включая министров.

Итог выборов оказался для президента и его партии скорее неблагоприятным. В ближайшие два года Рейгану будет нелегко, ибо теперь и в Палате представителей, и в Сенате большинство принадлежит демократам. Из 16 кандидатов республиканцев в Сенат, в предвыборной кампании которых Р. Рейган принял личное участие, прошло всего пять. В одиннадцати случаях "великий уговариватель" потерпел поражение. Ему остается утешаться тем, что среди губернаторов штатов, в том числе южных штатов, что

особенно важно, ибо там первенство всегда принадлежало демократам, число представителей республиканской партии увеличилось. Нет худа без добра.

Г. Ферон

ФРГ ДО И ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

Выборы, прошедшие 9 ноября в Гамбурге, завершили серию региональных выборов. Теперь на очереди выборы в федеральный парламент (бундестаг), намеченные на 25 января 1987 г. Республика не испытывает недостатка в предвыборных кампаниях; речи кандидатов, ход политических дискуссий во всех десяти западногерманских землях и Западном Берлине обсуждаются по всей стране. При этом расписание смены депутатов в земельных парламентах — ландтагах составлено так, что выборы происходят в течение всего четырехлетнего цикла между федеральными выборами. Политическое соперничество, в котором активно участвует пресса, телевидение, радио — хорошая школа демократии. Принесенные в Западную Германию на штыках армий западных союзников демократические нормы отлично прижились в стране и пустили глубокие корни, хотя история Германии не имеет столь длительной демократической традиции, как история Англии, Франции или скандинавских стран. Дело, впрочем, не только в предвыборных кампаниях. Демократическая структура и партийная система ФРГ отличаются от факторов и элементов политического устройства ее предшественницы — Веймарской республики — еще в одном важном отношении. В 1919—1933 годах и особенно во второй половине 20-х гг. на противоположных сторонах политического спектра находились влиятельные политические

группы — нацисты, монархисты и коммунисты, которые ожесточенно боролись друг с другом, но сходились в одном — в отрицании республиканской демократии и государственного устройства, которое допускало самое их существование. При этом нацисты готовы были для виду блокироваться с любой политической силой, желавшей принять их в союзники, тогда как коммунисты даже социал-демократов объявили своими злейшими врагами. Ошибка коммунистов была ими признана только на VII конгрессе Коминтерна в июле-августе 1935 г., когда было уже поздно: нацисты захватили власть и ликвидировали все партии, кроме собственной.

Военный крах и решительные действия западных оккупационных властей, внедрявших демократические принципы всеми возможными способами вплоть до пересмотра школьных учебников, убедили германское общество во вреде антидемократических крайностей. Ни коммунистам, ни еще более радикальным левым группировкам, ни правым экстремистам, ни шовинистам из национально-демократической партии не удалось занять сколько-нибудь заметное место в политической жизни Федеративной республики. Все они прозябают на обочине. На их пути стоит "процентная норма": партия, набравшая менее 5% голосов избирателей, не участвует в выборных учреждениях.

Что касается основных партий страны, то вопрос об изменении существующего политического устройства в их программах отсутствует, — оно считается оптимальным для ФРГ. Речь может идти лишь о борьбе идеологий (и, разумеется, о личных пристрастиях: политическая жизнь не может быть свободна от них). Правительственную коалицию составляет ныне либерально-консервативный блок трех партий: ХДС (Христианско-демократический союз), ХСС (Христианско-социальный союз — партия-близнец христианских демократов, существующая только в Баварии) и Свободная демократическая партия (либералы). Главная оппозиционная сила — Социал-демократическая партия (СДПГ). Парламентская ситуация такова, что все последние годы победу одной из двух группировок решают депутаты от небольшой партии либералов. Их переход из блока с СДПГ в коалицию с ХДС—ХСС привел в 1983 г. к перемене правительства.

Особняком стоит партия "зеленых", которая выдвинулась на политическую арену примерно

пять лет назад. Хотя программа этой партии довольно аморфна, а ее активисты представляют весьма пестрый коллектив, популярность "зеленых" растет (как, впрочем, и популярность аналогичных групп в других странах Западной Европы). Первоначально главной идеей "зеленых" была защита окружающей среды (партия именуется также экологической). Уже это гарантировало им популярность в Германии, где культ природы, традиция пеших путешествий и идеи пейзажного почвенничества давно укоренились. Мало-помалу, однако, "зеленых" начали привлекать социальные, а там и политические проблемы. Идеологами партии стали люди среднего поколения – постаревшие участники студенческих волнений 1968 г. или во всяком случае те из них, кто не смог удачно вписаться ни в профессиональную сферу, ни в бизнес, ни в политический истеблишмент. Правда, с тех пор одеяния их бывших богов, знаменитых трех "М" – Маркса, Мао и Маркузе, изрядно полиняли. Однако на периферии благополучного общества всегда находятся недовольные, и нынешние идеологи "зеленых" весьма удачно работают на крайней драматизации реально существующих проблем, таких как безработица, особенно безработица молодежи, отношение к иностранным рабочим, вопросы равноправия женщин и воспитания детей, проблема ядерной энергии и ядерной угрозы, гонка вооружений, раздел мира на блоки. Все это позволяет охватить большие группы совершенно разных по своим устремлениям людей – от политически индифферентных патриархальных руссоистов до исповедников крайне левого политического активизма. Последних пытаются привлечь к достижению собственных целей враги западной демократии и в ином лагере. Именно в среде "зеленых" получили хождение лозунги типа *Lieber rot als tot* ("лучше красный, чем мертвый"), идея выхода Западной Германии из НАТО и Общего рынка и даже предложение ликвидировать армию и полицию.

Вернемся к предстоящим выборам в бундестаг. Похоже, что "зеленые" готовы перенять у либеральной партии, избирательный потенциал которой медленно, но неуклонно падает, роль решающей третьей силы в формировании федерального правительства. Поэтому возможность блока СДПГ с "зелеными" не исключена, несмотря на заявления социал-демократов о том, что этого не будет. Заявления эти вызваны, по-види-

мому, как пестротой и текучестью идеологии и политики "зеленых", что, кстати говоря, подрывает движение изнутри (в среде "зеленых" постоянно происходят стычки, расколы и перегруппировки), так и неблагоприятным исходом "экспериментальной" коалиции СДПГ и "зеленых" в земле Гессен. В этой промышленно развитой части Германии социал-демократы представили "зеленым" два министерских поста в земельном правительстве. Однако ни здесь, ни в какой-либо другой земле "зеленые" не предложили ни одного позитивного мероприятия в рамках собственной программы. Член партии "зеленых" Йошка (Йозеф) Фишер, получивший пост министра по делам охраны окружающей среды, приобрел известность, главным образом, своими непарламентскими выпадами против политических противников. Пожалуй, наиболее отчетливо несостоятельность Фишера как государственного чиновника проявилась в последние дни октября 1986 г., когда Рейн подвергся серьезному загрязнению в результате пожара на заводах швейцарской фармацевтической фирмы "Сандоз". Бассейн Рейна, крупнейшей реки Западной Европы, включает значительные территории Швейцарии, Австрии, ФРГ, Франции и Нидерландов. Активисту "зеленых" и министру экологии Йошке Фишеру был доверен пост председателя Международной комиссии по защите Рейна. Выяснилось, однако, что за полтора года его пребывания на этом посту комиссия ничего не сделала для предупреждения или хотя бы локализации последствий подобных катастроф.

На выборах в Гамбурге – городе, имеющем права земли, – СДПГ потерпела неожиданное и тяжелое поражение. Но нечто похожее уже происходило в этом бастионе "красных" (так принято называть весьма буржуазных социал-демократов) в 1982 году. Тогда коалиция СДПГ, либералов и новорожденных "зеленых" не дала сформировать муниципалитет во главе с ХДС. Были проведены повторные выборы. Теперь, как и четыре года тому назад, немилость избирателей во многом объясняется второстепенными обстоятельствами. Немалую роль в поражении СДПГ сыграл финансовый крах профсоюзного жилищно-строительного концерна "Neue Heimat". Из-за неэффективного руководства концерн потерпел большие потери, тысячи трудящихся не получили обещанных дешевых профсоюзных квартир, а фирму пытались за символическую

плату передать для "оздоровления" в частные руки. Как бы то ни было без поддержки "зеленых" ни той, ни другой из двух ведущих партий не удастся возглавить гамбургский городской совет, если, конечно, они не вступят в блок между собой (что мало вероятно).

Подобная ситуация может сложиться и после федеральных выборов, хотя положение страны как будто не предвещает серьезных политических коллизий. Валовой национальный продукт ФРГ в неизменных ценах возрастет до конца нынешнего года по сравнению с предыдущим на 3%, потребление товаров частными лицами — на 4,5%. Впервые после 1953 г. снизилась цена стандартного набора потребительских товаров и услуг (индекс розничных цен). Активное сальдо внешнеторгового баланса превысит 50 млрд. долларов — и это несмотря на значительное повышение курса западногерманской валюты, что обычно препятствует экспорту и поощряет импорт. Безработица сократилась за последний год на 300 тысяч человек. Свыше трехсот тысяч безработных, учащихся, пенсионеров и домохозяйек устроились на временную работу. Многочисленные частные фирмы — посредники во временном трудоустройстве — процветают. Законы обеспечивают трудящимся целый ряд социальных льгот и профсоюзную защиту. Около двух миллионов безработных также получили дополнительные материальные и социальные льготы. Снижены налоги на мелких и средних предпринимателей, а в следующем году намечено новое снижение налогов.

Именно эти итоги дают некоторую фору правящей коалиции ХДС—ХСС и либералов. По итогам же местных выборов сколько-нибудь убедительных выводов сделать нельзя. Так, правящая партия (ХДС) в нынешнем году в Гамбурге резко улучшила избирательные достижения, но не завоевала абсолютного большинства, в Баварии ухудшила свое положение, но не потеряла большинства, а в Нижней Саксонии — потеряла абсолютное большинство в пользу социал-демократов и "зеленых", однако удержалась у власти с помощью либералов. По данным опроса в Гамбурге, в решении избирателей на первом месте стоял вопрос, в какой мере местная власть обеспечивает личную безопасность и полицейскую защиту граждан (в сравнительно безопасной ФРГ Гамбург считается городом повышенной преступности). Второе и третье место делили про-

блемы безработицы и экономического благосостояния. Вопросы защиты окружающей среды и международной политики заняли, как ни странно, одно из последних мест.

На выборах в бундестаг система предпочтений может оказаться совершенно иной.

НЕВЕСЕЛОЕ ПРЕЗИДЕНСТВО

Президенту Австрии Курту Вальдхайму его почетный пост приносит мало радости. С государственными визитами он не ездит, ибо его никто не приглашает: а ведь в свое время страсть Вальдхайма к дипломатическим путешествиям была широко известна. Мало появляется он на публике и у себя дома в Австрии, замкнувшись в стенах президентского дворца. Не присутствовал Вальдхайм и на Венской конференции по проверке выполнения Хельсинкских соглашений, хотя по дипломатическому протоколу именно он должен был ее открывать. Вместо Вальдхайма конференцию открыл канцлер Австрии Ф. Враницкий.

В президентском дворце К. Вальдхайма тоже мало кто посещает. Израиль заявил, что на место отозванного посла новый назначен не будет — чтобы избежать процедуры обязательного протокольного представления президенту. Госсекретарь США Дж. Шульц, прибывший на открытие Венской конференции, заявил, что у него в программе нет времени на визит К. Вальдхайму. Американские дипломаты, однако, неофициально заявили, что госсекретарь будет бойкотировать все мероприятия, на которых предполагается присутствие К. Вальдхайма. Порадовал президента только советский министр иностранных дел Э. Шеварднадзе: прибыв в Вену, он немедленно нанес К. Вальдхайму визит.

Ко времени визита Э. Шеварднадзе "дело Вальдхайма" уже получило новое развитие. Как известно (см. "Страна и мир" № 7, 1986 г.), избрание К. Вальдхайма президентом страны вызвало бурю политических страстей: выяснилось, что он тщательно скрывал свое нацистское прошлое и признавал его шаг за шагом — по мере того, как появлялись неопровержимые доказательства. К моменту избрания президента ситуация была такова: достоверно было доказано (и Вальдхайм в этом признался), что он находился во время войны в составе армейской группы, осуществлявшей карательные операции в Югославии, однако личное участие Вальдхайма в массовых

убийствах и других преступлениях подтверждались лишь косвенными доказательствами, которые Вальдхайм имел право отвергнуть. Скептики, однако, помнили, что совсем недавно Вальдхайм отвергал не только это, но и членство в СА, и службу на фронте на Балканах, и свое присутствие в местах, где проводились "операции по очистке". Постепенно, однако, все это пришлось признать.

В конце октября в цепи президентских признаний появилось новое звено: представитель Вальдхайма Герольд Кристиан заявил, что "дополнительные исследования" (?) показали "неточность" прежних утверждений Вальдхайма о том, что его не было в районе гор Козара в августе 1942 г., во время массовых убийств мирного населения в этом районе. Теперь выясняется, что он там был, но, правда, только в качестве связанного офицера, в "операциях" не участвовавшего.

Югославский историк Владимир Дедиер, председатель комиссии по геноциду при Сербской Академии наук, полагает, что Вальдхайму придется сделать и следующий шаг в признаниях: он утверждает, что у него имеется 242 документа об "операции Козара", часть которых прямо указывает на участие Вальдхайма. Сейчас Дедиер добивается у австрийского правительства разрешения на осмотр австрийских архивов. Пока такого разрешения ему не дано.

Между тем документы по делу Вальдхайма принял к рассмотрению Международный Расселовский трибунал по расследованию военных преступлений. Он формально обратился к Австрии с просьбой разрешить ему провести в Вене специальные слушания по "делу Вальдхайма". На эту просьбу ответа пока не получено.

В конце октября на свет появились и другие неожиданные откровения, возможно, имеющие некое отношение к вопросу, почему документы по "делу Вальдхайма", собранные Югославией уже в первые послевоенные годы, так долго не всплывали на свет.

Полковник Колендич, сразу же после войны стоявший во главе югославской разведки в Вене, в беседе с корреспондентом "Washington Post" в октябре 1986 г. рассказал: "Во второй половине декабря 1947 г. я получил имена 24 немецких военных преступников и досье на них, которые должны были быть посланы в комиссию ООН по военным преступлениям в Лондон. Имя Вальдхайма стояло в списке четвертым и было подчеркнуто... Я тщательно просмотрел

досье, оно было удивительно подробно... Я не видел до тех пор такого хорошо документированного досье, по крайней мере я этого не припомню".

Вместе с досье Колендич и его заместитель Ковачевич получили инструкцию завербовать Вальдхайма. Колендич рассказывает, что они с Ковачевичем решили сделать это совместно с советскими офицерами разведки. Колендич работал "в связке" с советским полковником Гондой. Ему он и передал досье Вальдхайма.

Колендич "абсолютно уверен", что Вальдхайм был завербован. На вопрос корреспондента, откуда такая уверенность, он просто сказал: "Когда вы в разведке, вы быстро научаетесь понимать такие вещи". Стало известно также, что в начале 1948 г. советские офицеры разведки сказали югославскому офицеру связи полковнику Леонтичу, что "Вальдхайм завербован и югославам больше вмешиваться не нужно".

Вальдхайм в то время занимал положение, очень удобное для шпионажа: он был личным секретарем министра иностранных дел Австрии Карла Грубера. Антинацистская репутация Грубера была вне сомнений. Ясно было, что он никогда бы не потерпел у себя под боком активного наци. С другой стороны, советские представители в Вене были очень недовольны Грубером, известным своими пробританскими симпатиями. Им очень важно было иметь рядом с ним своего человека.

Колендич добавляет, что Вальдхайм в то время был не единственным, кого советская разведка шантажировала нацистским прошлым, и объясняет почему: "В то время они осознали слабость австрийских коммунистов. Они еще были в правительстве, но их политические позиции быстро рушились".

Рассказ Колендича подтвердили и еще несколько югославских официальных лиц, просивших не называть их имен. Среди них — бывший личный помощник Тито в начале 60-х гг., а также помощник Слободяна Пенезича, заместителя шефа югославской тайной полиции Александра Ранковича. Последний в свое время посылал отправлявшиеся Колендичем в Белград меморандумы о вербовке Вальдхайма. Правда, в противоречие с Колендичем, этот бывший разведчик утверждает, что югославы пытались вербовать Вальдхайма и самостоятельно, независимо от советской разведки.

Газета "Washington Post" получила также ко-

пию югославского досье на Вальдхайма, утверждения об участии Вальдхайма в массовых убийствах основываются в нем на показаниях семи немецких военнопленных (часть их была позднее казнена за военные преступления). Газета считает эти свидетельства недостаточными. В досье есть ряд других любопытных документов, подтверждающих косвенно нынешние свидетельства о вербовке Вальдхайма. Так, в нем есть письмо, написанное 18 декабря 1947 г. Душаном Недельковичем, представителем югославской комиссии по военным преступлениям, и адресованное югославскому послу в Лондоне.

В этом сопроводительном письме к списку военных преступников, направлявшемуся в Лондон для передачи в комиссию ООН, Неделькович писал: "Вы прежде всего должны предпринять усилия, чтобы зарегистрировать (в качестве военного преступника) Вальдхайма. Причина этого в том, что свидетельства ясны и обвинение вполне достаточно, но также и в том, что есть еще другой аспект, особенно важный политически". Не есть ли это намек на акцию Колендича-Гонды?

Югославские отставные разведчики говорят, что после разрыва Тито со Сталиным югославская тайная полиция потеряла интерес к Вальдхайму.

Пока вся эта история находится в числе тех, которые Вальдхайм отрицает. Ряд обозревателей, доверяющих показаниям югославам, высказываются в том духе, что "преступное прошлое" Вальдхайма могло быть сфабриковано югославами специально с целью шантажа. Возможно. Но почему тогда Вальдхайм шантажу поддался?

Если дальнейшее расследование подтвердит эти сенсационные откровения, многое в карьере Вальдхайма, в особенности в период чехословацких событий и его секретарства в ООН, станет более понятным. ●

"МОЯ ЖИЗНЬ С КГБ"

Датский еженедельник "Vikendavisen" опубликовал статью депутата фолькетинга (парламента), эксперта партии "народных социалистов" по вопросам обороны Пелле Фойгта, озаглавленную несколько сенсационно "Моя жизнь с КГБ".

П. Фойгт познакомился с работниками КГБ 8–10 лет назад: однажды после дебатов в одном копенгагенском клубе на темы Ближнего Восто-

ка к нему подошел незнакомец лет тридцати и заговорил с ним по-английски. Он представился как работник советского посольства и затем пригласил Фойгта на обед. За этой встречей последовали и другие.

Советский дипломат — его фамилию Фойгт не сообщает — расспрашивал его, в частности, о том, как тот совмещает учебу (Фойгт был тогда студентом) и политическую деятельность. Однажды дипломат предложил Фойгту учиться в Оксфорде, пообещав, что расходы возьмет на себя СССР. "У нас есть фонды на такие вещи", — сказал дипломат. Фойгт вежливо отказался. По его словам, он был уже наслышан о том, что СССР и другие восточно-европейские страны "финансируют всякого рода политическую деятельность в Дании". Однако, несмотря на отказ, контакты Фойгта с КГБ — а он уже отдавал себе отчет, что имеет дело с агентом КГБ — продолжались.

Так, когда Фойгт готовил конференцию, на которой должны были встретиться палестинцы и израильтяне, перед ним встал вопрос о средствах. Советский агент дал Фойгту деньги на поездку в Израиль. "Теперь он мог сообщить домой, — пишет Фойгт, — что я веду разведработу в Израиле в пользу СССР". Кроме того, агент обещал, что пребывание участников конференции в Дании будет оплачено. Конференция, однако, так и не состоялась.

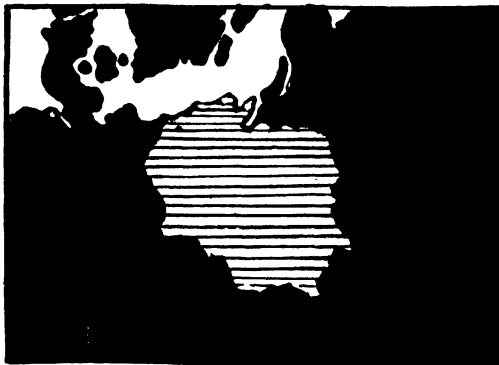
Агент КГБ согласился также финансировать некое "освободительное движение в Южной Африке", но он хотел бы делать это не непосредственно, а через Фойгта. Он был также очень заинтересован в том, чтобы Фойгт стал руководителем партии "народных социалистов" (в свое время эта партия возникла в результате раскола датских коммунистов, и представляет собой нечто вроде датских еврокоммунистов.

Фойгт рассказывает, что он был знаком с несколькими агентами КГБ. Один из них показывал Фойгту статьи, которые он должен был опубликовать в некой газете под датской фамилией (но, очевидно, не опубликовал). Эти статьи, пишет Фойгт, были полны ошибок и заведомой дезинформации. Фойгт отдавал себе отчет в том, что из него хотели сделать "агента влияния" — своего рода датского Трехольта (см. "Страна и мир", № 6, 1986).

Фойгт, однако, не собирался сообщать о своих контактах с КГБ датской контрразведке. Он,

как левый политик, не любил эту организацию. Однако теперь он решил написать обо всем этом в газете — не раскрывая имен и дат. Почему именно теперь — об этом остается только гадать.

Б. Вайль

ПОЛОЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ

Ситуация в отношениях между властями и оппозицией за истекший месяц несколько стабилизировалась и прояснилась. 9 октября административно-социальный отдел муниципалитета Гданьска распорядился немедленно распустить Временный комитет "Солидарности" (ВКС). Это дает властям правовые основания для того, чтобы начать судебное преследование членов ВКС. Однако этого пока не сделано. В газетах, по радио и телевидению усилились нападки на оппозицию в целом и на "Солидарность" в особенности, чего почти не было до и непосредственно после амнистии 11 сентября. Суть нападок была одинакова: ВКС — нелегальная организация и партнером в переговорах с правительством быть не может. Ранг выступавших постепенно повышался: от представителя правительства по связям с прессой Е. Урбана к генералу Ч. Кишаку (МВД) и премьер-министру З. Месснеру. Наконец дело дошло и до Ярузельского. Выступая на партийной конференции в Катовице, генерал заявил: "Делаются попытки возродить отжившие лозунги и структуры. Не последнюю роль играют здесь чужие деньги... Поэтому наш совет: во-время это прекратить, по-хорошему."

К кампании привлечены функционеры "возрожденных" официальных профсоюзов, которые пытаются объяснить рабочим, как это плохо, когда на предприятии есть несколько профсоюз-

ных организаций. Что же касается действий, то пока не возбуждено ни одного дела против членов ВКС и местных представительств "Солидарности", которые решили выйти из подполья. Следствие открыто лишь в отношении Виктора Кулерского и Яна Литыньского, до амнистии — подпольных руководителей варшавской "Солидарности". После выхода из подполья оба заявили, что варшавское отделение союза начинает работать открыто. Оба обвиняются в руководстве "нелегальной организацией".

На заседании сейма 24 октября были внесены некоторые изменения в уголовный кодекс. Ряд так называемых "преступлений против общественного порядка", которые ранее рассматривались только судами и карались, как правило, несколькими годами заключения, передаются теперь в коллегии по делам о правонарушениях, "если такие преступления не вызывают серьезных нарушений общественного порядка". Такие коллегии обычно наказывают лишь денежным штрафом или заключением на несколько месяцев. Они смогут теперь рассматривать дела об участии в нелегальных организациях, печатании и распространении нелегальных изданий, организации незаконных манифестаций и т. д. Это дает властям возможность более гибко применять репрессии, за те же действия наказывать то более, то менее сурово. Это может также замедлить процесс нового заполнения тюрем: аресты обычно мобилизуют оппозицию к борьбе за новую амнистию и настраивают мировое общественное мнение против правительства.

Оппозиция тоже может приветствовать новые решения сейма. Я уже писал однажды, что если после военного переворота средний приговор по политическим делам составлял три-четыре года, то позднее этот срок сократился до года-полутора. Нынешние перемены создают перспективу сокращения срока до полугода или года, а то и просто замены тюрьмы денежным штрафом. Это, так сказать, постепенный переход полицейского государства от варварства к цивилизации. Если же говорить серьезно, то, видимо, в намерения властей входит длительное сосуществование с оппозицией, которую они считают явлением докучливым, но не смертельным для режима. При таком подходе карательная политика должна прежде всего сдерживать развитие оппозиционного движения, а не давить его жестокими репрессиями.

Есть доказательства того, что правительство не намерено поспешно менять более мягкий курс, начатый амнистией. Делаются очередные реверансы в сторону творческой интеллигенции, обещаны новые реформы политической системы. Речь идет о создании таких институтов, в которых могли бы участвовать люди, настроенные оппозиционно в отношении властей, но понимающие "государственный интерес". Эти интересы, по мнению властей, состоят в том, что сегодня Польша может существовать лишь как коммунистическое государство. Такие институты могли бы стать для власти первым шагом к тому, чтобы "вмонтировать" в систему умеренную оппозицию, которая могла бы выполнять в ней функции подсказчика. В центре такая роль предназначается Консультативному общественному совету при Государственном совете (возглавляемом Ярузельским), а в "глубинке" — так называемым гражданским сходам при местных советах (радах народных). В печати обсуждается возможная роль контролеров по гражданским правам (см. "Страна и мир" № 10, 1986 г.). Предполагается, что эти контролеры будут наделены значительными полномочиями для пресечения нарушений гражданских прав со стороны органов администрации. Говорится также о реформе избирательного закона, которая допускала бы реальную предвыборную борьбу нескольких кандидатов. Пока все эти шаги находятся лишь на стадии обсуждения. Не исключено, конечно, что все это окажется ловушкой или же видимостью реформ.

Надежды, возникшие у оппозиции, нашли свое выражение в выходе из подполья комитетов "Солидарности" в Варшаве, Конинском воеводстве, Верхней Силезии, Лодзи и Люблине. В конце октября процесс замедлился. Объясняется это, по-видимому, двумя причинами: не исключено, что в других местах деятелей "Солидарности" убедили не провоцировать власти на репрессии против уже созданных представительств (в окружении Валенсы явно обеспокоены происходящим); кроме того, возникла опасность, что на предприятиях заводские комитеты "Солидарности" тоже захотят выйти из подполья. При отсутствии гарантий их дальнейшей безопасной работы это было бы бесплатным подношением министру внутренних дел Кищаку, осведомленность которого о деятельности подполья не так велика, как он стремится это показать. Известно

теперь, что в ходе знаменитых собеседований с "конспираторами", проведенных перед амнистией (см. "Страна и мир" № 10, 1986), ни один настоящий подпольщик потревожен не был. Среди "охваченных" были лишь открытые противники режима, например, те, кто пишет в парижской "Культуре" под собственными фамилиями.

В заявлении Валенсы и Временной координационной комиссии "Солидарности" (ВКК) прямо говорится, что ВКК по-прежнему координирует деятельность подпольной "Солидарности". В ВКК теперь входят анонимные представители регионов, кроме тех ее членов, чьи фамилии уже известны. В заявлении сообщены еще два имени членов ВКК: Яна Гурного и Марека Мушиньского. За рубежом ВКК по-прежнему представляет Координационное бюро в Брюсселе. В рамках такой структуры Временный комитет "Солидарности" играет роль рабочей группы при ВКК на случай возможной легализации. В то же время это позволяет сохранить подпольное руководство и заграничное представительство без угрозы попасть врасплох при изменении правительственного курса. Такое решение представляется необычным, но разумным. Люди, которые годами рисковали собой, работая в подполье, теперь смогли выйти из него с достоинством. Решение это также снимает с ВКК ответственность за связи с Брюссельским бюро, которое в глазах властей является "агентурой ЦРУ".

Важным примирительным шагом оппозиции было обращение к западным правительствам с призывом об отмене экономических санкций против Польши. Письмо (первой под ним стояла подпись Валенсы) долго не пропускалось цензурой, однако в конце концов его опубликовал легальный католический еженедельник "Тыгодник повсехны". После публикации авторов стали обливать грязью, утверждая, что раньше они были за санкции (это неправда), а теперь стараются присоединиться к тем, кто якобы содействует их отмене.

Подводя итоги первых двух месяцев после амнистии, можно сказать, что правительство не очень-то стремилось перейти от борьбы с оппозицией к диалогу с ней. Можно скорее говорить о переводе борьбы из ведомства полиции в ведомство политики (полицейская дубинка лишь прижмывается как окончательный довод). "Холодная гражданская война", идущая в Польше с момента установления коммунистиче-

ского режима, стала вестись более гуманными методами. Тем временем возможности политической и общественной жизни, неподконтрольной режиму, расширились. ●

В. Кучинский

ДРАКОНЫ В СВОБОДНОМ ПОЛЕТЕ

“Четыре малых дракона Азии” — так иногда называют в политикоэкономической литературе о Дальнем Востоке Гонконг (Сянгань), Сингапур, Южную Корею (Корейскую Республику) и Тайвань (Китайскую Республику). В мифологии Китая и Японии дракон — символ силы и богатства, носитель счастья и могущества. И действительно, перечисленные четыре страны стали в этом регионе образцом быстрого экономического роста и улучшения качества жизни. Импульс развитию дал свободный полет: создание и укрепление хозяйства практически без государственного вмешательства.

Все эти страны понесли большой урон во время войны в результате японской оккупации. В трудных условиях создавали свое государство на Тайване разбитые в континентальном Китае гоминдановцы. В войне 1950—53 гг. огромный урон понесла Корея. Ни у одной из этих четырех стран нет сколько-нибудь значительных природных ресурсов, а Сингапур и Гонконг — это всего лишь города-государства, вынужденные ввозить не только продовольствие, но и питьевую воду.

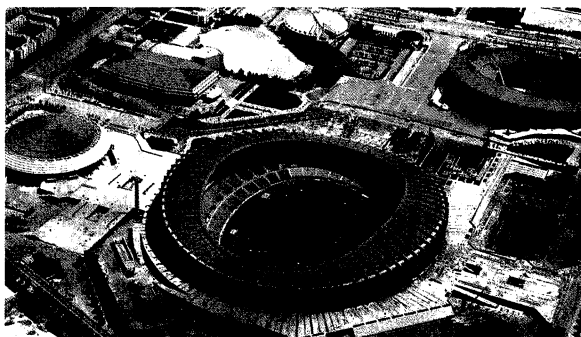
Между тем валовой общественный продукт на душу населения превышает в этих странах шесть тысяч долларов в год. По этому показателю из всех азиатских государств они уступают только Японии (10100 долларов) и ближневосточным

экспортерам нефти — Кувейту и Саудовской Аравии. На Тайване и в Южной Корее, где есть значительное и относительно менее зажиточное крестьянское население, общественный продукт на душу населения ниже (2700 и 1800 долларов соответственно), но и это намного превосходит тот же показатель для других государств Азии. За последние два десятилетия “малые драконы” демонстрируют высший пилотаж и по динамике роста: ежегодно их национальный продукт увеличивается примерно на 10%. Правительства всех четырех стран должны были лишь содействовать широкой экономической инициативе населения, ввести всеобщее, обязательное и бесплатное образование для детей и молодежи до 16-летнего возраста, снять большую часть перегородок на путях экспорта и импорта. Остальное пришло само.

Характерен пример программ сдерживания роста населения, которые носят деликатное название “программы планирования семьи”. Во всех перенаселенных странах Третьего мира эти программы потерпели полную неудачу. Рост населения в развивающихся государствах по-прежнему пожирал все плоды экономического развития. В странах же дальневосточной четверки катастрофический 4%-ный прирост населения, отмеченный еще в 1950 г., сошел к концу в наше время до 1,5%. И причина тому — не призывы правительства, а общий рост уровня жизни.

Особенно заметны перемены в качестве жизни. Три четверти населения некогда преимущественно крестьянских Южной Кореи и Тайваня живут в городах. Нищие давно исчезли из городского пейзажа. В Гонконге уже не встретишь уличных портных, ночующих под открытым небом. Жители джонков и сампанов, проводившие некогда всю жизнь на плаву, обзавелись благоустроенными жилищами. На джонках созданы ресторанички и другие туристские объекты. Владельцы судов по-прежнему пользуются ими, но уже по прямому назначению — для рыбной ловли, а также для семейных прогулок. Большинство жителей четырех стран — владельцы своих квартир или домов. Половина тайваньских и свыше трети южнокорейских выпускников средних школ продолжают учебу в средних профессиональных и высших учебных заведениях. В 95% домашних хозяйств стран четверки есть телевизоры и холодильники, свыше 70% имеют телефоны.

Страны четверки производят и экспортируют

Олимпийский комплекс
в Сеуле

огромные количества сложнейшей продукции, строят капитальные объекты во всем мире, обслуживают своими судами крупнейшие морские перевозки. Южная Корея стала серьезным конкурентом Японии в области черной металлургии, а южнокорейские автомобили марки "Эксельс" с успехом вторглись на американский рынок, давно испытывающий нужду в машинах малых и средних размеров. Гонконг — крупнейший в мире экспортер текстиля и детских игрушек, Тайвань — спортивных товаров: от обуви до теннисных ракеток. Все эти страны — крупные экспортеры готовой одежды, бытовой и промышленной электроники, часов и обуви. Рост благосостояния четверки привел к росту заработной платы, а следовательно, и к трудностям в конкурентной борьбе.

Было бы соблазнительно объяснить все эти чудеса национальным характером китайцев (и корейцев), их высокой трудовой моралью, способностью к самоограничению и уважением к образованию. Действительно, все это так. Рассказывают о гонконгском судовладельце Я.К.Бяо, одном из богатейших людей в мире, который не разрешал своим дочерям до самого замужества покупать больше одной пары обуви. Многие нынешние финансовые воротилы и профессора университетов в странах четверки вспоминают голодное детство и зубрежку школьных уроков в очереди за бесплатной чашкой риса. Но те же китайцы живут и в континентальном Китае, те же корейцы — на коммунистической северной части полуострова. Добавим, что около миллиона корейцев, живущих в Японии на статусе граждан второго сорта, также не преуспели по части экономического и социального благосостояния. В качестве других соблазнительных объяснений можно было бы упомянуть американскую по-

мощь Тайваню и Южной Корею или доходы от торгового посредничества в случае Гонконга и Сингапура. И эти объяснения правильны, но опять же неполны.

Гораздо важнее то, что жители Тайваня, Южной Кореи, Гонконга и Сингапура отвергли соблазнительный путь централизованного планирования и сделали выбор в пользу экономической свободы и плюрализма. Хозяйственные успехи создали основу для борьбы за политическую демократизацию. В Сингапуре на выборах 1984 г. впервые в парламент прошли представители оппозиционной партии, бросив вызов престарелому лидеру Ли Куанью, уже 27 лет бессменно возглавляющему правительству республики. На Тайване коренное население острова отвоевывает все новые позиции у пришельцев с материка и их потомков. В Южной Корею возрастает давление на правительство и внутри страны, и со стороны правительств Запада, требующих проведения в стране демократических реформ. Однако ни одно из оппозиционных движений не собирается рубить сук, на котором оно сидит: они не намерены менять политическую и экономическую ориентацию своих стран.

Пока неясно будущее Гонконга, который в 1997 г. должен перейти под юрисдикцию КНР. Нынешнее правительство Пекина обязалось в течение 50 лет после этого сохранять экономическую структуру и самоуправление территории. Но кто знает, какой виток (или скачок) совершит завтра никем не контролируемая политика китайских коммунистов.

Опыт "малых драконов" показывает, что экономический либерализм — плод длительного развития, он нуждается в тщательном уходе и в создании надлежащей общей атмосферы. Но как говорит китайская пословица, самое далекое путешествие начинается с первого шага.

Каменирует Ф. Бахманов

Рисунки Т. Кофьян

I.

Сценарий и фильм. — А могло быть иначе. — Нечто о потребностях. — Перехлесты. — Издержки системы? — Почему мы умнее Маркса. — Что от чего зависит. — Сложнее всего простые истины. — Пример, имеющий шансы стать классическим. — Успех.

Собственно, обсуждать уже было нечего: бумаги подписаны, багаж сдан. И все-таки он завел этот разговор. То ли хотел понять, почему я все-таки уезжаю, то ли объяснить себе, почему он остается.

— Значит, так, — сказал он.

— Так.

— А почему именно сейчас? Ведь вас же печатали и печатают.

— Пропорции. Раньше дозволялось одно осмысленное слово на сто пустых, сейчас — на тысячу, завтра будет на миллион. Я немолод, просто не успею.

— Да, — сказал он задумчиво. — Фильм получился плохой, прямо-таки гнусный фильм. Но сценарий-то был хорош. Против этого, надеюсь, вы не станете спорить?

Спорить было некогда, да и не очень этично. Да, фильм не удался. Но сценарий, сценарий-то был великолепен! Чистая случайность, что в самый ответственный момент истории во главе государства оказался садист с темным прошлым. Проживи Ленин еще хотя бы десяток лет, окажись на его месте интеллигент Троцкий, или разумный и мягкий Бухарин, или честный Киров... Наконец, все вообще могло быть иначе. Революция не в одной отсталой стране, а сразу в нескольких высокоразвитых странах. И ничего бы

не было: ни капиталистического окружения, ни вынужденных репрессий, ни того гнусного влияния буржуазной психологии и образа жизни, которые порождают частнособственнические инстинкты, погоню за материальными благами, коррупцию.

Конечно, коммунизм, как его представляли Маркс и Энгельс, — утопия. Удовлетворить потребности человека в самом необходимом — еде, одежде, жилье — можно без коммунизма. Удовлетворить же *любые* человеческие потребности — задача вообще непосильная. И потому, что ресурсы Земли, как мы понимаем теперь, ограничены. И потому, что потребности человека, напротив, безграничны. Все это так очевидно, что в новой редакции Программы КПСС говорится уже не о потребностях вообще, а о разумных потребностях. Если же учесть, что право решать, какие из наших потребностей разумны, а какие — нет, принадлежит партии, то право же не ясно, что мешает ЦК и Совету Министров принять постановление, обязывающее нас незамедлительно вступить в коммунизм.

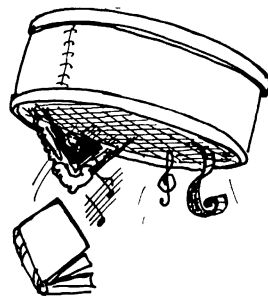
Ах, да Бог с ней, с теорией. Попробуем подойти к делу проще. С практической точки зрения Советский Союз можно рассматривать как систему, в которой *социальная* роль государства гипертрофирована, доведена до предела. Государство взяло на себя уйму самых различных функций: организация производства и распределение общественного продукта, помощь нуждающимся, образование и воспитание, медицинское обслуживание и прочее. Всего не перечислишь.

Пожалуй, в своей заботе о гражданах государство несколько перехлестывает через край, решая за нас, что мы должны читать, видеть, слышать, писать, танцевать. Почему, например, нам одинаково противопоказаны абстрактная живопись и конкретная музыка. Почему дозволено читать эмигранта Бунина и не дозволено — эмигранта Ходасевича. Но может быть, все это мелочи, издержки системы, которая в основе своей разумна и справедлива? Более того, может, эти издержки порождены именно тем, о чем мы говорили, — трагическими ошибками истории? Смертью одного вождя и неудачным выбором другого? Революционной ситуацией, которая сложилась не тогда и не там, когда и где ей следовало?

Однако с тех пор прошло семьдесят лет, а революция упорно обходит высокоразвитые страны. И уже одно это заставляет усомниться в непреложности исторического закона, открытого Марксом. Но не только это. Экономическая задача революции, по Марксу, состояла в том, чтобы изменить систему *распределения* общественного продукта. Что касается *производства* этого продукта, то предполагалось, что в худшем случае оно останется неизменным, а в лучшем — возрастет, ибо справедливое распределение побудит людей производить как можно больше.

Похоже, Ленин исходил первоначально из той же презумпции. Презумпции наивной и глубоко ошибочной. Сейчас мы это понимаем. Конечно, дело не в том, что мы умнее Маркса, — просто у нас есть опыт. И у Ленина к концу жизни какой-то опыт был. Он убедился, что основная проблема не в распределении продукта, а в его производстве. Ведь в конце концов распределить, пусть самым справедливым образом, можно лишь продукт, который удалось произвести. И если того, что производится, недостаточно, или продукт — плохого качества, или это не тот продукт, который людям нужен, то о каком же удовлетворении потребностей может идти речь? Читая последние работы Ленина, ясно ощущаешь, как мысль вождя мечется в поисках средства — магического средства, — которое поможет стимулировать производство при социализме.

Ленин понимает, что производительность труда — главное, решающее условие победы нового общественного строя, и мучительно ищет нечто такое, что заменит капиталистическую конкуренцию. Соревнование? Рабочий контроль? Партмаксимум?

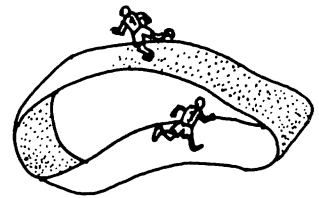
Можно долго перечислять факторы, от которых зависит производительность труда, или, пользуясь более широким определением, эффективность общественного производства. Разумеется, в числе этих факторов окажутся и развитие науки, и уровень техники, и совершенство технологии, и степень искусности работников, и методы организации труда и производства. Но столь же очевидно, что все эти сложные и многообразные факторы можно в конечном счете свести к одному — к *желанию человека работать*.

Не человека, "влюбленного в свое дело". Шостакович или Капица работали вопреки всему. Но и не профессионального бездельника, — такие люди умеют ничего не делать при любом строе, при любой системе стимулов. Нет, я имею в виду *среднего*, "типичного" человека, который может работать или не работать, трудиться с полной отдачей сил — или отбывать на службе положенные часы. Все зависит от условий, в которые его поставят. Причем не так уж существенно, какие функции этот человек выполняет — продавца, директора завода, ученого или министра. Каждому амплуа соответствует свой набор факторов, стимулирующих (или не стимулирующих) труд. Получается, что за такими, внешне обезличенными показателями, как уровень науки, техники, организации, стоит нечто вполне конкретное, — *стимулы*. Мотивы, побуждающие ученого исследовать, инженера — изобретать, руководителя — внедрять изобретение, мастера — совершенствовать организацию, рабочего — производить больше и лучше, продавца — не прохладиться за прилавком, а торговать, эстрадную диву — показать себя во всем блеске.

Вот по этой-то важнейшей характеристике социалистическая система уступает любой другой, содержащей в себе хоть какие-то элементы свободного рынка. Не берусь судить, есть ли стимулы хорошо работать у генерального секретаря ЦК КПСС. Но у других их определенно нет. Хуже того, можно доказать (хотя это потребовало бы места), что у советского работника любого ранга есть стимулы работать плохо. Не зря в современном русском языке прочно утвердился термин "антистимулы".

Время от времени очередной советский вождь (М. С. Горбачев — не исключение, просто он говорит об этом чаще и откровенней других) выступает с призывом устранить антистимулы и создать серию механизмов, каждый из которых будет стимулировать что-то очень хорошее: развитие науки, внедрение изобретений, высокое качество колбасы, экономию.

Можно долго спорить, чего тут больше — демагогии или непонимания. Видимо, все-таки непонимания. Советская система хозяйствования — явление настолько необычное, что в нем трудно разобраться наблюдателю, находящемуся как внутри, так и вне системы. Так что я уже не удивляюсь, читая в зарубежной русской публицистике жалобы на Сталина, который "довел до развала" сельское хозяйство (а мог, очевидно, довести до расцвета) или глубокомысленные рассуждения о том, как сделать плохие колхозы хорошими. Похоже, людям сложнее всего дается понимание в общем-то простой истины: советская экономическая система *неэффективна изначально*, в самом своем фундаменте. Неэффективна, в частности, потому, что в ней начисто отсутствуют стимулы: пружины, побуждающие каждого отдельного человека работать, а общество в целом — развиваться.

Это, конечно, не означает, что существующую систему вообще ни в какой мере нельзя улучшить. Какие-то особенно нелепые ограничения можно снять, а какой-то особенно необходимый механизм поощрения можно ввести. Скажем, сделать колхозы рентабельными и даже богатыми несложно — достаточно лишь резко поднять закупочные цены. Невозможно другое: сделать их *производительными*. Ибо вся система (и не только колхозная) построена так, что не стимулирует *работу*.

Приведу пример, имеющий шансы стать классическим. Несколько лет назад академик Т. Заславская организовала эксперимент в алтайском колхозе "Путь к коммунизму". Колхоз разделили на небольшие звенья, каждое звено получило свой участок земли. При этом оплату труда поставили в прямую зависимость от урожая.

Не нужно быть большим экономистом, чтобы сообразить: в юридических рамках колхоза была создана структура, не имеющая с колхозной ничего общего. Перед нами типичный пример договора аренды, известного еще римскому праву. Подобная структура использовалась в России до революции, в некоторых странах она практикуется и сейчас.

В общем контексте советской экономической системы эта структура — тело чужеродное. Естественно, что система всячески противилась, делала все, чтобы ее отторгнуть. Обычно это удается; безарядные звенья ныне сохранились преимущественно в отчетах.

Однако в данном случае на чашу весов был брошен авторитет академика, поддерживаемого институтом, были пущены в ход официальные и неофициальные связи, включены рычаги давления. Короче, производительность труда в звеньях (не в колхозе!) возросла, резко увеличилась и зарплата экс-колхозников.

Успех? Еще бы. Опыт доказал то, что и без того было ясно: любая, даже примитивная, организация сельскохозяйственного производства неизмеримо производительнее колхозной. Но и это не все. Рост заработка крестьян сразу же обнаружил общую импотентность системы. Оказалось, что у нее нет продуктов и товаров, которыми государство могло бы расплатиться за собственные векселя-деньги! Единственное, чем государство было в состоянии стимулировать трудовой подвиг, — плодово-ягодное вино, бормотуха. Только этот продукт и имелся в изобилии.

Конечно, проблема стимулов шире, много шире. Она существует, повторяю, на всех уровнях. Для руководителя крупного предприятия или министра она никак не менее важна, чем для колхозника. *Способность* системы создать такие стимулы — свои для каждого уровня — и определяет ее возможности, ее потенциал развития.

II.

Попробуйте придумать. — Покупатель. — На следующем витке спирали. — Нам некого было бы догонять. — Импульсы внешние и внутренние. — Верно, потому что всеильно. — Памятник, который до сих пор не поставлен. — Чудеса. — Экономика уколов. — О кильке в томате и Маньке в халате. — Кому что мнилось. — Два подхода.

Я не хочу повторять то, что читатель и сам знает о так называемом капитализме: свободный рынок, конкуренция, товарно-денежные отношения. Но все-таки давайте представим себе, как функционирует эта система на практике. Допустим, некий владелец капитала решил создать новую фирму. Задача чрезвычайно сложная. В любой сфере производства рынок насыщен (и даже перенасыщен) изделиями соответствующего профиля; вдобавок у существующих фирм есть устойчивые связи, отношения, репутация. Чтобы изделия новой фирмы нашли сбыт, нужно выдержать как минимум одно из трех условий. Либо предложить потребителю новое изделие, либо нечто известное, но существенно лучшее, чем у других производителей, либо, наконец, более дешевое.

Тот, кто думает, что это легко, пусть попробует для начала придумать вещь, которой нет и в которой мы нуждаемся. Улучшить потребительские качества изделия и научиться изготавливать его дешевле тоже, поверьте, непросто: одновременно с вами над

теми же задачами бьется миллион специалистов. Конкуренция. Как правило, удачное решение содержит в себе элементы существенной новизны — открытия или изобретения. И хотя внедрение нового тоже связано с трудностями и риском, всегда найдется фирма, готовая рискнуть. Не обязательно потому, что во главе ее стоят новаторы; нередко просто потому, что нет иного выхода.

Вряд ли в Советском Союзе делается меньше изобретений, чем на Западе. Но обратите внимание: все (или почти все), что пришло к нам в двадцатом веке, пришло с Запада. Синтетическое волокно. Транзисторный приемник. Телевизор, в том числе — цветной. Холодильник. Стиральная машина. Видеомагнитофон. Микроволновая печь. Электробритва. И так далее.

А космическая ракета? — скажете вы. Оставим пока ракету в покое. Я сознательно перечислил предметы, представляющие лишь *потребительскую* ценность. Государству как таковому стиральная машина или транзисторный приемник, может быть, и не нужны. И если они появились, то этим мы обязаны жестким законам капиталистического рынка: конкуренции, погоне за прибылью и прочим малопочтенным соображениям.

Слава Богу, у нас ничего подобного нет. И как следствие "в большинстве отраслей научно-технический прогресс протекает вяло, по сути дела эволюционно — преимущественно путем совершенствования действующих технологий, частичной модернизации машин и оборудования... Нужны революционные сдвиги". (М.С. Горбачев).

Да, нужны. Только вот откуда им взяться, если ни у кого из участников производства нет стимулов производить новое, или улучшать качество, или снижать себестоимость. Можно ли исправить положение? Можно. Но для этого нужны не искусственные "механизмы стимулирования", а система, которая по самой своей природе стимулирует производство, побуждает всех его участников действовать наилучшим образом. Однажды в истории советского государства такая перестройка состоялась. Паровоз, летевший к коммуне, притормозили и спасли от крушения рельсы нэпа.

Не стану утверждать, что система частного предпринимательства работает безукоризненно, что ее механизмы стимулирования идеальны. Но факт, что каждый ее участник поставлен перед альтернативой: либо работать хорошо и получить ряд благ; либо работать плохо — и остаться на мели.

Понятно, что блага — разные. Хозяин предприятия даже после банкротства может иметь больше, чем работающий сторож. Но все равно банкротство для него страшный удар, ибо все в мире относительно. С другой стороны, сторож, получающий весьма скромную зарплату, может позволить себе то, что среднему советскому человеку и не снится. Жить в любом городе, включая столицу, в любом районе — кроме разве что самых дорогих. Покупать любые (без исключений) продукты и почти любые товары (скажем, видеомагнитофон стоит в Америке 200–250 долларов — четверть самой низкой зарплаты). Отправиться в любую часть света, — для этого достаточно купить билет. Он может быть уверен, что в любом учреждении "сферы обслуживания", в магазине, гостинице, ресторане, ремонтной мастерской, его встретят внимательно и любезно, ибо он — клиент! Он может скопить деньги, открыть собственное дело и со временем (такие случаи не единичны) стать миллионером. Наконец — и это, пожалуй, главное, — человек, который работает добросовестно, вправе рассчитывать, что его зарплата будет из года в год расти, для этого не требуется особых постановлений партии и правительства. Значит, будут расти и его возможности.

Снова оговарюсь, эта система стимулов не идеальна. (Об этом можно было бы поговорить отдельно.) Но сравнивать ее с советской системой просто смешно. В СССР цело-

век, не приписанный к номенклатуре, часто лишен доступа к самым элементарным благам. Мало того, что его зарплата низка и может не меняться годами. До предела ограничен и диапазон благ, которые человеку дозволено приобрести за свои деньги. Не будем говорить о прописке в Москве, поездке на Канарские острова, машине или видео. Даже "колбаса с запахом мяса" (как выразился недавно секретарь Московского горкома партии Б. Ельцин) доступна не всякому. Откуда же взяться стимулам?

Но и те "непростые" люди, которым доступны щели спецбуфетов и закрытых распределителей, хорошо знают, что их положение зависит не от работы, а от умения лавировать, приспосабливаться, выполнять приказы и указания. Качества, которые тут полезны, строго говоря, прямо противоположны тем, какие нужны руководителю предприятия, ученому, инженеру, врачу, журналисту. Плохо верится, чтобы человек, привыкший к послушанию в чужом кабинете, проявлял в своем собственном смелость, оригинальность мышления, самостоятельность, готовность к риску.

В общем, не претендуя на научность, я сказал бы, что о способности каждой из систем побудить человека работать свидетельствуют прилавки магазинов. Допустим, что капитализм решает проблему стимулов не самым лучшим образом. Но социализм не решает ее вообще.

А теперь самое время вернуться к классическому варианту марксизма, который, увы, не состоялся, — к победе социалистической революции не в одной отсталой, а в нескольких высокоразвитых странах. Ясно, что последовало бы за этим. На следующем витке спирали капиталистический мир вообще исчез бы или превратился бы в величину столь малую, что даже покойный Иосиф Виссарионович взирал бы на него с добродушной усмешкой. А дальше?

Дальше, о, дальше произошли бы замечательные вещи. Во-первых, революция не оказалась бы перед необходимостью защищаться, — это избавило бы нас от массовых репрессий. Во-вторых, мы сразу очутились бы на пороге коммунизма, осталось бы лишь разделить богатство, награбленное всеми этими миллионерами и миллиардерами.

Я не утрирую. Вот, например, цитата из статьи одного вполне уважаемого эмигранта: "Что и говорить, до сих пор советский режим бывал кровав и несправедлив, но ведь надо было спасать завоевания революции: сперва от белых, потом от нэпманов, позднее от кулаков, троцкистов, бухаринцев — левых и правых изменников и капитулянтов, наконец, — от итальянского и немецкого фашизма. Можно ли было допустить хотя бы малую слабость, когда в Европе хозяйничали дивизии Гитлера, в короткий срок захватившие Австрию, Чехословакию, Польшу, Данию, Норвегию, Финляндию, Францию? Партийно-правительственный террор тридцатых годов был страшен, но оправдать его необходимость можно... — так рассуждали в ту пору (1946 г. — Р. Б.) многие, большинство".

Прошу прощения за длинную и странноватую цитату, но без нее не обойтись. Скажем сразу: внешние силы тут пристегнуты зря. Первая волна террора — против нэпманов и кулаков — прокатилась раньше, чем гитлеризм победил хотя бы у себя в Германии; вторая, тридцать седьмого года, — раньше, чем дивизии Гитлера получили возмож-

ность хозяйничать в Европе. Видимо, мировой империализм, прежде чем перейти к прямой атаке, пытался действовать исподтишка — через нэпманов, кулаков, троцкистов, бухаринцев. Значит, если бы этого империализма не было...

Ох, кто его знает, что случилось бы тогда. Может, Сталин и в самом деле был великим дозорным? Во всяком случае наивностью он не отличался. Тысячи и тысячи тех, кто вроде бы аплодировал террору 30-х годов, в первые же месяцы войны сдались в плен или перешли на сторону врага. И если бы этим врагом был не гитлеризм, а нормальное государство, трудно сказать, чем кончилась бы война.

С экономическими последствиями всеобщей революции тоже не все ясно. Первый токарный станок, освоенный нашей промышленностью в начале 30-х годов, назывался ДИП, "Догнать и перегнать". С тех пор мы только и делали, что догоняли и перегоняли: по выплавке стали, по добыче угля, по производству молока и мяса. С обгоном Америки по общему объему производства Хрущев связывал наступление коммунизма. С выпуском продукции, не уступающей лучшим зарубежным образцам, связывает светлое будущее Горбачев.

Впечатление такое, что без Запада — с его уровнем техники, технологии, производительности труда, с его прогрессом и с его товарами — у нас просто не было бы ориентиров. Нам некого было бы догонять и не к чему стремиться. Взять хотя бы эти зловередные джинсы. Известно, что напасть пришла с Запада, и хотя мы долго и упорно сопротивлялись, пришлось и нам осваивать эту мерзость. А если бы Запада не было, дошла бы когда-нибудь наша наука до джинсов? Думаю, нет. Зачем?

По-моему, этот простой пример больше говорит о природе социализма, чем толстые тома исследований. Социалистическое производство *самодовольно*, ему, в сущности, ничего не нужно: ни прогресса, ни новых изделий, ни повышения качества, ни снижения цен. Зачем? Оно не должно завоевывать рынок, ему не надо оттеснить конкурента, создавать у населения новые потребности. В нем нет *внутреннего, органического импульса*, который толкал бы его вперед, вынуждая расти, совершенствоваться, развиваться.

И если оно, ковыляя, как-то движется, то лишь потому, что у него есть *внешний импульс* — тот самый капиталистический мир, который вопреки классической модели марксизма все-таки сохранился. Конечно, захвати революция семнадцатого года высокоразвитые страны, исходный уровень социалистического производства был бы выше. Но это ведь только в 17-м году он казался высоким. А каким он был бы по нынешним меркам, если бы "революционные сдвиги" прекратились и прогресс — уже не в большинстве отраслей, а во *всех* — протекал бы вяло, по сути дела эволюционно?

Почему вяло — понятно. А почему во *всех*? Да потому, что более или менее живо прогресс протекает у нас лишь в тех отраслях, где превосходство Запада создает прямую опасность для режима. Не опасность войны, нет. Но уже способность мира противостоять советской экспансии таит в себе страшную опасность. Учение Маркса верно потому, что оно всеильно. Докажи, что оно не всеильно, противопоставь ему большую силу, и сразу станет ясно, что король-то гол, что режим не выдерживает сравнения с Южной Африкой, Гонконгом, даже с Иорданией.

Не будем говорить о свободе, демократии, праве на забастовки и демонстрации. Рассмотрим нечто, быть может, более важное — *потенции развития*. Беру почти наугад: "Известия" от 21 мая 1986 г., статья "Почему выгода вне закона".

В среднем течении реки Томи открыты богатейшие залежи цеолитов. Событие "буквально взбудоражило ученый мир. Посыпались заявки от производителей: тому сто тысяч тонн, этому втрое больше. Зарубежные фирмы проявили повышенный интерес. Заложили многочисленные опыты. Результаты превзошли самые смелые ожидания".

Сфера применения цеолитов чрезвычайной широка. Они облагораживают резину, пластмассы и бумагу, повышают прочность цемента, ускоряют рост цыплят, увеличивают яйценоскость кур, регулируют водно-солевой режим почвы, аккумулируют удоб-

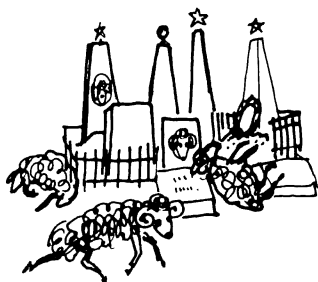
рения в пахотном слое, улавливают вредные отходы, очищают воздух и воду. Наконец, помогают осуществить глубокую осушку природного газа... "Только за это, — пишут "Известия", — им, право же, не жаль поставить памятник от благодарного человечества..."

Чудо? Да нет, какое там. Чудо произошло дальше: "Добыча, едва достигнув двух тысяч тонн в год, стремительно покатила вниз к нулевой отметке". Что случилось? А ничего. Просто у советской экономики свои критерии полезности. Система настроена на иную волну: выполнять то, что приказано, и не делать ничего лишнего. Деньги, прибыль, хозяйственный эффект — все это ей, в конце концов, без надобности. Все это *лишнее*.

Для полной ясности заметим, что месторождение открыто не вчера и не год назад. История длится полных десять лет. И если даже теперь, после статьи в газете, что-то сдвинется с места, это в сущности ничего не изменит. Экономика, лишенная внутренних импульсов, способная двигаться лишь под воздействием уколов — газетных статей, постановлений ЦК, докладов генерального секретаря — экономика хронически больная. Конкурировать с несовершенной, но здоровой экономикой свободного мира она не в состоянии.

Еще пример. В Рязанской области судили Монахова. Формально за то, что продал полтора литра самогона, фактически — за стяжательство. Кто же он такой, Александр Степанович Монахов? Путьевой обходчик Приокского управления связи "Главтранснефти". Человек немолодой, 60 лет. Претензий по службе к нему нет. "Но при обыске, — пишут "Известия" в статье от 10 августа, — выявился поразительный для зоны Нечерноземья факт: сотрудники милиции насчитали на его дворе, помимо коровы и телянка, 65 овец и сто гусей". И дальше: "То, что Монахов нарушил закон и за это понес наказание, — ясно. Не ясна экономическая сторона дела. Овца в исстари овечьей Рязани, можно сказать, исчезающее животное. За последние 20 лет количество их снизилось почти вдвое, и сейчас на одного работающего в сельском хозяйстве области приходится 2 овцы. А тут — 65. И без тракторов и машин, ветслужбы и бухгалтерии. Как же управляется человек, которому уже 60, и с работой, и с таким хозяйством!"

Снова чудо? Нет. Для иной системы это как раз норма. На Западе с таким (и большим) хозяйством управляется любой фермер. А вот для советской экономики это действительно чудо. Норма здесь совсем другая. "На все село Чернобаево из 80 дворов — 60 овец, на 5000 населения Старожилово — 117 коров". Норма то, что произошло в колхозе "Золотой колос", куда попали конфискованные у Монахова овцы: "В разгаре жаркого лета, — пишет корреспондент, — они находились в заброшенном коровнике и жевали старое сено. Некоторые из них даже не были острижены, хотя давно уже миновала пора стрижки: плана-то на шерсть нет. Дело даже не в граммах шерсти. Летом в своей облещенной репьями шубе овца сама побежит... прямо на скотомогильник. Сейчас из 35 овец осталось 26. Часть сдохла, часть съели, а приплода лишь 3 головы. Законом овцы были предназначены в доход государству, обществу, а что получилось?"

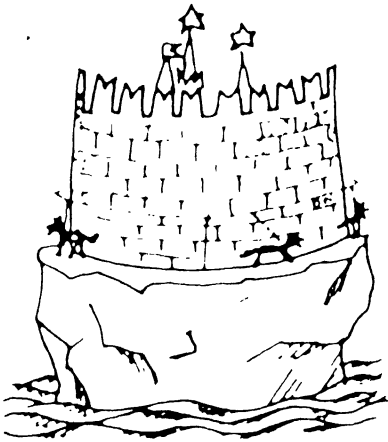
Получилось то, что и должно было получиться. У Монахова все свое. А у других? В магазин зайдешь — "килька в томате, да Манька в халате. За котлетами — очередь, за колбасой чуть не в драку... За яйцами и простоквашей многие ездят в Рязань, за мясом, колбасой и маслом — в Москву".

Нет, Сталин все-таки был человек гениальный. Он понимал, что такая система не может быть устойчивой. И не внешнего врага он боялся, а внутреннего. Потому что,

рассуждал он, не может быть, чтобы рано или поздно эти, которые... за колбасой и котлетами... не начали думать и сравнивать... А вот теперь я читаю в журнале "Время и мы" (№ 89) о том, как поразила интеллигенцию послевоенная политика Сталина. Оказывается, "наступало давно мерещившееся и казавшееся немислимым — национальное единение". Иосиф же Виссарионович, такой чудак и проказник, взял и нарушил эту трогательную идиллию — принял постановление о журналах "Звезда" и "Ленинград".

Может быть, в 1946 году некоторым очень наивным советским интеллигентам и в самом деле мнилось единение. Но Сталину, смею утверждать, оно не мнилось. Он знал, именно знал, что социалистическая система хозяйствования не может дать народу ничего, кроме прозябания. И пока существует не только страна, но и мир, всегда найдутся люди, которые будут думать и сравнивать. Этим людям надо уничтожить или хотя бы запугать. Поэт Александр Межиров заблуждался, когда полагал, что артиллерия ошибочно ("Недолет, перелет, недолет...") бьет по своим. Никакой ошибки не произошло. Огонь был точен: артиллерия била по врагу. Ибо, я повторяю, пока существует система, запрограммированная на воспроизводство нищеты и бесправия, и другая система, позволяющая это понять, дающая материал для сравнения, — до тех пор всякий человек, способный мыслить, останется врагом. Его не обязательно будут уничтожать или запугивать — времена меняются. Но своим для такой системы настоящей интеллигент никогда не станет, ибо он (по крайней мере в глубине души) не способен принять черное за белое. Это и есть, по-моему, отличительная особенность интеллигенции.

Другой, гораздо более сложный и запутанный вопрос — историческая предопределенность того развития событий, которое привело к созданию в СССР нынешней системы хозяйствования. В конце концов, нэп уже был создан, и Сталин вполне мог сохранить эту модель, отложив до лучших времен проекты коллективизации и индустриализации. Или не мог?

Тут возможны два подхода. При первом — экономическом, социальном, человеческом — ответ, безусловно, будет положительным. Мог и должен был сохранить. Нэп — при всех своих недостатках — был системой куда более жизнеспособной, эффективной и рациональной, чем та, которую учредили ему на смену. Классический миф о "внешней опасности" малоубедителен. Специалисты считают, что того уровня развития промышленности, к которому страна пришла в 1941 году, можно было достичь нормальным путем, в процессе естественного развития хозяйства. И это не сопровождалось бы голодом, разрухой, теми социальными потрясениями, которые привели страну на грань катастрофы — в том числе и военной.

Второй подход связан с природой режима, с его шкалой приоритетов. В системе ценностей советского строя на первом месте всегда стояла власть. В условиях нэпа эта власть не была (и не могла быть) абсолютной — всеохватывающей и всепроникающей. Поэтому Сталин, если он хотел (а он хотел) обеспечить себе поддержку основной массы партийных функционеров, рвавшихся к полной власти над государством, должен был вести перестройку именно в этом направлении.

А все-таки, что было бы, если бы нэп сохранился? Была бы другая система. Другая экономика, другая политика, другое государство. И разговор о них был бы другой.

III.

Мы — это мы. — Высокое искусство отгораживаться. — Все обстоит куда хуже. — Запах мяса. — Чему же верить? — Экономическое Зазеркалье. — К вопросу о корысти и бескорыстии. — Парадоксальная ситуация. — Сказание о бормотухе. — Куда он, родимый, денется. — Рафик и Трафик. — Еще один рычаг. — Время, в которое мы живем.

Все течет, все меняется. Только старая схема *Страна и Мир* остается неизменной. В конце концов не так уж важно, сколько государств и народов входит теперь в социалистический лагерь, сколько сочувствует, поддерживает, голосует в ООН "за". Все равно мы — это мы, а они — они. И смотрим мы на них со смешанными чувствами.

И дело тут даже не в том, что от них (в том числе и от друзей) можно ждать всякого. Была своя Албания, да сплыла. Был дружественный Китай, а теперь что? Была социалистическая Венгрия, а стала неизвестно какая.

Главное все-таки в другом. Мы понимаем, что остальной мир нам нужен. Ибо на кого иначе мы будем равняться, кого догонять и перегонять, с кем бороться? Но этот мир бесконечно опасен именно потому, что являет собой пример для сравнения. Скажем, откуда иначе мы узнали бы, что такое изобилие продуктов и товаров? Или что существуют такие феномены, как удобная обувь, красивая одежда, работающий телевизор? Или что возможна система, когда выбирают не из одного, а из нескольких кандидатов? Или критикуют в газетах не правдома, а главу правительства?

Все это будоражит, вынуждает что-то осваивать, улучшать (или по крайней мере пытаться улучшить), требует равняться на какие-то образцы. Нам, привыкшим никого не стесняться в своем отечестве, приходится что-то кому-то объяснять, доказывать, даже оправдываться. Можем ли мы чувствовать себя в этом мире спокойно?..

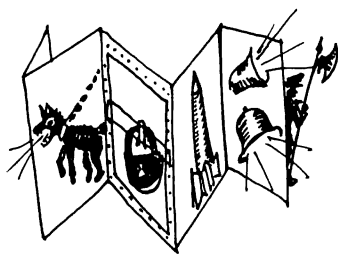
Спору нет, мы неплохо владеем искусством отгораживаться. От чужих товаров мы отгородились монополией внешней торговли; от чужих книг и газет — таможей; от "голосов" — зудом глушилок; от чужих глаз — маршрутами для иностранцев, от собственных — частым ситом контроля, разделившего граждан на выездных и прочих.

Но время нынче такое, что без этого чужого и чуждого мира не обойтись. Усилиями созданной нами системы страна перестала быть *самодостаточной*. Даже хлеба не хватает, его приходится покупать. А как не хватает нам всего остального — прежде всего машин, приборов, оборудования, без которых наше могучее оружие рискует превратиться в коллекцию музейных экспонатов, а сами мы — в людей прошлого века!

Сейчас уже не модно трубить об успехах и подсчитывать, когда и кого мы догоним и перегоним. Молчаливо признается, что в мировой табели о рангах мы достигли некоторого (достаточно высокого) уровня и теперь держимся на нем, сохраняя, впрочем, известную дистанцию. Впереди Европы и Японии, но несколько позади Америки.

Увы, все обстоит куда хуже. По данным ООН, опубликованным в марте 1980 года крупнейшей немецкой газетой "Frankfurter Allgemeine Zeitung", доля Советского Союза в общей мировой продукции составляла в 1960 г. — 13,1%, в 1980 — 9,8%, а в 1990 составит (по прогнозу) — 8%. Между тем за тот же период доля Западной Европы возросла с 24,9% (1960 г.) до 28,2 (1980 г.), а доля Японии — с 4,3% до 10,6% и, по прогнозам, достигнет через четыре года 13%.

Однако ситуация ухудшается не только относительно, но и абсолютно. Еще не так давно, хоть в это сейчас и трудно поверить, Советский Союз не нуждался в зерне, масло свободно продавалось в магазинах, сыр выпускался многих сортов, самая обычная,

неоменклатурная колбаса — любительская, краковская, полтавская — сохраняла запах мяса, телевизоры работали, по крайней мере в магазине...

Правда, если верить цифрам, страна по-прежнему неуклонно наращивает производство. Но можно ли верить цифрам? Ведь в сводки включается все: и заведомый брак (теперь он называется "антитовары"), и "экспериментальная" (изготовленная неизвестно из чего) колбаса, и зерно, до 30% которого гниет или теряется в пути, и многое другое, включая лимитов на мясо и масло куда достовернее сообщений ЦСУ.

Причины того, что именно сейчас неэффективность советской экономики стала особенно очевидной, многообразны. Выделю три, на мой взгляд, главных. Первая связана с истощением ресурсов: природных и человеческих. Слишком долго страна развивалась экстенсивно, за счет не качественных, а количественных факторов: в оборот вовлекались новые земли, новые месторождения, новые люди. Однако ресурсы даже самой богатой страны не безграничны. Советский Союз уже просто не в состоянии расширить посевные площади, увеличить добычу нефти или железной руды, привлечь к производственной деятельности новых людей.

Вторая причина — общее усложнение производственных процессов. Технически устаревшая, технологически отсталая, плохо организованная и еще хуже управляемая советская промышленность не подготовлена к вступлению в век электроники, микропроцессоров, роботов, информатики. Отсюда, в частности, столь резкое снижение качества, что многие изделия вообще потеряли свои потребительские свойства.

Наконец, третье. Человек изначально запрограммирован на работу. Требуется не год и не два, чтобы отучить людей работать добросовестно, а затем — и работать вообще, чтобы заставить их совершать действия, противные логике и здравому смыслу. Потребовалось немало усилий, пока люди стали понимать: они живут в Зазеркалье, в экономическом антимире. В этой особой стране оплачиваются не результаты труда, но его видимость, фикция, "мечта", как говорил Чичиков, — а стимулы построены так, что тот, кто заинтересован в производстве материальных благ, на процесс производства никак не влияет; тот же, кто этим процессом руководит, от его результатов не зависит, ибо обитает в тех высших сферах, где манна небесная положена по штату.

Все это можно еще пережить, — слава Богу, в искусстве затягивать пояса нам нет равных. Но Соединенные Штаты начали работу над созданием противоракетного оружия — оружия качественно нового. Соревноваться с ними там, где речь идет о чем-то принципиально новом, мы не в состоянии, а компенсировать качество количеством в этом случае вряд ли возможно. Это значит, что мы рискуем лишиться своего главного козыря, ведь учение Маркса именно потому верно, что он всесильно.

Где же выход? Выход, очевидно, в том, чтобы идти в мир. С мирными предложениями, идеями перестройки и обновления, кредитов и торговли. Сейчас можно забыть о собственной пропаганде и вспомнить факты. А факты свидетельствуют, что мир всегда помогал стране. В голодные двадцатые годы — продовольствием; в годы индустриализации — техникой и специалистами; в военные — оружием, снаряжением, одеждой, продуктами, семенами; во все прочие времена — многомиллиардными льготными кредитами и многим другим. Скажут, что помощь эта была небескорыстной. Может быть; хотя, впрочем, и бескорыстия хватало. Да и велика ли корысть продать врагу веревку, на которой тебя же и повесят. Не верят? А зря. Ведь точно повесят, как только представится возможность.

И сейчас, конечно, помогли бы, если бы советское руководство сделало хоть несколько примирительных жестов. Что-то сократило, вывело войска из Афганистана, выпустило Сахарова. Но это значило бы *проявить слабость*. А режим, чем он слабее, тем

упорнее тщится изображать силу. Ему, дескать, ничего не нужно, кроме взаимовыгодной торговли, основанной на международном разделении труда. Как бы в подтверждение этого лозунга Советский Союз недавно обратился в секретариат ГАТТ (Генеральное соглашение о тарифах и торговле) с просьбой разрешить ему участвовать в сентябрьском совещании стран-участниц. А чтобы предупредить возражения, ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли в конце сентября два постановления о внешней торговле, которые, как сказано в преамбуле, "являются частью глубокой перестройки хозяйственного механизма".

Создалось парадоксальное положение. Советское руководство старается убедить Запад, что страна прямо на глазах меняется, даже монополия внешней торговли отныне перестает быть абсолютной. И в то же время торговать стране нечем — с каждым днем это все очевиднее.

Еще недавно выручала нефть. Экспорт нефти давал Советскому Союзу до 2/3 всей иностранной валюты. Но цены на нефть упали, а ее добыча в стране достигла потолка. Что касается остального, то сошлюсь на крайне деликатную характеристику М. С. Горбачева: "Экспорт машин и оборудования в последние годы растет у нас медленно. Тут скажутся и низкая конкурентоспособность, и недостаточная материальная заинтересованность промышленных предприятий. Мириться с этим дальше нельзя".

Читатель понимает: "медленно растет" в устах генерального секретаря переводится простым русским словом "падает". Но причина указана правильно: низкая конкурентоспособность. Вся советская продукция, даже военная, не соответствует современным требованиям. И не может соответствовать, — теперь это уже признает и сама советская печать.

"Судьба виноградной лозы" — так называется статья, опубликованная в "Известиях" 20 августа. Сначала кажется, что речь идет о вине: "Цинандали", розлив, бутылки, этикетки. Не сразу понимаешь, что разговор, в сущности, о другом — о судьбе отечественной экономики. Тот, у кого есть возможность сравнить, согласится: натуральные грузинские вина по своим природным качествам не уступают лучшим западным — даже знаменитому бургундскому. Но вино, в отличие от нефти, не добывают, его *делают*. А все, что в СССР делают, носит на себе зловещую печать системы.

"Гнали низкокачественные ординарные вина, дешевые да кислые, — эпически повествует газета, — переводили знаменитый виноград на коньячный спирт, а то и вовсе, можно сказать, зазя — на крепленую бормотуху..." О таких вещах, как розлив на месте (при перевозке в огромных емкостях вино теряет вкус), стойкость, место сбора, вид бутылки, пробки, этикетки, не думали. Почему? "Для внутреннего рынка — нужды не было". В самом деле, чего думать: свой потребитель и метиловый спирт вылакает. А куда он, родимый, денется...

Еще траурней выглядит история с РАФом, микроавтобусом, выпускаемом в Латвии. Некогда этому автобусу был с помпой присвоен Знак качества; несколько месяцев назад — уже без шума — знак сняли. И вся эта история осталась бы за кадром, если бы "Комсомольская правда" не напечатала в июне статью двух работников завода, у которых возникла странная идея: работать лучше. Мало того, они высказали уверенность, что завод может создать "модель микроавтобуса, превосходящую по своим качествам известный французский микроавтобус "Трафик" фирмы Рено. Собственный корреспондент газеты сообщил об этой идее сотруднику Рено. Тот пожал плечами, но вызов был

принят. "Итак, — спрашивает "Комсомольская правда", — может ли "РАФ" догнать и перегнать "Рено"? Мнения разделились".

Линия раздела ясна. С одной стороны, лозунги в трибунном стиле генерального секретаря: "Можем! Должны! Необходимо обеспечить!" Короче — эй, ухнем. С другой — трезвая оценка ситуации. Интересна тут не сама ситуация — ее-то мы знаем, а именно оценка, ибо она свидетельствует, что мысль о порочности советской системы хозяйствования все больше овладевает массами. "РАФ отстает от мировых стандартов на 30 лет. Нам никогда не догнать "Рено". — "Считаю, что, кроме нового мышления, сознания, нужны условия, при которых работать по-новому было бы выгодно всем. Пока же не вижу этих условий". — "Считаю эту затею чистейшим авантюризмом." — "Экономический механизм, сложившийся в нашей стране, не позволяет обойти "Рено". Забавно, что все это пишут читатели "Комсомолки".

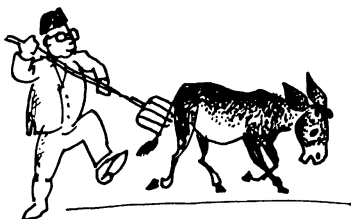
Я не вполне разделяю эти пессимистические прогнозы. Опыт показывает, что на отдельных участках промышленности (про сельское хозяйство даже этого не скажешь) партия и правительство, сконцентрировав все ресурсы, все-таки еще способны чего-то добиться. Но основная мысль читателей газеты верна: обеспечить нормальное функционирование *всего хозяйства* существующая система не позволяет.

И, похоже, не позволит. Новые меры "по коренному совершенствованию внешне-экономической деятельности" построены по накатанной схеме. К неработающей машине приделывается еще один рычаг управления и вешается табличка: "Перестроена".

Не исключено, что на наивных людей Запада табличка произведет впечатление. Как же! Пробита брешь в неприступном бастионе власти — монополии внешней торговли. Отныне экспорт и импорт будут находиться в ведении не одной организации, а нескольких, контролируемых, разумеется, из того же партийного центра.

Допускаю, что под эту табличку дадут кредиты, что она откроет СССР путь в ГАТТ, в Международный валютный фонд и куда-нибудь еще. Но много ли это дает? Страны, подписавшие ГАТТ, "должны допускать свободную конкуренцию производимых товаров с продукцией других стран-участниц", члены Фонда — обязаны разрешить экспертам знакомство с подлинной статистикой и всеми данными, касающимися хозяйства. Первое привело бы к краху экономики, второе — политики и идеологии. И при этом исходная ситуация не улучшится. Ни ГАТТ, ни Фонд, ни Международный банк реконструкции и развития не в силах сделать советскую продукцию конкурентоспособной, отменить тот фундаментальный факт, что социалистическая система хозяйствования неэффективна.

Мы живем в тяжелое время. Страна уже не может отгородиться от мира, но и считать себя его органической частью она тоже не может. Долго перечислять, что в состоянии дать нам остальной мир. А что *мы* способны предложить миру? Безнадежно отсталую экономику, издевательство над самой идеей человеческих прав, уроки политического лицемерия? И еще, пожалуй, "братскую помощь". Ту самую, от которой бегут и с которой сражаются миллионы афганцев. ●

ВЕСТИ ИЗ СССР

Еще недавно все было просто и ясно. Существует буржуазная печать, выражающая интересы эксплуататорских классов, — печать тенденциозная, лживая, занятая погоней за сенсациями. И есть наша печать, для которой превыше всего — интересы народа. А поскольку главное, что нужно народу, — это правда, вся правда, только правда, то подавляющее большинство наших газет так и называется: "Правда", "Московская правда", "Астраханская правда", "Правда Узбекистана"...

В иных обстоятельствах такое количество правд могло бы показаться избыточным. Но мы-то знаем, что правда во всех газетах одна, ибо с самого начала (с октября семнадцатого года) мы договорились, что представлять интересы разных групп населения будет у нас одна партия, построенная по принципу демократического централизма. А коль скоро это так, то может ли быть противоречие между правдой в Москве и правдой во Владивостоке?

И вдруг оказывается, что да, может. "Хотел бы обратить внимание на то, что степень гласности, действенности во многих местных газетах еще значительно уступает центральной прессе, — сказал на июньском пленуме ЦК КПСС М.С.Горбачев. — Как показывает изучение вопроса, здесь обнаруживается прямая связь с позицией партийных комитетов."

Такая связь действительно обнаруживается и даже весьма наглядно. "В начале года, — пишет "Правда", — Центральный Комитет КПСС рассмотрел вопрос о фактах грубого администрирования и зажима критики в отношении редакций газет "Воздушный транспорт" и "Водный транспорт". Вместо поддержки обоснованных критических выступлений газет руководители Министерства гражданской авиации, Министерства морского флота, Министерства речного флота и

ЦК профсоюза рабочих морского и речного флота организовали гонение на редакторов и журналистов, выступивших с критическими материалами. Центральный Комитет КПСС дал принципиальную оценку этим фактам."

Помогло? Не очень. В июне "Правда" рассказала печальную историю о том, как в Струго-Красненском районе Псковской области уничтожили отпечатанный тираж районной газеты "За коммунизм"; в августе поместила статью "За это судили газету?" — о давлении, которое оказывали на редакцию саратовской газеты "Коммунист" обком и горком партии.

Что происходит? Откуда это странное противоречие между чаяниями народа, как их понимают в ЦК КПСС и в газете "Правда", и его же чаяниями в понимании министерств, райкомов, обкомов? Ответ ясен, он содержится в самой газетной шапке. Прямо под названием указано, чьим органом является газета: ЦК КПСС, Союза писателей, министерства, обкома, райкома... Естественно, что интересы именно этой инстанции и представляет (или по крайней мере должна представлять) данная газета.

И тут мы подходим к главному, к пониманию сути конфликта между газетой и инстанциями — конфликта нового и в какой-то мере неожиданного.

Газета (как собственно и любая советская организация) всегда входила в систему двойного подчинения. По "горизонтали" она подчиняется тому, кто объявлен в газетной шапке, по "вертикали" — генеральной линии и конкретным указаниям верховной инстанции — ЦК КПСС. И это вовсе не абстракция. Любой редактор местной газеты не просто читает, а досконально штудирует "Правду". А если он что-то и не поймет, ему объяснят: ЦК периодически проводит специальные совещания и инструктажи

для редакторов республиканских, областных и ведомственных газет.

До последнего времени руководящие указания "сверху" и "сбоку", в принципе, совпадали. Главной задачей газет было изображение успехов и преимуществ; негативным явлениям и недостаткам отводилось определенное (достаточно скромное) место; для вещей же более серьезных (катастроф, стихийных бедствий, крупных преступлений) страницы газет были вообще закрыты – "буржуазная сенсационность". Ясно, что особых противоречий между руководителями районного (областного, республиканского) и союзного масштаба при этом не возникало. В освещении успехов и преимуществ были заинтересованы и те, и другие.

Ныне, однако, положение изменилось. Дела в стране (и прежде всего в ее экономике) обстоят настолько плохо, что на высшем уровне пришли к выводу: молчать дальше нельзя, пора бить в набат. Разумеется, не в полную силу (общая мелодия звона должна быть оптимистической), но достаточно громко, чтобы на местах поняли: ситуация опасная, нужно что-то менять.

Не так уж важно в какой мере местные руководители осознали эту общую опасность. Факт, что гораздо сильнее они ощутили опасность конкретную: чрезмерная откровенность газет (в том числе собственных, им подчиненных) угрожает их положению руководителей, их неограниченной власти. Началась борьба за влияние.

Со стороны может показаться, что конкретные поводы, вызвавшие конфликт, незначительны. Понятно, что районная газета не смеет критиковать райком, или областная – обком (так же, как "Правда" не осмелится критиковать ЦК КПСС, а "Известия" никогда не позволят себе малейшего критического замечания даже в адрес сторожа Президиума Верховного Совета). В статьях говорилось об инстанциях и лицах куда менее значительных.

Тираж газеты Струго-Красненского района был, например, уничтожен за весьма осторожную критику "нашего молодого председателя райпо" и заведующей районным объединением предприятий общественного питания, а суд над сара-

товской областной газетой состоялся в связи с тем, что она осмелилась покритиковать... бывшего районного прокурора.

Однако дело ведь не в личностях. Речь идет о власти руководителей партийного комитета, об их праве распоряжаться всеми подведомственными им организациями – в том числе, конечно, и газетой. Ясно, что и председателя райпо, и заведующую объединением назначал секретарь райкома, и только с его разрешения районной газете дозволено их критиковать. А прокурор? Он хоть и бывший, но в обкоме считают, что "поскольку должность районного прокурора входит в номенклатуру обкома, газете не следовало выступать по этому делу публично". "Вот ведь до каких странностей дело доходит!" – удивляется "Правда".

Между тем удивляться нечему. Когда "Вашингтон пост" раскрыла механику Уотергейтского дела, никого в Америке действия газеты не удивили. Все понимали, что "Вашингтон пост" – просто газета, а не орган президента, правительства или республиканской партии, что выражает она мнение редакции и заботится главным образом о популярности газеты, увеличении числа читателей. Что же странного в том, что она ухватилась за сенсацию?

Вот если бы орган райкома, обкома, министерства и, страшно вымолвить, ЦК КПСС выступил с сенсационными разоблачениями соответствующего вождя, это действительно было бы странно. Во-первых, любая газета, прежде чем появиться в киосках, проходит начальственный контроль. Во-вторых, если кто-то что-то и прохлопает, есть Главлит – недремлющее око начальства.

Если уж говорить о странностях, то странно другое. Странно, что сохранив в неприкосновенности всю систему "газета – орган", М.С. Горбачев надеется, что газеты начнут всерьез критиковать своих хозяев, обретут вдруг свободу и независимость.

"Недаром говорят: газета – зеркало партийного комитета. Каким хочет видеть свою газету горком или райком партии, такой она и становится в конечном счете", – пишет "Правда". Все тут верно: и насчет газеты, и насчет системы, которая в этом зеркале отражается. ●

А.Б.

СКОЛЬКО СТОИТ СТРЕСС

Сообщение ЦСУ об итогах выполнения плана за девять месяцев 1986 года заслуживает особого разговора. Мы же затрагиваем здесь один вопрос — экономические аспекты пьянства. Из сообщения следует, что в январе-сентябре нынешнего года затраты населения на алкогольные напитки снизились по сравнению с тем же периодом прошлого на 8,5 млрд. руб. Однако в другой части текста сказано, что продажа алкогольных напитков сократилась на 38%. Несложные вычисления показывают, что за три квартала 1984 года населению было продано спиртных напитков почти на 24 млрд. руб., или в пересчете на год — на 30 млрд. руб.

Даже если тенденция, наметившаяся в ходе антиалкогольной кампании, сохранится, то в нынешнем году населению будет продано алкогольных напитков на 18 млрд. рублей. Много это или "нормально"?

К сожалению, издание справочника "Народное хозяйство СССР в 1985 году" как всегда задерживается, это вынуждает оперировать данными 1984 года. Однако сравнение все равно представляет интерес.

Оказывается, сумма 18 миллиардов в два с лишним раза превышает объем продажи хлеба и хлебобулочных изделий в 1984 г.; в два раза — объем продажи молока, молочных продуктов, сыра и брынзы; это примерно на 80% больше, чем вся выручка от продажи картофеля, овощей и фруктов; примерно в полтора раза больше, чем дала продажа автомобилей, трикотажных изделий и обуви (без обуви валяной и резиновой).

Статистика свидетельствует, что за пятнадцать лет (1970—1984 гг.) спаивание народа росло куда более быстрыми темпами, чем снабжение его продовольствием и товарами культурно-бытового назначения. Если за эти годы продажа товаров всех видов выросла на 62%, то продажа "других продовольственных товаров" (куда стыдливо запрятана торговля спиртным) выросла на 112%. Соответственно, ее доля в объеме сбыта продовольственных товаров поднялась с 31 до 36%, а в общем объеме сбыта — с 17 до 18%.

В ходе антиалкогольной кампании было сказано много плохих слов о работниках торговли, которые с помощью водки выгоняют план. При этом как-то забыли, что сам план не падает с неба, его "спускают". Говорилось о тяжелом

экономическом бремени, которое эти расходы возлагают на семью. Действительно, на покупку спиртного расходуется примерно десятая часть бюджета средней семьи рабочего, служащего или колхозника (хотя в некоторых очерках, появившихся в советской печати, речь шла даже о седьмой и о шестой части). Цифра, конечно, страшная.

Другой адресат, на который принято возлагать вину за алкоголизм, система культуры. Увы, горячительные напитки особенно распространены в самых культурных слоях советского общества. Все социологи подчеркивают: в городах пьют больше, чем в сельской местности. И чем больше город, тем положение хуже. А ведь и жизненный уровень в городах, как правило, выше, и культурных развлечений больше, и они разнообразнее.

Неофициально (ибо кто осмелится сказать об этом в полный голос) пьянство сваливают на национальные традиции России. Вспоминают, что одновременно с тысячелетием крещения Руси исполнится и тысяча лет знаменитой поговорке "веселие Руси есть пити". По преданию слова эти произнес князь Владимир, обсуждая какую веру принять для славян-язычников. Ислам запрещает винопитие, поэтому он и был отвергнут. Однако подобные традиции сильны у многих народов Северной и Центральной Европы. Но только в СССР последних сорока лет и в Польше последнего десятилетия пьянство стало проблемой номер один.

Сведения о потреблении спиртных напитков на душу населения в дореволюционной России — семь литров в год, включая вино, — сейчас кажутся смешными. К примеру, в прошлом году только через госторговлю население получило свыше трех миллиардов литров спиртных напитков в год, причем в основном — водки. К этой чудовищной цифре следует добавить не менее миллиарда литров самогона (об этом свидетельствует сообщение "Литературной газеты": на самогон уходит в СССР ежегодно не менее миллиона тонн сахара).

Таким образом, до последнего времени на каждого жителя СССР приходилось около 15 литров спиртных напитков в год — вдвое больше, чем в дореволюционной России. Вообще говоря, эту цифру следовало бы увеличить, исключив из числа пьющих детей и подростков, женщин, старообрядцев и сектантов, мусульман, евреев и нем-

цев. Но жизненный опыт каждого из нас говорит, что эти "непьющие" множества непрерывно размываются. Советская печать уже пишет о проблемах пьянства среди детей и подростков 11–12 лет; что во многих городах существуют особые вытрезвители для женщин; все больше мусульман, евреев и немцев вовлекаются в пьянство. Кажется, только старообрядцы и сектанты еще сопротивляются "зеленому змию". Но это преследуемое и дискриминируемое меньшинство...

"Сухой закон" в России был отменен в середине 20-х гг. уже укрепившейся советской властью. Отмена сопровождалась восторгами прессы. Причина была ясна: для осуществления великих исторических свершений требовались деньги. Еще в 1928 г. заместитель наркомфина Брюханов с сожалением признал, что водочная торговля необходима для бюджета. Однако широкая печать продолжала поносить дореволюционную российскую экономику за "пьяный бюджет". Этот термин, родившийся в кругах думской оппозиции, в какой-то мере отражал печальную действительность той эпохи – около 40% доходов бюджета царской России давала государственная винная монополия. Но при этом советская печать то ли сознательно, то ли по невежеству упускала одно важное обстоятельство: через государственный бюджет дореволюционной России проходило менее четверти общего хозяйственного оборота страны. Это значит, что во всем экономическом обороте дореволюционной России на долю водки и вин приходилось около одной десятой доходов.

Конечно, это тоже немало. Посмотрим, однако, как изменилось положение за 70 лет – с 1914 г., когда в России был введен "сухой закон".

В 1984 г. государственный сектор охватывал все стороны экономической деятельности в стране. Монополия внешней торговли и отсутствие частных банков привели к тому, что даже результаты нелегальной хозяйственной деятельности неизбежно отражаются на кассе Госбанка, а следовательно, и в государственном бюджете. Кстати, именно знание одной из самых засекреченных цифр в системе советских экономических показателей – кассового оборота Госбанка – позволило бывшему председателю Госплана Н. Байбакову сказать экономисту Б. Михалевскому, что каждый третий рубль в СССР – ворованный.

Для нашей темы важнее, однако, сопоставить доходы от продажи горячительных напитков с общими доходами бюджета. Какую часть из поступивших от продажи 30 млрд. рублей составляет доход? Известный экономист В. Д. Белкин, долго и безуспешно добивавшийся отмены советской системы двойного ценообразования, то есть косвенного обложения населения через потребительские товары, однажды заметил, что вино-водочные изделия, готовая одежда, а также автомобили, часы и сыр дают большую часть так называемого налога с оборота – главного источника доходов бюджета. Поскольку автомобили, часы и сыр в потреблении среднего советского гражданина занимают не слишком большое место, основную массу дохода следует отнести на первые две позиции – водку и одежду.

Другой видный специалист по ценообразованию профессор Ш. Я. Турецкий на одной из лекций просто сказал, что в цене водки себестоимость занимает менее трех процентов. Любитель красочных метафор, он добавил: "В пол-литровке себестоимость лежит где-то на доньшке. Остальное пространство занимает импозантная фигура нашего министра финансов".

Итак, из 30 миллиардов минимум 29 – доход казны. Сопоставив эту цифру с 346 млрд. бюджетного дохода в 1984 г., получим около 8% – не многим меньше, чем в 1914 г.

Антиалкогольная кампания не может не вызывать одобрения. Готовность пожертвовать 12 миллиардами рублей дохода (от снижения продажи алкоголя), несомненно, говорит об отваге нынешнего руководства. Меньше доверия вызывают заверения в том, что антиалкогольная кампания – не кампания вовсе, а постоянно действующая политика. Вспомним еще более жесткие меры против пьянства, принятые в мае-июне 1972 г. и давно забытые вместе со множеством кампаний, крупных и малых, проводившихся до и после. Тяжелое впечатление производят и сцены современной жизни – огромные угрюмые очереди, выстраивающиеся перед винными отделами по всем городам и весям огромного государства задолго до двух часов дня – момента начала продажи спиртного. Не совсем ясно и как компенсируют себя массы за эти суровые ограничения: самогонная "промышленность" хоть и подверглась красногвардейской атаке, но справиться с ней труднее, чем с госторговлей. Так, в "Известиях" уже появилось сообщение о том,

что в 1986 г. в Вологодской области милиция засекла 387 случаев домашнего изготовления браги против 37 случаев в 1985 г. — прирост почти в 11 раз! "Конечно, — замечает газета, — дело еще и в том, что строже стали следить за самодельным виноделием, но ведь есть за чем следить".

Не надо быть психологом, чтобы определить главную причину пьянства — общая унылая атмосфера, постоянные стрессы и стрессовые ситуации, из которых состоит советская жизнь. Стрессы дают даже на самых преуспевающих представителей советского общества. Что же говорить о тех, кто не преуспел? Герой Ильфа и Петрова как-то сравнил их с 214 килограммами атмосферного давления, приходящимися на каждого советского гражданина. Снятие этого давления требует совсем иных экономических и социальных мер.

Но кое-что можно сделать и не потрясая основ. Отказ от водочных доходов легко компенсировать сокращением расходов на армию (например, выведя оставшиеся полсотни полков из Афганистана). Можно неофициально сообщить, что трезвость — последняя американская мода, (это, кстати, соответствует действительности) вместо того, чтобы рассказывать об алкоголизме в Америке. По открытым В. Войновичем законам антисоветской советской пропаганды последнее лишь облагораживает пьянство в глазах советского обывателя...

Однако разорвать порочный круг, в котором отчаяние усиливает тягу к пьянству, а пьянство усиливает отчаяние, гораздо труднее. Тут и в самом деле нужна не просто перестройка, а подлинная революция. ●

ДОМ ЦВЕТАЕВОЙ В МОСКВЕ

В Москве откроется мемориальная квартира Марины Цветаевой. Открытие состоится не скоро, вероятно, через несколько лет, но подготовка к нему уже началась.

После долгого перерыва имя Цветаевой в советской печати стало упоминаться с конца пятидесятых — начала шестидесятых годов. Первой была статья И. Эренбурга "Поэзия Марины Цветаевой" в сборнике "Литературная Москва" (№ 2, 1956), затем статья в сборнике "Тарусские странички" (1961), и в том же году, через 20 лет после смерти поэтессы вышло ее "Избранное". Но любители русской поэзии никогда не забывали

Цветаеву, а москвичи помнили и о ее доме — № 6 по улице Писемского, бывшему Борисоглебскому переулку — двухэтажном особняке, где Марина Ивановна жила с 1914 по 1922 гг. К дому приносили цветы и на давно небеленых стенах оставляли надписи "Мы любим вас, Марина!", "Спасибо"...

Дом, когда из него выселят жильцов, передадут Центральной городской публичной библиотеке им. Некрасова. Ей и будет принадлежать мемориальная квартира. Здесь М. И. Цветаева написала 10 из 15 изданных при жизни книг, сюда приходили к ней О. Мандельштам, М. Волошин, К. Бальмонт, И. Эренбург, любимые ею "комедьянты" ваханговской студии — П. Антокольский и Ю. Завадский. "С вас начиная: пылкий Антокольский, любимец страстных муз, запомнивший лишь то, что панны польской я именем зовусь, и этого — виновен холод братский и сеть иных помех! — и этого не помнящий — Завадский! — памятейший из всех"...

Марина Ивановна любила свой дом в Борисоглебском, называла его волшебным и диккенсовским, гротом и кораблем. В воспоминаниях о сестре Анастасия Ивановна пишет: "Только войдя сюда, она сразу почувствовала: "Этот мой дом". Рассказывая об этом, советские авторы забывают отметить, что так относилась Цветаева к своему дому в первый, дореволюционный период жизни в нем, когда в конце четырнадцатого года переселилась в него с мужем Сергеем Эфроном. И умалчивают о том, что стало с ней и с ее домом после революции, когда Эфрон уехал на юг, чтобы вступить в Белую армию, а Марина Ивановна осталась с двумя детьми в голодной и холодной Москве.

Бывавший здесь у нее художественный критик Сергей Волконский посвятил Цветаевой книгу "Быт и бытие", в предисловии к которой написал: "Вы помните, как мы жили? В какой грязи, в каком беспорядке, в какой бездомности? Да это что! А помните нахальство в папаше, врывающееся в квартиру? Помните наглые требования, издевательские вопросы? Помните жуткие звонки, омерзительные обыски, оскорбительность "товарищеского" обхождения? Помните, что такое был шум автомобиля мимо окон: остановится или не остановится? О, эти ночи... Не могут, не могут понять те, кто не жили там, — не могут... Помните все это? Так вот — это был советский быт".

Дом в Борисоглебском у Цветаевой реквизи-

ровали, заселили "пролетарскими семьями", а ей оставили три комнаты, в которых она разместила с двумя детьми и няней. В декабре 1920 г. Марина Ивановна пишет сестре: "Мы с Алей живем там же, в столовой (остальное – занято). Дом разграблен и разгромлен. Трущоба. Топим мебелью". Ариадна (Аля) описала эти комнаты, как они выглядели перед самым их отъездом в эмиграцию весной 1922 г.: "Я поснонялась по комнатам; к тому времени их в нашем распоряжении оставалось три: проходная, полутемная, с одним лишь тусклым окном-фонарем в потолке, – столовая; маленькая, об одно окошко, глядящее во двор – Маринина, а большая, самая светлая и безликая, давно уже необитаемая – детская. Верхний полуэтаж был заселен новыми жильцами, – не помню их теперь, ибо тогда не осознала. В четвертой из нижних комнат – гостиной – обосновалась горбатая корсетница, злая и профессионально-слащавая, и ее двояковыпуклый манекен на высокой точечной подставке".

Вряд ли устроители музея захотят восстановить этот убогий и страшный быт: совершенно пустую столовую, вторую комнату, где спали дети, где топилась печь и принимались гости, и убежище Марины – каморку на чердаке, не раз опиравшую ее друзьями. Экскурсанты услышат о том, что это был творчески плодотворный период в жизни поэтессы, жившей в атмосфере революционной Москвы, когда она, вдохновленная эпохой, много и успешно писала и общалась с интересными людьми – философами, писателями, художниками, актерами. Это полуправда, потому что стихи были ее спасением от "эпохи", уходом от жуткого быта в поэтическое бытие:

Мое убежище от диких орд,

Мой щит и панцырь, мой последний форт.

От злобы добрых и от злобы злых

Ты, в самых ребрах мне засевший стих.

Создатели мемориальной квартиры сделают все, для того чтобы этот быт не почувствовали посетители. Цель их другая: представить приглаженный образ Цветаевой – без ее своенравия, без страшного "лика" революции, открывшегося ей в годы, когда она жила здесь – грабежей, убийств, эпидемий, обысков, разнузданности, хамства, бытовых тягот. Таких тягот, что в начале двадцатого года умерла ее вторая дочь Ирина, которую ей пришлось отдать в детдом, потому что Марина Ивановна не могла прокормить двоих.

Воспоминания об этих четырех с половиной годах не оставляли Цветаеву. Марк Слоним пишет об их первой беседе летом 1922 г. в Берлине: "М. И. рассказывала мне о своей голодной жизни 1918–1920 года на московском чердаке с двумя дочерьми". С ее слов Слоним узнал, что даже вор, проникший в дом в Борисоглебском, предложил ей денег, увидев, как бедно она живет.

Ф. Степун вспоминал, как шагала Цветаева с ним по Тверскому бульвару "босиком в разодранном платье" и рассказывала о совсем печальном положении.

Не стыдись, страна Россия.

Ангелы – всегда босые...

Впрочем, любители цветаевской поэзии в СССР знают о ней больше и лучше казенных проспектов и штатных экскурсоводов и сумеют дополнить то, о чем те умалчивают. Им дорог этот чудом сохранившийся дом. Других цветаевских зданий уже нет – особняка в Трехпрудном переулке, 8, где она родилась и провела детство, дачи над Окой в Тарусе, которую они снимали летом – теперь там танцплощадка. А в нескольких десятках метров от особняка в Борисоглебском проложен Новоарбатский проспект, уничтоживший почти весь район Арбата – нет ни Молчановки, ни Собачьей площадки, ни Николопесковских переулков, ни части Борисоглебского. Старые москвичи помнят белую церквушку Бориса и Глеба на его углу, здание Епархиального училища и дом градоначальника. А через дом от него – цветаевский особняк, маленький, типично арбатский, построенный еще в 1862 г. Хотели снести и его, но он устоял. Много лет писатели, актеры, художники, ученые стучались в разные двери с просьбой не трогать его. Все сберечь не удалось – исчезли двери, цветные витражи. Но семь комнат, расположенных на трех разных уровнях, целы. Они позволят создать и мемориал поэта, и памятник исчезнувшей "арбатской архитектуры", ее особого романтического юта.

Дом в Борисоглебском берегли любители цветаевской поэзии – студенты, рабочие, ученые, поэты. Приходили в выходные дни, чтобы сбросить снег с крыши, починить проводку, проследить, чтобы не заливало подвал. А потом собирались по очереди друг у друга, чтобы читать ее стихи. Стихи, которые до сих пор в СССР – библиографическая редкость. ●

ВЫДЕРЖКИ ИЗ БЕСЕДЫ М.С.ГОРБАЧЕВА С ЧЛЕНАМИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

19 июня 1986 г.

...Каждый день приносит факты — один хлеще другого — о том, как трудно приходится тем, кто берет на себя ответственность и кто идет по линии XXVII съезда партии. Эти люди совершенно не вписываются в существующую систему. И они вызывают сопротивление окружения, сопротивление всех институтов.

Возьмите историю Чабанова, о котором я рассказал на Пленуме. Я ее немного сгладил, рассказал не полностью, но вы представляете — перехватили письмо съезду партии! До чего дошло! Вот драматургам готовая пьеса, готовая драма! Правда, если бы кто-либо написал эту пьесу там, на месте, то получилась бы тоже драма, ибо эту пьесу никто бы не поставил. Но вместе с тем движение началось очень глубокое и серьезное, и предстоит очень глубокая, очень серьезная борьба.

Между народом, который хочет этих изменений, который мечтает об этих изменениях, и руководством есть управленческий слой — аппарат министерств, партийный аппарат, который не хочет переделок, не хочет лишения некоторых прав, связанных с привилегиями.

Возьмите Госплан. Для Госплана у нас не существует никаких авторитетов, никаких Генеральных секретарей, никаких Центральных комитетов. Что хотят, то и делают. И главная ситуация, которая им нравится, это чтобы к каждому к ним в кабинет приходили и просили дать миллион, двадцать тракторов, сорок тысяч — чтоб выпрашивали. Сегодня мне передали, что там во время перекуров создается такое ощущение, что на этот раз не удастся перемолоть, перемолотить новое руководство партий и придется что-то менять.

У нас очень много людей, которые пользуются своим положением. У нас ничто так не эксплуатируется, как должностное положение.

Какие два пункта были положены в основу деятельности Политбюро? Первое — не уклоняться от назревших проблем, которые складывались годами. Вы знаете, однажды Брежнев сказал, что надо провести пленум по научно-техническим проблемам. Мне показали мешки документов, подготовленных в этой связи, всяких справок и т.д. И когда стали с этим разбираться, то увидели вдруг, что, куда это везти, что с этим делать — неизвестно. Ну и забросили. Так все и осталось в мешках. Мы не уклонялись от этого. Пусть не все решения, которые мы приняли сегодня, правильные. Пусть мы в чем-то ошибаемся. Но мы хотим действовать и не хотим сидеть сложа руки, чтобы процесс шел помимо нас.

Вот национальная трагедия — пьянство. "Пьяный бюджет". Люди хотят "сухого закона". В то же время из очередей доходят всякие эпитеты: "минеральный секретарь", всякие анекдоты про Горбачева и другое... "Будем пить по-прежнему, откопаем Брежнева". Нет, не сойдем с этого пути. Знаю, что и писатели любят заехать в ЦДЛ и выпить. Знаю, что из очередей доходят письма с угрозами, но мы не поддадимся этим настроениям. Будем спасать народ, особенно славянский народ, потому что это, хотя перешло на мусульман и на Кавказ, но так, как страдает славянская часть населения, то есть русская, украинская, белорусская, никто не страдает. Эти цифры страшны, не будем вас пугать, но не будем от этого уходить, будем бороться.

О встрече М.Горбачева с писателями коротко сообщило ТАСС: "Встреча в ЦК КПСС" ("Правда", 21.6.86). В американской газете "Christian Science Monitor" от 18 июля приведены рассказы "одного драматурга" и "одного поэта": "Беседа касалась всевозможных тем. Без записок, очень разговорный тон. Он думал вслух... Из присутствующих Горбачев был самым либеральным. Мы чувствовали, что он согласен с нашей точкой зрения. И он хотел убедиться, что (предстоящий) съезд (писателей) будет свободным". — *Прим. ред.*

Второе — все начать с партии. Не будет двойной морали в партии. Двойной законности. Это очень тяжело. Все общество пришло в движение, хозяйство расстроено, а мы находимся только в начале, в самом-самом начале пути. Те, кто думает, что мы за месяц—два перестроимся, — наивные люди! Это годами складывалось и потребует огромных усилий и титанического труда. Если мы не втянем народ, ничего не получится. Все наши расчеты на то, чтобы повлиять на народ.

Хозяйство очень расстроено. Мы отстаем по всем показателям. В 1969 году была у нас в Ставрополе проблема: куда девать мясо и молоко. И масла — завалились. А сегодня ничего нет. Нарушено соотношение между деньгами и товаром, доходами и товаром.

Мы разучились работать. Не просто разучились, а разучились работать в условиях демократии. Это очень сложно.

Немало людей — пьяниц, хапуг, казнокрадов. Но, конечно, в первую очередь — бюрократов. Это люди, которые не хотят расставаться со своими правами. Почему я все время сижу с ленинскими томами? Просматриваю их, ищу подходы... Потому что советоваться с Лениным никогда не поздно.

ЦК нуждается в поддержке. Вы даже не можете себе представить, насколько мы нуждаемся в поддержке такого отряда, как писатели.

Не думайте, что все это легко происходит. Многие директора пишут нам: не надо нам прав и самостоятельности, пусть все будет по-старому, нам было легче работать, лучше работать. Не хотят, не умеют. Поколения должны пройти, чтобы нам действительно перестроиться. Должны пройти поколения.

Перестройка идет очень трудно. У нас нет оппозиции. Каким же образом мы можем контролировать сам себя? Только через критику и самокритику. Самое главное — через гласность. Не может быть общества без гласности. Мы и здесь учимся. Перестраиваемся все: от Генерального секретаря до рядового коммуниста. Демократизм без гласности не существует. Но в то же время демократия без рамок — это анархия. Поэтому придется сложно. Как сделать так, чтобы то, что одним кажется "безудержным разливом демократии", когда человек недоволен, а на самом деле это элементарный процесс.

Проблема требует каждый раз внимательного отношения. Идет перестройка в ЦК, в Совмине. В Совете министров полностью сменили состав правительства (остался один человек).

Идет перестройка Госплана, других органов, но как все это идет болезненно, если бы вы знали! Некоторые очень болезненно воспринимают все это. Главное, чтобы в ЦК выручили, обеспокоенные тем, как идут там дела.

Некоторые товарищи очень болезненно отреагировали на съезд кинематографистов. "Это, мол, безудержно, куда их понесло, партизаны..." А что выразил съезд кинематографистов? Главное — обеспокоенность, отсутствие демократических методов разрешения споров. Руководство поглядывало наверх, съезд прошел демократически. Может быть, и были переხлесты. Но были разрешены главные вопросы, избрано новое руководство. Это правильно. Новое руководство выступает сейчас очень конкретно и правильно. Разобрали фильм "Лермонтов" один раз. Стыдно за критику.¹

Хотелось бы, чтобы процесс демократизации в творческой среде не свелся бы к сведению счетов. Есть сведения от писателей. Разные взгляды. Мы хотели бы, чтобы шло объединение на принципиальных основах.

¹ В девятой книжке журнала "Дружба народов" за этот год участник съезда Виктор Демин пишет: "В преддверии съезда разразилась еще одна история — довольно известному артисту и начинающему режиссеру Николаю Бурляеву разрешили поставить фильм о Лермонтове по собственному сценарию. Результат оказался плачевным. А между тем на том же "Мосфильме" вот уже десять лет лежал замечательный сценарий о Лермонтове, написанный драматургом Александром Червинским, и все понимали, что он замечательный... Но те, от кого это зависело, не позволяли запустить его в производство. Возникла ситуация, малопочетная для нашей культуры: мог проскользнуть на экран — и проскользнул — легкомысленный пустячок, тогда как серьезная, перспективная работа тормозилась перестраховщиками. Пошли в Союз с просьбой: пусть соберутся авторитетные люди, послушают оба сценария и скажут свое слово. В ответ раздалось: Союз — не место для ристалищ. По глубине не хуже, чем с покупателем и продавцом. Для чего есть место в Союзе? Для распределения "Жигулей"?"

Я очень искренне говорил перед вами, без всякого двойного счета. Честно сказал о сложнейших проблемах. Критерий должен быть один: "Жила бы страна родная!" И в этой связи мы хотели бы задать старый вопрос: "С кем вы, мастера культуры?" С тем новым, что приходит в нашу жизнь, или же под этими словами вы не готовы подписаться?..

Если бы мы начали заниматься прошлым, мы бы всю энергию убили. Мы бы столкнули лбами народ. А нам надо идти вперед. Мы разберемся с прошлым. Все поставим на место. Но сейчас мы всю энергию направили вперед. Наш разговор — сверка позиций. Надо понимать, что все у нас еще впереди. Мы пока еще ничего не сделали, только начали путь, который кажется правильным, потому что в центр поставили человека. Если мы сумеем поднять человека, активизировать его... Я не уверен, что все, что делаем сейчас, — все верно, может быть, что-то и отойдет в прошлое, появится новое, но только через это — дать возможность человеку все, что в нем заложено, выявить. Для первого этапа нет другого пути. Это главное. Повороты крутые, надо перестраиваться.

О заседаниях Политбюро. Бывают столкновения, споры. Два-три года откладывали, теперь мы хотим действовать. Общество созрело для поворота. Если мы отступим, общество не согласится на возвращение. Надо сделать процесс необратимым. Не мы — так кто же? Если не сейчас — то когда?

Наш враг нас разгадал. Их не пугает наша ядерная мощь. Они не начнут войну. Их волнует одно: если у нас разовьется демократия, если у нас получится, то мы выиграем. Поэтому они начали кампанию против нашего руководства любыми средствами, вплоть до террора. Они пишут об аппарате, который сломал шею Хрущеву, и об аппарате, который сломает теперь шею новому руководству.

*

Предлагаемая запись вряд ли предназначалась для Самиздата. Сделана она наспех, не отредактирована, в ней есть неуклюжие обороты и просто неясности. Видимо, один из участников встречи делал заметки для себя, причем слушать ему было интереснее, чем записывать.

Это понятно. Не то, чтобы генеральный секретарь сообщил писателям нечто принципиально новое. Но никогда — ни до, ни после — он не высказывался с такой откровенностью. Дело, очевидно, не только в том, что М.С.Горбачеву очень нужна поддержка "такого отряда, как писатели". Он стремился внушить писателям, что их съезд должен стать образцом, эталоном гласности.

Высказывания Горбачева настолько откровенны, что почти не нуждаются в комментариях. Отметим лишь некоторые моменты.

В середине февраля "Правда" опубликовала письмо, где говорилось, что между руководством партии и народом существует некий вязкий партийно-административный слой, который противодействует переменам. На XXVII съезде КПСС второй человек в руководстве Е.К.Лигачев пожурил редакцию за перегиб. Почти дословно повторив формулировку письма, генеральный секретарь засвидетельствовал, что письмо, как выражаются журналисты, было организовано, а критические замечания Лигачева — всего лишь тактический ход, призванный успокоить партийных функционеров среднего ранга.

Но еще интереснее другое. О причинах, по которым этот слой противится переделкам, М.С.Горбачев говорит нарочито глухо: "лишение некоторых прав", "привилегии", "эксплуатация должностного положения". Между тем все это — частности, следствия. Главное, что лежит в основе конфликта — вопрос о власти. Партийные вожди на местах усматривают в реформах покушение на их власть: абсолютную и нераздельную, именно этим обусловлена острота борьбы.

Почему же генеральный секретарь не говорит об этом прямо? Да потому, что это и для него большой вопрос. Призывая ограничить власть партийных чиновников среднего звена, он не ставит под сомнение сам принцип сохранения всей полноты власти в руках партии, то есть высшего партийного аппарата. Ну, а тот, кто живет в стеклянном доме, не должен бросать камни...

Другая примечательная особенность выступления — признание того, что существующая система хозяйствования (а точнее, хозяйничанья партии) довела страну даже не до застоя, а до регресса. Прямого, стремительного и глубокого. Настолько глубокого, что перестройка "потребуется огромных усилий и титанического труда", смены поколений.

Трудно не согласиться с Горбачевым: прошлое – проблема действительно сложная и болезненная, которая может столкнуть народ лбами, ибо наивно думать, будто все преступления и ошибки эпохи так называемого культа – дело одного человека. Беда лишь в том, что время не дискретно, оно не делится на прошлое, настоящее и будущее. Если индустриализация и коллективизация – благо, если уничтожение миллионов людей – естественный результат классовой борьбы, то зачем нам экономические методы хозяйствования, индивидуальная трудовая деятельность, гласность, независимые суды, не пролетарская, а общечеловеческая мораль?

Самое замечательное, но и самое загадочное в выступлении генерального секретаря – последний абзац. Советскому руководству ясно, что "их не пугает наша ядерная мощь. Они не начнут войну." А чего же они боятся? Оказывается, "их волнует одно: если у нас разовьется демократия, если у нас получится, то мы выиграем. Поэтому они начали кампанию против нашего руководства любыми средствами, вплоть до террора".

Тут М.С.Горбачев явно лукавит. Он не может не знать, что мировая пресса мало того, что не ведет кампанию против нынешнего советского руководства, но всячески его поддерживает, связывая с ним надежды на изменение курса, на отказ от политики экспансии и подавления свобод, экономический и научно-технический прогресс. А вот об угрозе руководству со стороны партийного аппарата западная печать действительно пишет нередко. Провокация? Выдумки? Ну, почему же. Тому, кто так думает, стоит вспомнить судьбу Хрущева или просто перечитать первые строчки выступления нынешнего генерального секретаря...

Но самое странное здесь – упоминание о терроре. Насколько нам известно, к моменту встречи Горбачева с писателями ни о каких покушениях на него не сообщалось. Зато в августе газеты всего мира писали о том, будто на М.С.Горбачева было совершено нападение. Если это верно, то каким образом генсек мог предвидеть такое развитие событий заранее? И не следует ли отсюда, что покушение было инсценировано, чтобы создать вокруг личности генсека ореол борца против любой реакции и изобразить его противников агентами ЦРУ? Конечно, партийные бюрократы симпатий не вызывают. Но все эти игры в агентов и в поиски мирового империализма слишком свежи в памяти, чтобы воспринимать их с юмором.

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А

Тов. ФАСТ Вильгельм Генрихович, 1936 г. рождения, немец, беспартийный, поступил в ЖЭУ-14 на работу дворником 16 октября 1984 г.

За время работы в ЖЭУ-14 ФАСТ В. Г. зарекомендовал себя добросовестным работником: он аккуратно выполняет свою работу, участок содержит в чистоте. Активно участвовал в субботниках. С товарищами по работе вежлив, пользуется уважением.

Характеристика дана для участия в конкурсе на должность доцента.

25 июня 1985 г.

**Нач. ЖЭУ-14 В. И. Дербенев
Партийная организация В. М. Гынгазов
Местком В. А. Киселева**

Из личного архива кандидата физико-математических наук В. Г. Фаста (Томск).

ПРАЗДНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ В ИГРУШЕЧНОМ МАГАЗИНЕ

Как-то, еще находясь в пределах родных границ, мы с моей младшей дочерью (ей тогда было года три) зашли в подмосковный поселковый магазин. С чем зашли, с тем и вышли. Оля сказала: "Папа, это магазин игрушечный". И тут же пояснила, что имела в виду: "Игрушечный не потому, что в нем игрушки, а потому, что в нем ничего нет. В него играют".

Это определение мне понравилось своей применимостью к разным явлениям советской жизни, и я ввел в свой обиход такие понятия, как игрушечная литература, игрушечная демократия, игрушечное правосудие и т.д.

И в самом деле. Возьмем для примера игрушечные выборы.

Важного вида люди сидят за длинными столами, раздают бумажки, которые называются бюллетенями. В бюллетене указана фамилия единственного кандидата и любезно разъяснено, что остальные фамилии (которых нет) можно вычеркнуть. Другие люди чинно, торжественно и серьезно подходят, берут бюллетени, складывают их вдвое, опускают в щелочку. Потом игрушечная комиссия приступает к подсчету, хотя счет известен заранее. Типичная детская игра в магазин, когда играющие расплачиваются за несуществующие товары клочками бумаги, обозначающими купюры разных достоинств. Так же советские люди играют в соцсоревнования, встречные планы, в собрания, митинги и демонстрации, посредством которых участники выражают единодушное игрушечное одобрение или справедливый игрушечный гнев.

Но при этом не следует забывать, что игра есть игра. Правила ее просты и понятны всем, как правила игры в дурака. Поэтому, нарушая правила, не пытайтесь кого-нибудь убедить, что вы их не знали. Переигрывать не следует ни в ту, ни в другую сторону. Допустим, вас пригласили играть в стихийную демонстрацию у американского посольства против чего-нибудь. Надо помнить, что стихия эта от начала до конца должна бушевать в предписанных игрой направлении и пределах. Если, например, вам по роли указано гневно расколотить о стену пузырек с чернилами, не вздумайте разгневаться всерьез и запузырить в окно бульбжником. Подобный поступок выглядел бы так же выходящим за рамки правил, как если бы на сцене Отелло задушил Дездемону не понарошку.

Собственно говоря, одна общая игра состоит из многих больших и малых. В некоторые мы играем постоянно, другие, устарев, упраздняются, но зато вместо них вводятся третьи. На моей памяти даже в детских играх произошла революция. Мое поколение в свое время играло в Чапаева, скакало на палочке верхом и размахивало деревянными шашками. Теперь дети с помощью электронных автоматов расстреливают реактивные бомбардировщики, топят атомные подлодки и отражают нападение пришельцев из других миров. Мне лично приходилось играть в войну с применением игрушек даже более интересных, чем электронные автоматы. Тридцать с лишним лет тому назад, когда я служил в истребительной авиации, мы играли в атомную войну, которую солдаты называли Хиросимой (может быть, теперь ее называют Чернобылем). Проводилась она таким образом. Посреди летного поля закапывалась железная бочка (200 литров) с бензином. С помощью бикфордова шнура бочку подрывали, она давала потрясающей красоты столб пламени, после которого возникало грибовидное облако. Два дежурных истребителя, взмывали в небо, а возле остальных слонялись без дела техники и механики в

противогазах. Однажды во время такой игры меня и моего приятеля назначили дозиметристами. Выдали нам по деревянной коробке с пустыми пробирками, при помощи которых по приказу начальника штаба полка мы должны были неизвестным нам способом определить степень воображаемого радиоактивного заражения местности.

— Слушаюсь! — прокричали мы и пошли.

Мы сходили в казарму, сыграли в шашки, постирали портянки, стащили в офицерской столовой банку сгущенного молока и, вернувшись к месту боевых действий, доложили, что местность проверена.

— Какова степень зараженности? — озабоченно спросил начштаба.

— Незначительная! — решительно доложил мой напарник.

— Молодцы! — похвалил нас начальник. — За отличное несение службы объявляю вам благодарность.

— Служим Советскому Союзу! — прокричали мы, ухмыляясь совершенно нахально.

Во что мы только не играли! Ловили шпионов, разоблачали вредителей, задерживали нарушителей границы, возвращались к ленинским нормам, перегоняли Америку, работали "за того парня" (для работы за себя времени не оставалось) и для поколений будущих игрушечных следопытов, замуровывали в бетон рапорты о наших нынешних игрушечных достижениях.

Теперь мы являемся свидетелями всесоюзной игры, которую участники именуют даже революцией. Или более скромно: перестройкой, ускорением, обновлением. Одним из атрибутов этой игры является гласность.

В чужеземной печати это слово пишут по русски латинскими буквами: "glasnost". Немцам следовало бы добавить к этому слову еще одно "s", иначе в приведенном написании оно звучит, как "глазность". А все это потому, что оказывается, в иностранных языках (по крайней мере в некоторых) точного перевода этого слова нет. Например, на английский оно переводится, как openness (открытость) или publicity (публичность) — близко, но не совсем то. В немецком примерно та же картина, а о других языках судить не буду, не полиглот.

Поэтому так вот и пишут русское слово латинскими буквами. Что дало Е.Евтушенко повод, выступая по западногерманскому телевидению, сообщить, что слово "гласность" вошло в иностранные языки, как слово "sputnik".¹

Мне же, когда я слышу слово "гласность", вспоминается широко известный анекдот (пересказываю для тех, кто не знает). Мальчик произнес дома слово на букву "ж". Мать смазала ему по губам: — Запомни, такого слова нет. Мальчик утер слезы, подумал и удивился:

— Странно, ж... есть, а слова нет.

В такую же ситуацию попали бедные европейцы. У них гласность есть, а слова нет.

А у нас?

Слово-то вроде есть, но удовлетворяющего меня толкования я в русских словарях не нашел. Например, в словаре Даля сказано, что гласность это "известность, общеизвестность чего, оглашение, огласка". Я бы сказал иначе: гласность это правда, которую высказывают громко, то есть гласят.

Не случайно слово "правда" сейчас тоже часто употребляется. Высокие товарищи и с трибун гласят и в печати партийной пишут, что нам (то есть им) полуправда не нужна. "Нам нужна полная правда" написал Егор Лигачев в журнале "Театр". Читая такое, я лично даже порой пугаюсь: зачем же сразу уж полная? С половинки начните, с четвертинки, с осьмушки хотя бы. А если полная правда нужна, то зачем обращаться к драматургам, они ее не знают. Вы бы, товарищи, ища правду, в своих собственных сейфах поры-

¹ А оно, между прочим, как вошло, так и вышло, иноязычная печать, сообщая о вращающихся на орбитах объектах, называет их спутниками или как-то еще, но никак не спутниками.

лись, там она, горькая, в опечатанном виде лежит, вопия молчаливо. Если уж она так нужна, вот бы и начали ее выкладывать постепенно. Постепенность в этом деле очень необходима. Это как со слепорожденным, которому сделали операцию. Если ему сразу снять повязку, он снова ослепнет. Но если не снять ее вовсе, он так и не прозреет. Однако тут-то речь идет об игре, и поэтому делают вид, что снимают повязку, сделав вид, что произвели операцию. И к правде Лигачев призывает к игрушечной. Чтоб она не сводилась, как он говорит, "к негативному, отрицательному". То есть, чтоб была одновременно хотя и полная, но исключительно позитивная. И чтобы она не обошла своим вниманием "глубокие образы коммунистов". Если бы разговор шел не игрушечный, то откликаясь на него, драматургам следовало бы вывести на сцену в полный рост таких видных (и по-моему, типичных) коммунистов, как Шараф Рашидов или Николай Щелоков. (При неигрушечном разговоре я мог бы предложить и свои услуги, так как над разработкой образа коммуниста работаю давно и упорно, и к числу своих удач на этом пути отношу созданный мною в соавторстве с прототипом образ коммуниста Сергея Иванько)

Вообще, сегодняшняя перестройка на внешнего наблюдателя производит странное впечатление: что-то как будто куда-то идет, а завершающего движения не происходит.

В одном закрытом бассейне я видел такую картину. На десятиметровый трамплин поднялся молодой человек могучего телосложения. Прошелся по нему, размялся, поиграл бицепсами, подошел к самому краю и слегка подпрыгал, проверяя упругость трамплина. Публика затаила дыхание. Двое мальчишек рядом со мной шепотом заспорили, будет спортсмен прыгать "ласточкой" или "солдатиком". А тот встал в позу, выгнулся, выгнул руки (вот она "ласточка"!), подумал, разогнулся, спустился вниз по лесенке и пошел в раздевалку.

Я это вспомнил, когда читал выступление Бориса Ельцина перед московскими пропагандистами. В отличие от Лигачева этот оратор как раз ратовал за негативную (то есть за настоящую) правду. И сам продемонстрировал преданность ей, рассказав про нехватку жилья, про алкоголиков, про наркоманов, и даже сколько стоят его ботинки (отечественного производства) не утаил. Широко размахнулся, далеко разбежался, а закончил чудно. Идите, говорит, и все, что вы здесь слышали, нашим людям подробнее расскажите. Чтобы народ наш узнавал правду не от Би-Би-Си, а прямо от вас. Как будто нет в стране печатных станков, микрофонов и телекамер. Ну, само собой, пока эти ходоки, ботинки дешевые стаптывая, народ обошли, тот обо всем опять-таки от Би-Би-Си уже знал.

Еще одна составная гласности — критика. Горбачев сказал, оппозиционных партий нет, поэтому мы должны сами себя критиковать. Это уже прямо по Гоголю (я намекаю на вдову, которая сама себя высекла). Но тут, я бы сказал, имеет место утопия. Потому что если критикам дать полную волю, то они непременно дойдут до создания оппозиционных если не партий, то групп. А если дать волю неполную, то опять же будет как с тем спортсменом: выйдет, разомнется, а прыгать не станет.

Так именно дело пока что и обстоит. Горбачев говорит: у нас можно критиковать всех. Кого угодно. Вплоть до министров. (Я бы к этому добавил, что замминистров, как показала недавняя практика, можно даже расстреливать.) Но критика только тогда может быть существенной, когда доходит вплоть до тех, которые над министрами.

На уже отшумевшем съезде наших инженеров человеческих душ один из них, Петр Проскурин, тоже призывал к гласности (не понимаю, уж ему-то она зачем?) и тоже сказал, что гласность бывает или полная или никакая. Если взять это утверждение за аксиому (а оно аксиома и есть), то, возвращаясь к анекдоту об озадаченном мальчишке, отметим, что здесь создалась обратная ситуация: слово есть, а предмета нет.

Нынешнее торжество игрушечной гласности еще раз показало, что "они любить умеют только мертвых". Некоторых начинают любить вскоре после похорон, другим дают отлежаться подольше. Пастернака печатать стали сразу после смерти, но о полной

реабилитации и об издании "Доктора Живаго" речь всерьез зашла через двадцать шесть лет. Гумилев подобной милости ожидал чуть ли не втрое дольше. На его фоне Набокова можно считать реабилитированным досрочно.

Мертвых выкапывают и ставят на пьедестал. И в этом контексте не случайно сейчас одна из самых нашумевших сенсаций — разоблачение Вознесенским (через журнал "Юность") кладбищенских мародеров.

Реабилитация писателей и их книг, хотя бы посмертная, все же лучше, чем никакая, но в некотором смысле тоже смахивает на мародерство. Тем более, что идет на фоне прежнего гробового молчания о живых. Я имею в виду не только писателей, художников и музыкантов. Если бы гласность была не игрушечная, то стоило бы реабилитировать прежде всего тех, кто за нее ратовал, не играя. Например, Андрея Сахарова и Юрия Орлова.

Пока я все это писал, Юрия Орлова вывезли на Запад. Я рад не только за Орлова, но даже и за себя, потому что меня лично его судьба как-то травмировала. Но принципиально и здесь не сделано ничего. Принципиально было бы Орлова без всяких условий освободить, полностью реабилитировать, извиниться, выплатить возможную компенсацию за потерянные годы и утраченное здоровье, предложить работу по специальности, но сначала предоставить длительный отпуск для поправки с правом выезда за границу и возвращения. А тех, кто его сажал (хотя бы судью Лубенцову, но не только ее), напротив, арестовать и судить открыто, гласно, с предоставлением полного права на защиту.

Мне скажут: эх, куда хватил! Ну да, хватил далеко, но не дальше здравого смысла. А ближе (если гласно говорить полную правду) просто не получается.

Вот мне говорят, в Политбюро сидят не дураки и не хуже нашего понимают. Но я бы сказал, что мы тоже не дураки и не хуже их понимаем, что:

Если есть хоть один человек, недоступный критике, это не гласность.

Если есть, одно событие, о котором нельзя говорить, это не гласность.

Если в тюрьме сидит хоть один человек, заведомо невиновный, это не гласность.

Если есть хоть одна запрещенная книга, это не гласность.

Если есть хоть одно имя, которое нельзя упоминать (Сахаров или Брежнев — важно), это не гласность.

Если нельзя подвергать сомнению колхозный строй или однопартийную систему, это не гласность.

Если за правду не то что сажать, а хотя бы объявлять выговор по работе, это не гласность.

А без гласности (это правильно говорят) дело с места не сдвинется и:

Погода, как и прежде, для рекордных урожаев будет крайне неблагоприятной.

Падеш скота останется прежним.

Шахтеры угля будут давать много, но мелкого и негорючего.

Цветные телевизоры будут ломаться, ботинки залеживаться на складах (если их все для секретарей МГК КПСС не закупит товарищ Ельцин), а поселковый магазин, паразитивший когда-то воображение моей дочери, так и будет игрушечным.

ИМРЕ НАДЬ И МОСКВА

1953—1956

В северо-восточном углу одного из многочисленных будапештских кладбищ есть три безымянные могилы. Когда наступает соответствующая годовщина, немногие скорбящие — родные и друзья — приходят сюда молчаливо постоять перед ними. Иногда сюда приносят цветы. Поскольку власти отказываются подтвердить это, посетители могут лишь догадываться, что здесь похоронены три мученика венгерской революции 1956 г. Это премьер-министр и вождь революции Имре Надь, его молодой и храбрый министр обороны генерал Пал Малетер и один из близких сотрудников Надя, одаренный журналист Миклош Гимеш. Все трое были вместе судимы и казнены в 1958 г.

Венгры, которые знали Надя, вспоминают о нем, как о необычном политике. С большими густыми усами, невинным круглым лицом, неизменным пенсне, веселого и общительного нрава, он казался, да и был честным человеком, на которого можно положиться. Хотя в 1956 г. ему было лишь 60 лет, сотрудники ласково называли его *az öreg*, старик, или *Imre bácsi*, дядюшка Имре. Для этой группы молодых антисталинистов, реформистски настроенных коммунистов, которые окружали его в тот короткий период 1956 г. — писателей, журналистов и прочих политических и интеллектуальных союзников, — Надь был одновременно и настоящим патриархом, и последней надеждой на социализм с человеческим лицом. Но во время революции, когда внезапно все стало казаться возможным, он стал также последней надеждой на свободу и независимость для всех венгров.

Конечно, у него были помощники. Самые проникательные антисталинисты из его первоначального окружения — Геза Лошонци, Ференц Донат и Миклош Вашархеи — в конечном счете открыли ему глаза на природу и размах происходящей революции. Золтан Тилди, ветеран партии мелких хозяев и ее руководитель, послевоенный венгерский президент, появившись на политической сцене после восьми лет домашнего ареста, стал его фактическим заместителем. Но сам Имре Надь был одновременно и руководителем, и символом Венгерской революции 1956 г. И когда он за нее отдал жизнь, он не перечеркнул сделанное им и не раскаялся в том, за что боролся. Подлинный герой, он заслуживает того пьедестала, на который его сограждане его вознесли.

Однако — и это является одним из парадоксов политической жизни Восточной Европы — до последних дней этой короткой революции Надь был человеком, на которого Москва могла рассчитывать и рассчитывала как на защитника ее интересов в Венгрии. Со времени первой демонстрации 23 октября и до 31 октября Надь видел будущее Венгрии только под советской опекой. Сначала, действуя по согласованию с советскими руководителями, он пытался навести порядок, обещал провести "реформы" в надежде, что такое обещание покончит с восстанием. Он думал также, что компартия воспримет его реформистские идеи и политику и проведет их в жизнь. Вот почему столь многое из того, что он сделал в то время, оказалось и недостаточным, и запоздавшим.

И лишь 1 ноября стало ясно, что пути Надя и Москвы разошлись. Накануне ночью советские войска во второй раз вошли в Венгрию. Надь понял, что Кремль не был заинтересован в поисках политического решения венгерского кризиса под его руководством. Он чувствовал, что его предали. Зря он консультировался с Кремлем; зря он добивался советского одобрения каждого крупного шага, сделанного им между 23 и 31 октября. Это и был момент, когда Надь, всю свою жизнь верно прослуживший Москве, стал венгерским революционером. 1 ноября, не согласовывая этот шаг с советским руководством, его правительство объявило о выходе Венгрии из Варшавского пакта и провозгласило нейтралитет. 4 ноября, когда советские войска достигли столицы, Советский Союз сверг правительство Надя и подавил революцию.

Из Москвы в Москву

За исключением короткого периода с конца 1949 г. по начало 1951 г. Имре Надь был членом Политбюро Венгерской коммунистической партии с 1944 по 1953 гг. Проведя почти 15 лет в Советском Союзе в качестве венгерского партийного эксперта по сельскому хозяйству, он вернулся в Венгрию, чтобы сыграть немаловажную роль в проведении земельной реформы 1945 г. В 1945—1946 гг. он в течение нескольких месяцев был министром внутренних дел; но когда он оказался слишком мягким для этого поста, его попросили уйти и принять другую должность. Известно, что он высказывал оговорки относительно масштабов и темпа изменений в сельском хозяйстве зимой 1947—48 гг. и кампании коллективизации 1949 г. Однако затем, в качестве министра заготовок, он был поставлен проводить в течение нескольких месяцев ту самую политику, в которой сомневался. В 1952 г. он стал заместителем главы правительства, ответственным за сельское хозяйство. Однако в течение всех этих лет он никогда не входил в число влиятельных лиц, принимающих решения.

Хотя Надь публично поддерживал все решения венгерской компартии и выступал с "самокритикой" всякий раз, когда большинство в Политбюро находило его взгляды ошибочными, коллеги с самого начала его невзлюбили. Говорят, что и генсек Матиас Ракоши, и его заместитель Эрне Герэ его ненавидели. Если это так, то каким образом, учитывая, что власть Ракоши была необъятна, смог Надь все эти годы сохранить свое место в Политбюро? Почему Ласло Райк, а не временами "трудный" Надь, был выбран на роль "руководителя титовского заговора" в 1949 г. и приговорен к смерти? Единственный разумный ответ состоит в том, что Надь защищал Кремль. Георгий Маленков и особенно Лаврентий Берия рассматривали Надя как надежного и лояльного члена партии. Надь наверняка имел в Москве давних и влиятельных заступников, возможно, самого Сталина, который приставил Надя к Ракоши в конце 1944 г. В это время Ракоши, все еще находившийся в Москве, сообщал своему верному прислужнику Золтану Вашу (который уже добрался вместе с частями советской армии до южной Венгрии), что "христианин" Надь, а не еврей Ваш будет пятым руководящим членом Политбюро — наряду с "еврейским квартетом" из Ракоши, Герэ, Михая Фаркаша и Йозефа Реваи. Будучи, таким образом, креатурой Москвы, Надь выжил в мрачные годы венгерского сталинизма, потому что кто-то в Кремле приглядывал за ним, и Ракоши не решался его трогать.

Советское доверие к Надю было продемонстрировано в 1953 г., после смерти Сталина в марте и как раз перед восстанием в Восточном Берлине 17 июня. Группа венгерских руководителей была срочно вызвана на совещание, которое должно было состояться 13—14 июня. Состав группы был точно указан. В нее должны были входить Ракоши и Герэ, но Фаркаш и Реваи названы не были. В числе других вызванных были Надь, в ту пору заместитель премьер-министра, Иштван Доби, беспартийный номинальный глава президентского совета, и четверо молодых партийных руководителей (Андраш Хегедюш, Бела Салаи, Иштван Хидаш и Рудольф Фельдвари). Хегедюш вспоминает, что перед июньской встречей между советскими руководителями и венграми была какая-то напряженность, но даже он, хотя и был членом Политбюро, не знал в чем дело. Поскольку они с Надем были специалистами по сельскому хозяйству, он думал, что они могут получить от советских товарищей "полезные критические замечания" в этой области.

Советская делегация включала всех влиятельных членов послесталинского Президиума ЦК КПСС: Маленкова, Берию, Хрущева, Молотова, Булганина, Микояна, Кагановича, а также Ворошилова, давнего кремлевского эксперта по венгерским делам. В недвусмысленных выражениях они дали венграм понять, что Советский Союз глубоко разочарован руководством Ракоши. Венгерская экономика находится на грани краха. Кампания коллективизации зашла слишком далеко. Чистки обезглавили партию. Ракоши должен отдать либо свой пост премьер-министра, либо свой пост первого секретаря партии: он забрал себе слишком много власти. Хорошо информированный Берия даже хотел знать, почему жена главы гайной полиции (АВО) Габора Петера и личный секретарь Ракоши оказались среди недавно арестованных. Хегедюш вспоминает, что, отвечая, Ракоши пробормотал, что Сталин сказал ему, будто Петер был агентом ЦРУ. Берия вы-

шел из себя: "Ты, Ракоши, старый большевик и должен знать, что мы хорошо умеем ломать хребты!"

Надь рассказывал, что в один момент советские руководители отозвали Ракоши в сторону и между ними произошло личное столкновение. Сначала Берия обвинил Ракоши в том, что он хочет стать "еврейским царем Венгрии". Вспомнив "турецких султанов, императоров-Габсбургов, татарских ханов и польских князей", некогда правивших Венгрией, Берия предостерег: "Но насколько мы знаем, в Венгрии никогда не было еврейского царя. Ты им, по-видимому, уже стал. Ну, будь уверен, мы этого не позволим". В этом же разговоре, как рассказывал Надю Маленков, советские руководители спросили Ракоши: "Кого вы порекомендуете в свои заместители?" Он не мог назвать никого. Он возражал против каждого, чье имя называлось; против всех у него что-то находилось. Все, кроме него самого, были на подозрении. Молотов сказал Надю, что Ракоши "хотел премьер-министра, который не имел бы голоса в принятии решений". Позднее, на пленарном заседании, советские руководители "предложили" назначить Надю премьер-министром, а Герэ и Хегедюша — его заместителями. Одновременно они изменили также состав Политбюро, исключив из него Фаркаша и Реваи. Объяснений дано не было, да их и не спрашивали.

Назначение Надя было тем более значительным, что не было ясно, кто будет номером первым: он ли, как премьер-министр, или Ракоши, как первый секретарь. В Советском Союзе номером первым был глава правительства Маленков. Поэтому, как говорит Хегедюш, Ракоши боялся, что его понижение гораздо серьезнее, чем оно было в действительности. Когда они покидали зал совещания, Надя вежливо пропустил Ракоши вперед. Но Ракоши подтолкнул его: "Иди вперед, Имре, теперь ты вождь!"

Новый курс, который Надю было предложено проводить в качестве премьер-министра, получил лишь видимость поддержки со стороны Ракоши, который встречал в штыки каждую новую меру, объявленную Надем — будь то сельскохозяйственные реформы, новый упор на легкую промышленность или реабилитация политзаключенных. В конце концов, ведь это он был у власти, когда были сделаны эти "ошибки". В течение почти двух лет Ракоши вновь и вновь безуспешно обращался к Москве за разрешением обернуть вспять реформистский курс и изгнать Надю.

По мере того как продолжалась борьба в Венгерской компартии, Кремль склонялся все более на сторону Надя. Надя ценил доверие к нему "руководящих советских товарищей", их "искреннюю, открытую и резкую критику, сделанную в подлинно партийном духе", "их готовность предложить братскую помощь и большое доверие, которое нам было оказано". В действительности это доверие было весьма ограниченным; в конце концов и Ракоши, и Герэ было дозволено сохранить свои высокие влиятельные посты, несмотря на все то, что они сделали. "Я должен сохранить Ракоши... потому что в Венгрии вся система рухнет, если он уйдет", — говорил Хрущев. Однако у советского руководства были веские причины предпочитать Надю. Он провел в Москве много лет. Он не был евреем. Он хорошо говорил по-русски. Он лояльно поддерживал советскую политику как при Сталине, так и при его преемниках. Он не участвовал в венгерских партийных чистках. По характеру он был честным, дисциплинированным и надежным, хотя частенько и упрямым. Несмотря на то, что Надя вначале критиковал темпы насильственной коллективизации, он никогда не ставил публично под вопрос однажды принятую политику партии. Поскольку новое советское руководство собиралось проводить свой собственный новый курс, Надя был как раз тем человеком, который был ему нужен.

На очереди в кремлевских списках

Вплоть до октября 1954 г. акции Надя стояли очень высоко. Герэ после короткого отпуска, проведенного в Москве, был необычайно предупредителен к нему. Но в ноябре советское отношение стало меняться. Михай Фаркаш, обычный барометр советских настроений, первым сформулировал новую линию: "Нет никакого Нового курса, ...это правый уклон, следует идти прежним путем, лишь исправив отдельные ошибки". Фар-

каш, отвечавший тогда за культуру и печать, 16 декабря уволил из редакции партийной газеты "Szabad Nép" нескольких сторонников Надя.

Ракоши тоже только что вернулся из отпуска в Советском Союзе. В Москве он узнал о предстоящем дворцовом перевороте, направленном против Маленкова, и о соответствующей новой линии партии против Нового курса и правого уклона. Пользуясь возможностью дискредитировать Надя, Ракоши начал говорить — пока еще только в кулуарах — о том, что в Венгрии правый уклон стал главной опасностью. Он говорил, что было ошибкой благоприятствовать развитию легкой промышленности и разрешить роспуск колхозов. Отождествляя таким образом политику Надя с только что обнаруженными "ошибками" недавнего прошлого, Ракоши предвосхищал тем самым обвинения, которые Хрущев выдвинет в конце января 1955 г. против *своего* пока еще неназванного противника (Маленкова).

Как раз в период формирования новой, антимааленковской коалиции венгерским руководителям было послано срочное приглашение прибыть в Кремль 7 января 1955 г. В венгерскую делегацию входили Надя, Ракоши, Герэ, Салаи и Фаркаш. Советская сторона была представлена Маленковым, Хрущевым, Микояном, Молотовым, Кагановичем и Булганиным. В этот раз на ковер вызвали Надя. В соответствии с советскими обычаями, задача обвинения была возложена на его бывшего наставника Маленкова, который, положив перед собою досье, начал цитировать последние речи и статьи Надя, а затем обвинил его в "клевете на партию", нарушении "ленинского принципа демократического централизма", "недооценке руководящей роли партии", принижении "классовой борьбы", "оппортунизме, шовинизме и демагогии". Маленков приводил также факты и цифры, показывающие, что Новый курс, ответственность за который теперь возлагали на Надя, обострил экономические проблемы Венгрии. Маленков даже жаловался на небольшую антисоветскую демонстрацию, происшедшую во время советско-венгерского матча по водному поло в Будапеште.

Очевидно, что Хрущев, некогда один из самых энергичных защитников Надя и Нового курса, переметнулся в другой лагерь, чтобы избавиться от Маленкова с помощью таких сталинистов — противников советского нового курса, как Каганович и Молотов (вскоре, в середине 1957 г., Маленков присоединится к Молотову и Кагановичу в безуспешной попытке скинуть Хрущева). В то время, однако, все они хотели дискредитировать Надя, чтобы продемонстрировать вред, который якобы политика Маленкова нанесла даже за пределами Советского Союза. Что касается Маленкова, то он следовал обычной большевистской тактике, согласно которой он пытался спасти себя, заняв антимааленковскую позицию. Маленков принимал на себя ответственность за Новый курс в Советском Союзе и Венгрии, — за политику, которую ранее поддерживал *весь* Президиум ЦК КПСС. Черня себя таким образом, Маленков не мог избежать понижения, но, по крайней мере, сейчас его не изгоняли.

После понижения Маленкова в феврале, в начале марта наступила очередь Надя. Его ошибки? "Недооценка руководящей роли партии", "правооппортунистический уклон... по отношению к крестьянству", ревизия "марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата" и др. Единственное существенное различие между Маленковым и Надем состояло в том, что Надя не занимался самокритикой и не принял в правительстве более низкого поста. Это побудило Михаила Сулова, нового кремлевского специалиста по Венгрии, появиться в Будапеште с целью убедить Надя последовать "схеме Маленкова". Не признает ли тов. Надя свои ошибки? Нет. Не займет ли тов. Надя меньший пост в правительстве, как это сделал Маленков? Нет. В середине апреля Надя потерял все свои посты. Он остался рядовым коммунистом до ноября 1955 г., когда его исключили из партии, создать которую он помогал в 1918 г. В день, когда это произошло, разгневанный Надя сказал своему другу Тамашу Ацелу: "Посмотри, что они со мной сделали... после того, как я столько лет был бойцом партии... Эти абсолютные ничтожества... Но я сказал им правду... Я сказал им правду..."

Отныне Ракоши господствовал во всем. В свое время он не смог использовать дело Берии, одного из "покровителей" Надя, чтобы скомпрометировать своего соперника. Теперь он пользовался делом Маленкова, чтобы отомстить за перенесенное унижение. Во время дела Берии Хрущев и Маленков все еще были союзниками, и у Хрущева не было

нужды выступать против Нады и Нового курса. Однако во время дела Маленкова Хрущев, чтобы нанести ему поражение, нуждался в помощи сталинистов, и, следовательно, от Нового курса следовало отказаться. Соображения власти перевесили принципиальные соображения, и Надя стал невольной жертвой сложных кремлевских интриг и ловких маневров Ракоши.

Теперь Надя стал пенсионером. Он совершал длительные прогулки, подолгу разговаривал со своими почитателями, число которых все более росло. Надя наслаждался своей внезапной широкой популярностью. Он написал ряд политических эссе и исследований (в 1957 г. их издали на Западе под названием "О коммунизме"). В этих работах Надя защищал свои марксистско-ленинские позиции, яростно осуждал Ракоши и его сторонников, высказывал уважение постсталинским советским лидерам, их взглядам и политике. Надя ободряло то обстоятельство, что Москва не санкционировала его арест; что в середине 1955 г. Советский Союз помирился с титовской Югославией — Надя всегда восхищался этой страной и ее вождем; что австрийский государственный договор, встреча в верхах в Женеве и особенно XX съезд КПСС указывали на изменения к лучшему, на возможность его собственной реабилитации. Его ободряла также растущая поддержка со стороны интеллектуалов, разочарованных в коммунизме писателей и журналистов, чья "революция в умах" привлекала все новых приверженцев и с каждым днем все более набирала силу.

К лету 1956 г., когда драматические события, связанные с падением Маленкова и XX съездом КПСС, были уже позади, когда появились признаки напряженности в среде венгерской элиты и растущей неустойчивости в этой стране, советские руководители вновь начали присматриваться к Ракоши. Их новый друг Тито оказывал на них сильнейшее давление, добиваясь изгнания Ракоши. Тито предпринял необычный и недипломатический шаг, публично и резко осудив Ракоши и его приспешников. "У этих людей, — сказал Тито, — руки по локоть в крови. Они инсценировали суды, распространяли ложь, приговаривали невинных к смертной казни. Они примешивали к этим процессам Югославию, как например, в деле Райка, и теперь они даже не могут признаться перед собственным народом в своих ошибках". Тито давно презирал Ракоши и благоволил Надю. Уже в 1955 г. и особенно в 1956 г. между Югославией и некоторыми сторонниками Нады были установлены контакты. Надя сумел переправить через югославское посольство в Будапеште несколько своих статей и по крайней мере одно личное письмо Тито.

17 июля 1956 г. Микоян на пути в Белград — в качестве подарка Тито — сделал остановку в Будапеште, чтобы сообщить венгерскому Политбюро, что Ракоши следует уйти. "Мудрый вождь" Венгрии, как его официально называли во времена Сталина, или "лысый убийца", как его звали в народе, не хотел верить, что Микоян говорит от имени советских руководителей. Лишь после того, как Хрущев подтвердил дурную весть по телефону, Ракоши подал в отставку, признав какие-то из своих ошибок и сославшись на плохое здоровье. После этого он выехал в Советский Союз. Его сменил не Надя и не центрист Янош Кадар, а Эрне Герэ. Москва, должно быть, все еще верила, что порядок и стабильность могут быть восстановлены, если венгерская компартия будет следовать более или менее той же линии, что проводил Ракоши — но без самого Ракоши.

А что с Надем? Советские руководители стали вновь присматриваться к нему. Первые вести об этом пришли от венгерского скульптора Жигмонда Кишфалуди-Штробла, который был в Москве в начале лета 1956 г. Его пригласили сделать бюст Ворошилова. Изрядно выпив, Ворошилов сказал венгерскому мастеру: "Плохи дела в вашей стране... Ракоши? Обыкновенный мерзавец... А Герэ совершенно бесполезен. Во всем руководстве партии есть только один честный человек. Это Имре Надя". Затем появились и другие признаки. Новый советский посол в Венгрии Юрий Андропов регулярно приглашал Нады, обыкновенного пенсионера, в свою резиденцию на улице Байжа для длинных и, по-видимому, приятных бесед. В середине июня Надя посетил Сулов, вновь предлагая ему пост премьер-министра, если только Надя выступит с самокритикой. Возвращаясь из Белграда, Микоян сделал 21 июля еще одну короткую остановку в Будапеште, чтобы увидеться с Надем и заверить его, что это Ракоши, а не Кремль, распорядился об исключении его из партии. Встревоженный растущей напряженностью в Венгрии, Микоян просил также Нады о помощи в поисках выхода из создавшегося положения.

Теперь, когда Тито играл ключевую роль, а Надь был его очевидным фаворитом, советские руководители все более и более интересовались Надем. Но они колебались. С одной стороны, Надь был упрям; он по-прежнему отказывался выступить с самокритикой и пойти по пути Маленкова. С другой стороны, теперь, когда Маленков находился во вторых ролях, более не было нужды в том, чтобы Надь играл роль козла отпущения за Маленкова и его политику. Для Кремля *теперь* было существенно то, что Надь, хоть и беспартийный пенсионер, оставался лояльным Советскому Союзу и партии. В нем теперь нуждались. Венгрия трещала по швам. И когда наступил день расплаты, 23 октября 1956 г., Надь — с его авторитетом и лояльностью — был под рукой. Он опять был первым или почти первым на очереди в кремлевских списках.

13 октября Надя восстановили в партии, но лишь после того, как Герэ и его тогдашний заместитель Янош Кадар провели еще один тур нелегких консультаций с Микояном и Сусловым, а Хрущев организовал Герэ "случайную" встречу с Тито в Крыму. В ходе этой встречи Тито согласился принять Герэ в Белграде на следующей неделе при условии, что Надь будет быстро реабилитирован, и в качестве жеста доброй воли по отношению к Хрущеву Герэ не мог терять времени. В Будапеште, перед отъездом в Белград для формального извинения перед Тито за прошлые грехи венгерской компартии, Герэ разработал компромисс, который позволил восстановить Надя в партии без всяких предварительных условий. От Надя не требовалось покаяния, но и партия не признавала того, что изгнание Надя было ошибкой. К смущению своих союзников Надь принял этот компромисс. Как бы Надь ни презирал Герэ, для него еще важнее было показать, что он дисциплинированный коммунист. Более всего он, по-видимому, ценил усилия советских товарищей в его поддержку. Он был благодарен им за то, что ему было позволено исправить партию, которую он любил, партию, которой он посвятил почти 40 лет своей жизни и которая составляла для него весь смысл существования.

Революция или Новый курс?

23 октября, когда в Будапеште начались мирные демонстрации в поддержку драматических изменений в Польше, включая приход Владислава Гомулки на пост первого секретаря ЦК ПОРП, Надь и его сторонники встретились на квартире Гезы Лошонци, чтобы оценить ситуацию. Они, по-видимому, согласились в том, что Надь должен принять свой прежний пост премьер-министра только в том случае, если его злейшие враги-сталинисты будут изгнаны, а его приверженцы получат ответственные назначения. Они считали, что Кадар, никогда не принадлежавший к группе Надя, должен стать первым секретарем ЦК, а Имре Мезе и Йожеф Кебель, разделявшие некоторые из взглядов Надя, — его заместителями. Надь и несколько близких его сотрудников — Лошонци, Ференц Донат, Шандор Харати и Золтан Санто — рассматривались как подходящие кандидаты для Политбюро.

К вечеру, когда огромная статуя Сталина была низвергнута, а толпа осадила здание радио, Венгерская революция шла уже полным ходом. Армия, вместо того чтобы следовать приказам и стрелять по толпе, передала свое оружие восставшим. В здании ЦК Герэ, только что вернувшийся из Белграда, готовил обращение к стране по радио. Он находился в постоянной телефонной связи с Кремлем и советским послом Андроповым. Когда Надь доставлен в ЦК, Герэ предложил ему пост премьер-министра и Надь его принял. Хегедюш, тогдашний премьер, с готовностью согласился отойти в сторону; он стал заместителем Надя. Позднее Хегедюш вспоминал: "Мы все понимали, что нет иного политического решения, как ввести Надя в правительство". Усталый и смущенный, Надь просил пока не производить дальнейших персональных перемещений. В целом он позволил Герэ взять в свои руки инициативу. (Герэ уже получил от Хрущева добро на назначение Надя)

В ходе почти непрерывных совещаний, начавшихся в полночь, ЦК пытался умиротворить повстанцев и разоружить политическую оппозицию, удалив из Политбюро наиболее твердолобых сталинистов и заменив их Надем, двумя его менее воинственными сторонниками (Кебелем и Санто) и двумя центристами, близкими к Кадару (Дьюлой Каллаи и Шандором Гашпар). Из ближайших друзей Надя лишь Лошонци был назначен

кандидатом в Политбюро, а Донат — одним из секретарей ЦК, рангом ниже, чем Герэ и Кадар.

Лошонци и Донат отказались принять предложенные посты, так как были кооптированы в руководство в их отсутствие. Они полагали, что произведенные изменения имеют лишь косметический характер. Они обнаружили, что Надь держится отчужденно и не имеет желания провести в жизнь те персональные изменения, о которых они достигли соглашения в квартире Лошонци менее чем 24 часа назад. Они были потрясены, обнаружив, что Надь не понимает и не чувствует того, что происходит за стенами здания ЦК. Им не удалось убедить Надя, что тому следует немедленно выступить против Герэ. Их удручало, что, упрекая Герэ за прошлое — за то, что тот довел страну до такого положения, Надь не поднял вопроса о том, что же делать дальше. Было очевидно, что Надь реагировал не на революцию на улицах, а всего лишь на атмосферу в здании ЦК.

В частности, как мог Надь согласиться на объявление военного положения? Как мог он не протестовать против сделанного накануне вечером объявления от имени Совета Министров, в котором от "всех фашистских, реакционных элементов" требовалось прекратить их "контрреволюционную деятельность"? И, что еще хуже, почему Надь молчал, когда Герэ по согласованию с Андроповым вечером 23 октября организовал вывод расквартированных в провинции советских войск из их расположений и предложение "братской помощи"?

Уклончивость Надя в вопросе о советской помощи стала особенно очевидной, когда Герэ и Андропов попросили Надя подписать формальное обращение за нею. Надь, молчавший, пока вопрос обсуждался, попросту их проигнорировал и вышел, не сказав ни да, ни нет. В конце концов, поскольку Андропов продолжал настаивать, чтобы обращение было сделано в письменной форме, документ подписал *бывший* премьер-министр Хегедюш. Он сделал это 26 октября, через три дня после того, когда он уже не был больше премьер-министром. Письмо было помечено задним числом, чтобы создать впечатление, что оно было подписано 23 октября, когда *формально* Хегедюш был еще премьер-министром.

Надь не смог поставить на своем также и в другом решающем вопросе. 25 октября на заседании Центрального Комитета друг Надя Ференц Донат внес предложение. Донат призвал партию выразить понимание причин народного возмущения и солидаризоваться с некоторыми народными требованиями. Предложение Доната было намеренно сформулировано несколько туманно, но суть его была вполне конструктивна, а тон — примирительный и успокоительный. Если бы такая инициатива была предпринята *на этом раннем этапе* и позднее развита, это вполне могло бы уменьшить вероятность продолжения уже начавшихся столкновений и насилия. Как это ни невероятно, только Лошонци и политический хамелеон Мартон Хорват поддержали предложение Доната. Когда их герой Надь проголосовал против, Донат и Лошонци покинули заседание ЦК и уехали домой. (Они вернулись через четыре дня.)

Надь вернулся к своей политической программе 1953 г. Боевого духа Имре Надя 1955 и начала 1956 г. как не бывало. Объявив военное положение, Надь продолжал просить народ доверять ему и дать ему возможность полностью провести в жизнь "июньский путь", Новый курс 1953 г. Новый курс? Лишь закоренелый партийный аппаратчик мог еще продолжать думать в прежних терминах: "покончить с культом личности", "исправить ошибки партии", "сменить экономические приоритеты". Как можно было говорить о "враге", сбивающем с пути добрый венгерский народ! Студенты и рабочие, вышедшие на улицы сражаться за свободу и независимость, были поражены; партийный жаргон раздражал, а суть была оскорбительной. Повстанцы больше не мыслили в партийных терминах, их не интересовала борьба фракций. Подавленная годами враждебность нашла выражение в новых требованиях, из которых чаще всего повторялось одно: "Ruszkik haza!" (Русские, убирайтесь!).

Все это было удивительно. Будучи беспартийным, частным лицом в 1955—1956 гг. Имре Надь значительно вырос. Его работы, написанные в то время, показывают, что он понимал растущий разрыв между партией и народом. С внутренним пониманием и сочувствием он предупреждал, что если не будет проведено политических и экономических реформ, последствия могут быть катастрофическими. Он прекрасно понимал, что

тактические изменения, малые уступки в одном и "шаг назад" в другом деле не помогут. Он требовал, чтобы партия избрала новое стратегическое направление, основанное на концепции суверенитета, которое привело бы к установлению равноправных отношений между Советским Союзом и Венгрией. Он принимал за чистую монету декларацию советских лидеров о десталинизации, в особенности, сделанные на XX съезде КПСС. Он не дошел еще до того, чтобы защищать необходимость возврата к эре довоенных многопартийных коалиций, но признавал, что и беспартийные должны иметь равный доступ к ресурсам страны, равное право голоса в определении ее ориентации. Он готов был пойти гораздо дальше создания Народного Фронта.

Надь понял также смысл послесталинских восстаний в Восточном Берлине, Польше, Праге и в венгерских промышленных городах Чепель, Озд и Диошдьер. Он пророчески предупреждал еще в 1955 г., до XX съезда КПСС: "Вырождение власти ставит под серьезную угрозу судьбы социализма... Возможно, *сегодня* возврат к политике Нового курса... сможет еще умерить нарастающий кризис и предотвратить катастрофу. Но сомнительно, что *завтра* возврат к июньским принципам будет достаточным... Если это не произойдет скоро, есть опасность того, что массы, потеряв веру, отвергнут и июньский путь, и коммунистическую партию, и станут необходимым совершить гораздо большее отступление, чтобы удержать положение под контролем".

Ощущая нарастание кризиса, Имре Надь в 1955–1956 гг. ясно видел необходимость реформ и гарантий независимости, хотя он все еще верил в возможность формирования политического порядка в рамках послесталинского советского блока, порядка, который был бы одновременно и марксистским, и гуманным, и венгерским национальным порядком.

И тем не менее в свои первые дни революция вознесла к власти дорогого Надя — московского реформиста образца 1953 г. Создавалось впечатление, что Надь не знал или не хотел знать, что революция началась, что народ пошел дальше его "июньского пути и коммунистической партии", и, следовательно, уже было необходимо "совершать гораздо большее отступление". Был ли он реалистом, понявшим пределы советского терпения, или просто у него сдали нервы? Были ли его колебания вызваны ответственностью? Стал ли он жертвой психологии осажденной крепости, восторжествовавшей в штаб-квартире партии? Нашел ли он аргументы Герэ — а также Микояна, Сулова и Андропова — относительно опасности "контрреволюции" столь убедительными, что он смог порвать со своими горячими сторонниками и забыть свои собственные пророческие предупреждения? Вся страна недоумевала.

Наиболее широко распространенное объяснение состояло в том, что Надь стал пленником штаб-квартиры партии. В определенном смысле это так и было. Ибо Надь действительно был пленником коммунистической политической ментальности, царившей в ЦК, пленником ограниченных идеологических горизонтов и внутрипартийных интриг, из которых выбраться было не так-то легко. Несмотря на свои пророческие слова о грядущем кризисе, Надь мог лишь вообразить его, но не ожидал, что *такое* действительно случится. Что касается его окружения в ЦК, то оно не могло даже и вообразить себе такой революции.

Как вспоминает Хегедюш, основной вопрос даже сначала и не рассматривался: может ли партия своевременно сделать такие значительные уступки, которые удовлетворили бы восставших? Вместо этого на уме у всех было одно: как может партия наиболее эффективно изолировать, а затем разгромить контрреволюционное восстание? Все речи и предложения отражали традиционный образ мысли авторитарных вождей, будь-то коммунистических или любых других, единственным вопросом для которых было не то, как решить проблему, а то, как защитить свою власть. Для руководителей такого сорта — для Герэ и его коллег — ответ был самоочевиден. Прежде всего надо применить силу для разгрома восстания. Далее, привлекая Имре Надя на свою сторону и возложив на него ответственность за разгром восстания, надо дискредитировать и тем самым уничтожить его.

С того момента, как Микоян и Сулов без предупреждения прибыли 24 октября в броневице в штаб-квартиру партии, стало очевидно, что по второму из этих двух пунктов интересы Советского Союза и группы Герэ расходятся. Советский Союз хотел

прекращения восстания, но считал, что для этой задачи подходит Надя, а не Герэ. Тогда как Герэ собирался по выполнению этой задачи консолидировать свою власть, а затем отстранить Надя, Советский Союз хотел убрать Герэ, чтобы быстро восстановить порядок и, если возможно, избежать дальнейшего насилия. Микоян и Сулов сразу же заявили Герэ, что его речь накануне вечером была крайне провокационной, и он должен уйти. Сообщение ТАСС, опубликованное в Москве, также показывало, кого предпочитает Кремль: Надя был в нем назван по имени дважды. Он вызвал доверие тем, что объявил военное положение, которое называлось необходимой мерой для борьбы с "фашистскими бандитами" и "враждебными элементами", и тем, что призвал население "сохранять спокойствие и порядок".

В присутствии Микояна и Сулова Политбюро на следующий день, 25 октября, заменило Герэ Яношем Кадаром. Надя сообщил об этом по радио. Он также предложил амнистию тем, кто "немедленно прекратит сопротивление и сложит оружие", а затем в первый раз упомянул о том, что правительство вскоре начнет переговоры с Советским Союзом относительно различных аспектов советско-венгерских отношений, включая вывод советских войск с венгерской территории. "Под руководством партии", сказал Надя, восстанию должен быть положен конец. Его политика и заявления были одобрены Москвой.

Если бы Надя объявил об этом всего лишь на день раньше, не говоря уже о неделе, это произвело бы необычайный эффект. Он говорил об амнистии, а не о контрреволюции. Он призывал к выводу советских войск из Венгрии, а не к "братской помощи". Рядом с ним был Кадар, жертва сталинистских чисток, а не Герэ, несший за эти чистки ответственность. Правда, Надя подтвердил "руководящую роль" компартии, но зато о каких изменениях он объявил! Увы, сейчас, после того, как члены тайной полиции АВО только что убили более 100 демонстрантов на Парламентской площади, слова Надя уже не могли быть услышаны. Немногие посвященные поняли, что он достиг определенного прогресса в переговорах с представителями Кремля и оставшимися еще твердолюбими в штаб-квартире партии. Но, как случится еще не раз в ближайшие дни, заявление Надя не произвело впечатления на улицах. Он на один-два шага отставал от новых, все более и более нетерпеливых требований. Было уже недостаточно объявить, что правительство "начнет" переговоры о выводе советских войск: улицы, сотрясавшиеся от возгласов "Ruszkik haza!", требовали от него немедленных действий. *Сказано было слишком мало и слишком поздно.*

Народ, напротив, хотел от Надя *слишком многого и слишком рано*. Одна за другой к нему являлись делегации, объяснявшие ему, что надо делать и особенно — что надо быть более решительным. Он нетерпеливо отвечал, что им следует идти домой и проводить в жизнь его политику. Надя оставался осторожным реформистом. Более всего он не хотел выйти за пределы понимания, достигнутого с Микояном и Суловым, которое было близко к сделке, заключенной Кремлем в Польше с Гомулкой: более широкая внутренняя автономия венгерской компартии, меры по либерализации, учет венгерских национальных особенностей, изгнание скомпрометированных сталинистов, пересмотр торговых соглашений с Советским Союзом, а позднее также и вывод советских войск. Такой компромисс помог бы сохранению роли партии и советского контроля, но устранил бы очевидные недостатки и удовлетворил бы национальные чувства.

Такова была общая установка, которую оставили Микоян и Сулов, возвратившиеся в Советский Союз. В точности неизвестно, как Москва поддерживала контакт с Надем, пока два советских "умиротворителя" отсутствовали — с 26 по 30 октября. Вероятно, связь поддерживалась по телефону. И конечно в Будапеште был посол Андропов. Еще более важно то, что там же находились и советские войска. Ясно, однако, что до 30 или 31 октября Москва поддерживала решения Надя, включая назначения нескольких некоммунистов в его кабинет (27 октября), образование более или менее центристского Президиума из шести человек, перенявшего функции ЦК (28 октября), и роспуск тайной полиции АВО (29 октября).

В противоположность прежнему скептицизму Хрущева относительно возможности политического решения, выраженному частным образом 24 октября, Московское радио приветствовало "новообразованное венгерское правительство во главе с Имре Надем"

за то, что оно овладело положением, добавив, что "расчеты контрреволюционных мятежников потерпели провал". На дипломатическом приеме в Москве 29 октября министр обороны маршал Г. Жуков сказал: "Положение в Венгрии улучшается. Создано правительство, которое *пользуется нашей поддержкой* и поддержкой венгерского народа". В своих воспоминаниях Хрущев подтвердил, что Кремль колебался между "подавлением мятежа" и уходом из Венгрии. "Я не знаю, сколько раз менялись наши позиции", — вспоминает Хрущев.

Можно предполагать, что после возвращения в Москву 26 октября Микоян и Сулов убедили Президиум ЦК КПСС в *возможности* того, что Надь все еще может найти политическое решение кризиса. Действительно, когда они 30 октября вновь появились в Будапеште, чтобы еще раз оценить положение, они были настроены довольно дружелюбно. Атмосфера в штаб-квартире партии и в здании Парламента была прекрасной. Обмены мнениями с Надем, Кадаром и Тилди прошли исключительно хорошо. Микоян провел целый час с Тилди, который поднял при этом ряд вопросов, включая возможность восстановления четырехпартийного коалиционного правительства 1945 г. и удовлетворения таким образом одного из самых важных требований революции. Микоян, который по-видимому ожидал, что этот вопрос будет поднят, согласился. Ликующий Тилди немедленно сказал мэру Будапешта Йожефу Кеваго, одному из лидеров партии мелких сельских хозяев, что "Микоян принял все". Действительно, Микоян и Сулов, казалось, хотели уладить и два других основных вопроса. В беседах с Надем и Кадаром они согласились на быстрый вывод советских войск и на переговоры о выходе Венгрии из Варшавского пакта.

Предприимчивый репортер новой революционной газеты "Igazsag" сумел проникнуть в здание ЦК, где он столкнулся лицом к лицу с Микояном и Суловым (о присутствии которых в Будапеште не было объявлено). Молодому журналисту сказали не слишком много, но он смог все же сообщить, что все выглядит хорошо. Они улыбались и даже пожали ему руку по выходе из здания.

Надь сделал свое историческое заявление по радио в 2 часа 28 минут пополудни 30 октября 1956 г.:

"В интересах дальнейшей демократизации жизни страны кабинет министров отменяет однопартийную систему и создает правительство на основе демократического сотрудничества между коалиционными партиями, как это имело место в 1945 г. В соответствии с этим решением учреждено новое национальное правительство с небольшим внутренним кабинетом, пока лишь с ограниченными полномочиями. Членами нового кабинета являются Имре Надь, Золтан Тилди, Бела Ковач, Ференц Эрдеи, Янош Кадар, Геза Лошонци и лицо, которое будет назначено социал-демократической партией".

Затем к микрофону подошел дряхлый, но торжествующий Золтан Тилди, лидер партии мелких сельских хозяев, некогда кальвинистский священник:

"Братья венгры! Воля нации, национальная революция восторжествовала. Я стою перед микрофоном глубоко взволнованный. Я не приготовил текста, моя речь, может быть, бессвязна, но мое сердце переполняет любовь и радость. Я приветствую возлюбленную молодежь Венгрии... Мы — небольшой народ, но мы хотим жить в своей стране как венгры и жить свободно. Я убежден, что когда народы и руководство Советского Союза будут иметь дело не с униженной, а со свободной нацией и ее представителями, они увидят, насколько иными могут быть наши отношения, насколько больше будет взаимопонимания, уважения и любви между нами... Пусть не будет больше жертв, не будет больше разрушения. Будем верны себе, верны этому историческому моменту, установим мир и порядок в нашей стране. Возрадуемся, мои венгерские братья, и приступим к работе".

Впервые, с тех пор как революция началась — долгую неделю назад, — режим Надя не был далеко позади народных требований. Хотя некоторые советские части все еще находились в стране, правительство могло похвастаться значительными достижениями. Большинство сталинистов было изгнано из руководства. Надь получил значительную власть. Под руководством Пала Малетера в венгерской армии хоть немного восстановили порядок. Хотя некоторые повстанцы, ожидая ухода советских войск, все еще сохраняли оружие, они начали группироваться вокруг правительства. "Гораздо большее

отступление”, которое предвидел Надь в 1955 г., “чтобы удержать положение под контролем”, уже совершалось — с очевидного одобрения Кремля.

Если Надь и имел еще какие-либо подозрения, что Москва ведет двойную игру, они были рассеяны этим вечером — или по крайней мере так тогда казалось. Ибо он узнал, что на следующий день в “Правде” должно было появиться официальное заявление советского правительства, в котором положение в Венгрии более не характеризовалось как “контрреволюция”. “Ход событий показал”, — заявляло советское правительство на своем обычном жаргоне, — “что трудящиеся Венгрии... правильно поднимают вопрос о необходимости устранения серьезных недостатков в области экономического строительства, о дальнейшем улучшении материального благосостояния населения и о борьбе с бюрократическими искажениями в государственном аппарате”. Далее в официальном заявлении говорилось: “Известно, что, в соответствии с Варшавским договором и межправительственными соглашениями, советские войска размещены на территории Венгерской и Румынской народных республик... В целях обеспечения взаимной безопасности социалистических стран, советское правительство готово рассмотреть совместно с другими социалистическими странами — участниками Варшавского договора вопрос о советских войсках, размещенных на территории вышеупомянутых стран... Учитывая, что дальнейшее присутствие частей Советской армии может служить причиной еще более серьезного осложнения положения, советское правительство дало указание военному командованию вывести части Советской армии из Будапешта, как только венгерское правительство сочтет это необходимым”.

С Кремля хватит!

Это заявление появилось в утреннем выпуске “Правды” 31 октября 1956 г. Почти наверняка в тот же самый день, пока Микоян и Сулов приятно проводили время в Будапеште, Советский Союз решил свергнуть правительство Надя. Все имеющиеся данные свидетельствуют о том, что первоначальное *военное* решение мобилизовать советские вооруженные силы было принято до публикации заявления в “Правде”, но окончательное *политическое* решение вторгнуться в Венгрию и свергнуть правительство Надя было сделано в среду 31 октября, в отсутствие Микояна и Сулова.

Свидетельства в пользу этого таковы: 1. Советские войска вошли в страну ночью 31 октября и утром 1 ноября; 2. Отношения Имре Надя с советским руководством внезапно ухудшились в утренние часы 1 ноября; 3. 1 ноября Хрущев, Молотов и Маленков уже проводили секретное совещание с польским руководством в Бресте, близ советско-польской границы, вслед за чем Хрущев и Маленков отправились в тот же день в Бухарест, чтобы проинформировать румынских, болгарских и чехословацких руководителей. Кроме того, Хрущев подтверждает в своих воспоминаниях, что решение вмешаться было сделано, когда Микоян и Сулов “отсутствовали”.

В четверг 1 ноября Надь был разбужен новостью, что советские войска пересекли советско-венгерскую границу. Он пытался вступить в контакт с Кремлем, но не смог (Микоян и Сулов находились в самолете между Будапештом и Москвой, а Хрущев, Молотов и Маленков были на пути в Брест). Надь распорядился наложить запрет на сообщения о советском вторжении, в результате чего появилось множество слухов, но мало надежной информации. Поскольку многие повстанцы делали выводы из того, что они видели, — а видели они продолжающуюся эвакуацию советских сил из Будапешта, — в городе была странная атмосфера смеси радости и тревоги. Шапка в одной из газет отразила настроение этого дня: “Они приходят или уходят?”

1 ноября Надь по крайней мере пять раз встречался с послом Андроповым. Он требовал объяснить, что происходит. Проконсультировавшись с Кремлем, Андропов приехал в резиденцию Надя в здании Парламента, чтобы заверить его, что советское правительство по-прежнему придерживается своего “исторического” заявления 30 октября, и что советские войска *вводятся* в Венгрию только для того, чтобы обеспечить безопасность советских войск, покидающих Венгрию. Для Надя это было уже слишком. Он резко предупредил Андропова, что Венгрия готова заявить о своем нейтралитете. Когда Андропов не смог ответить ничего удовлетворительного, Надь понял, что “советские

товарищи” его обманули. Но он уже не был более товарищем, во всяком случае — не их товарищем.

Надь созвал заседание исполкома компартии, чтобы получить поддержку объявления о венгерском нейтралитете и выходе страны из Варшавского пакта. Двое членов исполкома, Дьердь Лукач и Золтан Санто, также как и Сандор Харати, являвшийся членом исполкома *ex officio* в качестве редактора органа ЦК партии, высказали свои оговорки. Но в целом предложение прошло легко. Надь внес его на рассмотрение кабинета министров. Там его поддержали все. Затем Надь за несколько минут до 8 часов вечера сделал по радио заявление:

“Венгерское национальное правительство, проникнутое глубоким чувством ответственности в отношении венгерского народа и истории, отвечая единодушным пожеланиям миллионов венгров, провозглашает нейтралитет Венгерской Народной Республики. Венгерский народ на основе независимости и равенства и в соответствии с духом Устава ООН хочет поддерживать искреннюю дружбу со своими соседями, с Советским Союзом и народами всего мира...

Трудящиеся Венгрии! Революционная устремленность, самоотверженная работа и укрепление порядка защитят и укрепят нашу отчизну — свободную, независимую, демократическую и нейтральную Венгрию”.

Перед речью Надя 1 октября Кадар исчез из Будапешта вместе с Ференцем Мюннихом, старым сторонником Кремля и бывшим венгерским послом в Москве и Белграде. Оба они поддерживали шаги Надя. Кадар энергично и с энтузиазмом поддерживал создание многопартийной системы. Он голосовал за объявление венгерского нейтралитета. В речи по радио, произнесенной в тот день, он упомянул о “нашей славной революции”. В тот же день он вошел в столкновение с Андроповым, защищая решение кабинета о нейтралитете и выходе из Варшавского пакта. В присутствии всего кабинета он сказал советскому послу, что если советские танки вернуться в Будапешт, он лично присоединится в вооруженному сопротивлению. Можно только предполагать, что в какой-то момент в этот день Мюнних и Кадар были проинформированы о советском решении об интервенции и решили порвать с Надем и с революцией.

Изложим кратко ход последующих событий 1—4 ноября. Их главная характерная черта — двуличное поведение Советского Союза. Советские войска наводнили страну. Они приходили с баз в Советском Союзе и Румынии. Однако в Будапеште их более не было, и Советский Союз продолжал заверять правительство Надя, что он по-прежнему готов вести переговоры о деталях вывода войск из всей страны. Действительно 3 ноября по этому вопросу начались переговоры, и был достигнут значительный прогресс. Стороны согласились о следующем: 1. Советские войска покинут Венгрию до 15 января 1957 г.; 2. Пока войска остаются в стране, венгерское правительство берет на себя заботу об их обеспечении; 3. Венгрия обеспечит ремонт всех советских памятников и обеспечит достойные проводы уходящим советским войскам.

Делегации обеих сторон должны были встретиться для подписания соответствующего документа утром следующего дня в Чепеле, предместье Будапешта, в штаб-квартире советских войск в Венгрии. Однако в эту судьбоносную ночь с 3 на 4 ноября приговор было отброшено. Генерал Иван Серов, глава МГБ, прервал переговоры и арестовал членов венгерской делегации. Утром 4 ноября советские войска, вошедшие ночью в Будапешт и занявшие здание Парламента, сокрушили революцию.

В течение трех дней перед захватом Будапешта венгры позволили себе стать жертвой самообмана. Оптимисты все еще находили свидетельства того, что советская сторона хочет достигнуть приемлемого компромисса. Если они *приходят*, то почему же они *уходят*? Паники не было. По крайней мере в Будапеште жизнь возвращалась к чему-то, напоминающему норму. В магазинах стало больше продуктов, работали некоторые трамваи и автобусы, открылся ряд фабрик. Город наводнили объявления об образовании многочисленных общественных и политических организаций и партий, все оттенки политических взглядов находили отражение в десятках новых газет и еженедельников. О масштабах передвижений советских войск широко не было известно.

Но в здании Парламента и в штаб-квартире партии о передвижениях советских войск знали хорошо. Один из наименее привлекательных членов группы Надя Золтан

Санто в четверг 1 ноября обратился в югославское посольство с просьбой о политическом убежище. В этот день после полудня Мюнних, Кадар и, по-видимому, еще трое или четверо из числа ведущих коммунистов переметнулись на советскую сторону. Но Надь оставался спокоен. Судя по его действиям, он, вероятно, рассматривал возможность — весьма, впрочем, отдаленную, — что Кремль еще не принял окончательного решения или же что советское руководство может еще его изменить. Если так, то что следует делать? Что произведет на Кремль впечатление? Прежде всего — дальнейшее укрепление внутреннего порядка и стабильности. Ибо для Москвы одно дело — вторгнуться в раздираемую конфликтами страну, где убивают коммунистов — в основном офицеров АВО, и совсем иное дело — вторгнуться в мирную страну, где царит закон и порядок. Поэтому правительство продолжало выпускать почти отчаянные призывы к дисциплине и сдержанности. Во-вторых, Надь имел основания полагать, что Кремль, может быть, чувствителен к мировому общественному мнению. Андропов 1 ноября просил его не обращаться в ООН; это, по-видимому, было важно для Москвы. В тот момент Надь согласился подождать при условии, что приток советских войск в страну будет остановлен. Когда этого не произошло, он не только послал в ООН несколько обращений, но и уведомил о создавшемся положении дипломатические миссии в Будапеште.

Больше делать было нечего. 3 ноября Надь отменил свою запланированную пресс-конференцию для иностранных журналистов. Он просил Тилди и Лошонци сделать вместо него заявление и ответить на вопросы. Надь сделал героическое усилие проявить спокойствие и дать Москве знать, что Венгрия готова защитить "завоевания социализма". Во второй половине дня Иштван Бибо, государственный министр в последнем кабинете Надя, спросил генерала Белу Кирали, самого высокопоставленного офицера венгерской армии после Малетера, как долго Венгрия может сопротивляться. Будапешт можно удерживать максимум один-два дня, ответил Кирали, но, вероятнее — всего несколько часов. Бибо, по-видимому, смирился с судьбой, как и сам Надь. Надь сделал все, что мог. Он попытался удовлетворить требованиям и опасениям Кремля. Он заботился об интересах безопасности Советского Союза и всего советского блока в Восточной Европе. Он принял для Венгрии "польскую формулу". Он верил, что советские вожди ему доверяют и хотят, чтобы он построил социализм по-венгерски. Только после того, как он 31 октября потерял доверие Москвы, или, возможно, за день до этого, он избрал свой собственный путь. Осторожный патриотизм Надя возобладал, когда он отказался отдать венгерской армии приказ сражаться до последней возможности.

Что двигало советскими вождями?

Проинформировав своих союзников сначала в Бресте (вместе с Молотовым), а затем в Бухаресте о намеченном вторжении 1 ноября, после короткой остановки в Москве Хрущев и Маленков продолжали свое секретное путешествие на югославский остров Бриони, чтобы 2 ноября встретиться с Тито. Югославская сторона была представлена самим Тито, его ближайшими сотрудниками Эдвардом Карделем и Александром Ранковичем, а также югославским послом в СССР Велько Мичуновичем. Беседы целиком посвященные Венгрии, длились 10 часов. Советские руководители вылетели назад в Москву на следующее утро. Мичунович занес в свой дневник подробные заметки о происходившем в этот день.

Хрущев сказал, что советские руководители прибыли информировать югославов "о решении Советского Союза" и выслушать мнение Тито. Хрущев перечислил четыре "внешних" и одну "внутреннюю" причину принятого решения. Причины эти были таковы: 1. В Венгрии убивают коммунистов; 2. Надь вывел страну из Варшавского пакта, объявил нейтралитет и обратился в ООН; 3. В Венгрии готовится восстановление капитализма; 4. Англо-франко-израильская интервенция в Суэце отвлечет внимание мирового общественного мнения от советской "помощи"; 5. Если он не решится действовать, то твердолобые сталинисты и особенно советское военное руководство обвинят новых вождей в Кремле в "потере Венгрии". Маленков добавил, что советские вооруженные силы уже готовы к действию. Они должны двинуться "фронтально и очень энергично", ибо Советский Союз "полностью изолирован от венгерского народа".

Весомость доводов Хрущева была неодинаковой. 1. Коммунистов, особенно офицеров АВО, в первые дни революции действительно пытали и убивали. Число их было невелико: сходные вспышки в истории приводили к куда большему количеству жертв. Хрущев, однако, мог действительно быть глубоко обеспокоен опубликованными в западной прессе фотографиями коммунистов, подвергшихся истязаниям и повешенных на фонарях. 2. Венгрия формально вышла из Варшавского пакта, объявила нейтралитет и обратилась в ООН только *после* того, как новые советские части вошли в Венгрию; эти меры *были вызваны* угрозой интервенции, а не наоборот. 3. Капитализм в малых масштабах, возможно, мог вернуться в Венгрию, особенно в сельском хозяйстве и сфере обслуживания, но при этом все политические партии вновь и вновь подтверждали, что "заоевания социализма" необратимы. 4. Суэцкий кризис весьма вероятно определил выбор времени для интервенции, но не был сам по себе причиной интервенции. 5. Согласно Хрущеву, некоторые армейские и сталинистские элементы утверждали, что "когда Сталин был у власти, его слушались", а нынешнее коллективное кремлевское руководство не может даже удержать Венгрию. Он намекал, что антисталинисты должны показать твердость, превзойти, если необходимо, сталинистов, чтобы иметь возможность продолжать курс на десталинизацию. Не делать ничего — значит играть на руку Молотову и Кагановичу. Это была завуалированная попытка вызвать сочувствие Тито — нечто такое, что югославы могли понять и оценить.

Эти объяснения были представлены Хрущевым на секретной встрече, а изложение их, сделанное в дневнике тонкого и умного участника встречи, можно считать вполне надежным. Доводы Хрущева дают возможность заглянуть в то, каким образом Кремль сам оценивал свое решение об интервенции. Решение такой значимости едва ли было принято только на основе перечисленных соображений. Вожди и сами могли не вполне отдавать себе отчет в том, что ими двигало. Данные Хрущевым объяснения означают, что советские руководители реагировали прежде всего на свое ощущение возникшей угрозы, на свой страх оказаться уязвимыми, на озабоченность сохранением репутации и, следовательно, мощи Советского Союза. Хрущев сказал на Бриони: "Если мы пустим дело на самотек, Запад скажет, что мы или глупы, или слабы, а это одно и то же. Мы не можем этого позволить. и как коммунисты и интернационалисты, и как руководители советского государства". На что намекал Хрущев, говоря о "пушенном на самотек деле"? На дальнейшие суды Линча? На восстановление капитализма? На сегодняшний нейтралитет и завтрашнее членство в НАТО? Неважно, насколько вероятны были все эти перспективы; важно то, что они считались возможными. Следовательно, советские руководители должны были применить силу, чтобы преодолеть тот страх, который им внушала неопределенность будущего Венгрии. Главным был страх потери контроля над блоком, страх выглядет в глазах Запада слабыми.

На карту была поставлена и власть Хрущева, ведущего кремлевского антисталиниста. Его имя отождествлялось с XX съездом КПСС, с десталинизацией. Венгерская революция, начавшаяся как внутрипартийная борьба между сталинистами и антисталинистами-реформаторами в 1953 г., была бы невозможна без этого съезда, без десталинизации, без Хрущева. Действительно, Хрущев осудил Надя в 1955 г. Но его коллеги знали, и Хрущев боялся, что они вспомнят, кто в конечном счете был ответственен за десталинизацию в Венгрии. Венгерская революция сделала Хрущева политически уязвимым, так что он должен был заново доказать, что он может быть твердым и бескомпромиссным. И, как это уже было в 1955 г., он снова предал Надя, чьи антисталинистские взгляды были так близки к его собственным.

Задним числом бесполезно гадать, что Имре Надя был должен и чего не должен был делать. Советская интервенция лишь косвенно была связана с тем, что Надя сделал и чего сделать не смог. Она не была вызвана его "провокационным" заявлением о нейтралитете и выходе из Варшавского пакта. Напротив, именно она толкнула Надя, *теперь* еретика и патриота, на то, чтобы отринуть свое прошлое московского прислужника.

Что касается личной драмы Хрущева и Надя, трагичность их столкновения состояла в том, что, в то время как поведение Хрущева определялось страхом и запутанной политикой Кремля, сопротивление, которое в конце концов проявил Надя, питалось чувством отвращения, которое испытывает истинно верующий к совершенному по отношению к нему предательству.

ЛУКАЧ И ВОССТАНИЕ В БУДАПЕШТЕ

Рольф ШНЕЙДЕР (Восточный Берлин)

Автору этих кратких воспоминаний 54 года. Ему принадлежат несколько романов ("Дни в В.", "Смерть Нибелунгов", "Счастье", "Ноябрь"), многочисленные рассказы, повести, пьесы. В 1979 г. Р. Шнейдер был исключен из Союза писателей ГДР за "грубое нарушение устава" – идеологическое инакомыслие – и лишился возможности печататься на родине. Воспоминания посвящены знаменитому венгерскому философу, социологу и теоретику литературы Дьердю Лукачу (1885–1971).

Летом 1956 года мне было 24 года, я работал в редакции ежемесячного журнала "Aufbau". Дело происходило в Восточном Берлине.

Этого журнала уже давно нет. Он был основан как трибуна бывшей антифашистской эмиграции, преимущественно левой, и проделал ту же политическую эволюцию, какая совершилась на наших глазах в советской зоне оккупации, позже превратившейся в ГДР. Верность старым идеалам Народного фронта, обожествление Сталина, холодная война, шатания, вызванные XX съездом КПСС и знаменитым секретным докладом Хрущева на этом съезде. Я изведал всю страсть и сладость сознания, что я принадлежу к славной революционной гвардии продолжателей дела Ленина и Маркса.

Тогдашним своим мировоззрением я был в немалой степени обязан философу и литературному критику Дьердю Лукачу. Чтение его книг, выходявших большими тиражами в издательстве "Aufbau", приобщило меня к тому, что называлось научным социализмом. Что касается нашего журнала, то Лукач был его постоянным автором. Иногда он сам наезжал к нам из Будапешта, и благодаря Иоганнесу Бехеру, поэту и министру культуры ГДР, его выступления всегда собирали многочисленную публику. Как-то раз, дело было уже в пятьдесят шестом году, он привез с собой рукопись – это была речь, которую Лукач произнес в будапештском клубе Петефи. Что это за клуб, я понятия не имел, да и не слишком интересовался.

Я отдал речь в бюро переводов, откуда она ко мне вернулась в более или менее неудобоваримом немецком варианте. Мне пришлось изрядно покорпеть над правкой. Автор одобрил окончательный текст, и рукопись отправилась в типографию. Речь Дьердя Лукача должна была появиться в следующем номере, как всегда, на почетном месте.

И вдруг начались невероятные события. Всякое крупное издательство невольно становится пунктом сбора новостей. По коридорам забегали возбужденные сотрудники польского отдела с последними выпусками студенческого журнальчика "Po prostu" и читали вслух фразы и абзацы, звучащие самой отъявленной крамоллой. Я сам читал, не веря собственным глазам, французский журнал "Lettres françaises", который издавал Луи Арагон: в журнале была напечатана статья, разоблачающая Сталина. В это время у нас гостил один венгр. Он регулярно звонил в Будапешт и делился с нами сногсшибательными новостями.

Среди руководителей издательства "Aufbau" были старые коммунисты, когда-то бежавшие от Гитлера в страны Западной Европы или в Америку. В последние годы жизни Сталина все эти люди находились под подозрением. Если в ГДР и не дошло до процессов, аналогичных суду над Сланским в Праге или процессу Райка в Будапеште, то все же мания преследования весьма заметно ощущалась и у нас.

Теперь в дружественных странах народной демократии началось некое самоочищение, и следом за ними брожение коснулось нас. Издательство ощущало себя в некотором роде представителем всей республики. Захотелось пересмотреть всю политическую программу, а заодно и состав сотрудников. Происходили встречи и дискуссии, выдвигались предложения и требования. А из Будапешта доносились шум и клики, все пришло в движение. Услышали мы и о том, что членом правительства Имре Надя стал мой духовный учитель, почетный автор нашего журнала профессор Дьердь Лукач.

Это был, впрочем, не первый его опыт в этом роде. В 1919 году он был наркомом по культурным делам в революционном правительстве, которым дирижировал Бела Кун. Номер "Aufbau" с текстом речи Лукача в клубе Петефи вышел тем временем из печати. Его главная идея была та, что подобно политическому сосуществованию стран с различным государственным строем, провозглашенному Хрущевым, возможно и сосу-

ществование идеологическое. Если целые страны могут мирно соревноваться друг с другом, почему это не может касаться мировоззрений?

В ответ на эти рассуждения очень скоро прозвучало громовое "нет!". Никакого идеологического сосуществования не может быть. Тот, кто его проповедует, есть не кто иной, как идейный капитулянт, дезертир, ищущий, как бы уклониться от борьбы. Лукач — достойная пара изменнику Имре Надю, клуб Петефи — рассадник контрреволюции.

Пока все это говорилось, то, что в официальной венгерской историографии именуется "трагическими событиями", уже произошло. Я помню, как я сидел, прильнув к своему маленькому допотопному приемнику. Помню голос премьер-министра Надя, а затем голос немецкого диктора Радио Будапешт, который читал воззвание о помощи к Объединенным Нациям. Все это сопровождалось колебаниями громкости, атмосферными шумами и треском коротковолновой передачи.

Вскоре последовали аресты ответственных работников издательства. В здании хозяйничала полиция, шли обыски. Кое-кто поплатился длительными сроками заключения. Главный редактор журнала "Aufbau" выступил с удручающей самокритикой, — как это он допустил публикацию речи Дьердя Лукача.

Сочинения Лукача исчезли. Ровно двадцать лет они отсутствовали в книжных магазинах и библиотеках ГДР. Если имя автора "Истории и классового сознания" и всплывало в печати, то с неизменной прибавкой: ренегат и псевдомарксист. Люди, писавшие это, все когда-то учились марксистскому мышлению у Лукача.

В 1958 году я впервые в жизни приехал в Будапешт. В крепости, где оборонялся генерал Пал Малетер с кучкой своих соратников, можно было еще видеть груды кирпичей, щербинки от ракет и черные пятна пожара. Город казался парализованным. Невозможно было представить себе, что он когда-нибудь выйдет из оцепенения.

Спустя несколько лет я снова приехал в Венгрию и навестил Лукача. Его квартира помещалась в доме на правом берегу Дуная, с видом на холмы Буды. Комнаты, полные книг и табачного дыма. Там он царил, этот духовный князь марксизма, седовласый, маленький, как гном, с большими глазами, крупным носом и толстой нижней губой. Он сказал, что я первый немец из Восточной Германии, посетивший его. И был долгий, чудный полдень. Мы немного поговорили о краткой поре, когда он заседал в правительстве; по его словам, он был единственным, кто возражал против выхода Венгрии из Варшавского пакта. Янош Кадар был за то, чтобы выйти. После разгрома Лукач вместе с большинством членов кабинета Имре Надя некоторое время провел в Румынии.

Разговор шел о литературе, о национальной культуре Венгрии. Снова пошли воспоминания: о родителях, о сестре. Лукач говорил о своей жизни в Москве, о Ленине, об Эрнсте Блохе и Теодоре Адорно. Я вставил словечко о речи в клубе Петефи, где Лукач проповедовал идею "сосуществования идеологий". Он встал и, порывшись на полках, показал мне книжку в бумажном переплете. Речь была издана в Гамбурге, причем я тотчас заметил, что это был наш перевод, отредактированный мною. Этот томик и сейчас лежит передо мной.

Дьердя Лукача давно уже нет в живых. Я смотрю на его книги в моем книжном шкафу: одни выпущены в ФРГ, другие в ГДР. Я переворачиваю страницы, читаю фразы и абзацы. Твердая дикция, напористый и подчас тяжеловесный стиль в духе Маркса и Гегеля; бездна ума и эрудиции. Ставя книгу на место, я думаю о все изменяющем, все сглаживающем течении времени. ●

ИЗ ГАЗЕТ: 30 ЛЕТ НАЗАД

БЕЗОПАСНОСТЬ ЧИНОВ БЕЗОПАСНОСТИ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ГАРАНТИРОВАНА

Радио Будапешта передало приказ венгерского министерства внутренних дел к чинам прежней службы безопасности, предлагая им сдать властям. В противном случае, говорится в приказе, их безопасность не может быть больше гарантирована.

В печати приводятся сообщения, которые трудно расценить иначе, как пропаганду самосудов и расправ, чинимых бандами реакционеров. В одном из последних номеров газеты "Мадьяр гонвед" особенно много картинных описаний расправ и самосудов над армейскими и другими работниками. Эти расправы газета пытается представить как "суд народа".

"Правда", 4 ноября 1956 г.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Три десятилетия миновало с тех пор, как советские вооруженные силы подавили анти тоталитарную революцию в Венгрии и главой государства сделался Янош Кадар, ставленник Москвы, в то время ненавидимый всем народом. Сегодня Кадару 74 года. Подавляющее большинство венгров хочет, чтобы он как можно дольше оставался у власти. Почему? Кадар начал с жестокого подавления всех своих противников. Но затем он сумел заключить со своим народом нечто вроде договора о забвении прошлого. Смысл этого договора сводится, говоря словами венгерского философа Яноша Киша, к следующему: мы — правительство и партия — не будем больше вас преследовать за то, что произошло в пятьдесят шестом году, а вы нам простите то, что мы тогда сделали. Кадар сумел совершить то, чего не пожелал или не смог сделать его сосед Густав Гусак в Чехословакии после Пражской весны 1968 года, когда оппозиционное движение было тоже раздавлено советскими танками и поддержавшими их войсками других государств Варшавского пакта.

Хозяйство

Понемногу под началом Кадара жизнь в стране стала сносной, относительное материальное благополучие сочетается с кое-какими послаблениями и свободами. По сравнению с жизнью в других странах советского лагеря судьба мадьяр кажется чуть ли не подарком небес. С точки зрения людей Запада, Венгерская Народная Республика — напаче невыносимая страна восточного блока, единственное восточноевропейское государство, где сельское хозяйство более или менее процветает, и крестьяне не вызывают подозрений у власти; в стране налажено удовлетворительное снабжение населения продовольствием, его хватает даже для экспорта. Экономическая стабильность в свою очередь повышает устойчивость режима.

Действуя под лозунгом "кто не выступает открыто против нас, тот с нами", венгерские власти сумели в большой мере облегчить тяжкое бремя, каким является коммунистическое руководство страной. В Будапеште можно услышать высказывания, абсолютно невозможные ни в Восточном Берлине, ни тем более в Москве. "Я могу сказать о себе, что я человек жесткий, требовательный, настоящий капиталист", — не без гордости заявил одному западному журналисту хозяин первого в Будапеште, да, пожалуй, и во всем социалистическом лагере частного отеля. Четыре года понадобилось Золтану Палмаи для осуществления своего замысла. Он подыскал 15 других акционеров, выхлопотал официальное разрешение и добыл необходимые средства и оборудование для строительства небольшого, но вполне современного здания близ набережной Дуная. Предприятие обошлось в 35 миллионов форинтов; цифра астрономическая для страны, где средняя месячная зарплата составляет около пяти тысяч форинтов. В отеле "Виктория" 32 номера, и обслуживают его семь человек: жена Золтана Палмаи и шесть служащих (по венгерским законам, в частном предприятии могут быть заняты не более девяти работающих по найму и четырех членов семьи владельца). Цена номера 30 долларов в сутки — по нынешнему курсу это будет приблизительно полторы тысячи форинтов. Однако в больших будапештских отелях цена вдвое выше. Заведение, подобное гостинице Палмаи, обложено государственным налогом в размере 65% от прибыли. Хозяин рассчитывает на западноевропейских туристов.

Небольшие частные предприятия и коммерческие фирмы за последние 20 лет малопомалу приобрели права существования в Венгрии. Разрешенная государством частная

инициатива позволяет даже обогащаться наиболее предприимчивым и трудолюбивым людям, а самому государству — компенсировать или, если угодно, маскировать неполноценность системы в целом.

Все это, как уже сказано, вошло в жизнь не сразу. Сначала бок о бок с кооперативами ремесленников появились самостоятельные портные, часовщики, сапожники, кондитеры. Вслед за ними — небольшие кафе, рестораны. Население сразу же оценило преимущества такого рода учреждений. Однако их блага (разнообразие ассортимента, лучшее обслуживание, "усовершенствование службы быта" — формула, придуманная для того, чтобы не слишком пугать начальство в Москве) до последнего времени оставались недостаточными. Чтобы компенсировать высокие налоги, приходится прибегать к сверхурочной работе. В целом доля частного предпринимательства в экономике страны и сегодня весьма скромна: лишь 4% национального дохода приходится на частный сектор. И все же он значительно облегчил людям жизнь. Незаметно проникнув в систему государственных предприятий, он сумел улучшить и их показатели.

Но частный сектор — это палка о двух концах. Он, бесспорно, дал возможность тем, кто отважился на частную инициативу, отказавшись от невысокого, но надежного заработка на государственном предприятии, обогатиться за счет собственного труда. Но вместе с тем в стране возник класс нуворишей, состоятельных выскочек, — социальный слой, состоящий не только из "нормальных" предпринимателей, но и из разного рода ловкачей и мошенников, которых становится все больше. Все знают, впрочем, что на официально установленную зарплату прожить с семьей невозможно, нужно где-то подрабатывать, увеличить свой рабочий день. Все вместе порождает специфическую коррупцию и дает возможность лицам, научившимся извлекать пользу из особенностей режима, почти на всех ступенях социальной лестницы получать всевозможные "благодарности" в виде подарков, чаевых и т. п.

Прочее, не самостоятельное население живет отнюдь не столь роскошно. Это было официально признано на последнем съезде Венгерской социалистической рабочей партии в марте 1985 г. Доклад Кадара не оставил в этом смысле никаких сомнений: приходится, сказал он, расплачиваться за успехи последних пяти лет, за снижение государственного долга, рост экспорта вопреки неблагоприятной международной конъюнктуре, за прогресс в сельском хозяйстве и улучшение снабжения населения пищей. "Условия жизни некоторых слоев населения, — добавил Кадар, — усложнились, уровень жизни снизился".

Другими словами, перспективы на будущее не слишком ободряют; самое большое на что можно надеяться, — это "умеренное, но все же осязаемое улучшение". Сумеет ли правительство, требуя от населения известных усилий, сохранить социальный мир? Из года в год, постепенно, но неуклонно, растет недовольство наемных работников, особенно людей, обремененных семьями, условиями жизни, глухое раздражение при виде разбогатевших "нэпманов".

Эти настроения, распространенные среди довольно значительной части населения, уже пытались использовать противники экономической реформы. Среди руководства Венгрии есть немало тех, кто с недоверием взирает на капиталистические новшества и не намерен поощрять частную инициативу. Им хотелось бы восстановить ортодоксальный социализм советского образца во всех сферах жизни. И они ждут момента, когда Кадар сойдет со сцены, — естественно, рассчитывая при этом на поддержку Москвы.

Идеология

Призывы "укреплять руководящую роль партии во всех сферах идеологической и культурной жизни" принадлежат к обязательному ритуалу всех съездов правящих коммунистических партий; не обошлось без них и на последнем венгерском съезде. Недопустимо, говорилось в одном из докладов, закрывать глаза на политические ошибки, хотя и не следует преувеличивать их значение. Партия намерена и впредь выступать против ослабления идеологии, против равнодушия, скептицизма, неверия в коммунизм, особенно у молодежи. Комиссия партийного контроля в своем отчете выразила сожаление по

поводу публикации "писаний, отражающих антисоциалистические взгляды", она протестует против "смуты", которую вносят попытки приукрасить довоенное прошлое страны, преувеличить ошибки, допущенные в социалистической Венгрии, и осуждает стремление полностью очернить эпоху пятидесятых годов. Ответственным работникам печати, культуры и просвещения предложено придерживаться более последовательного — то есть отрицательного — взгляда на капиталистический мир. Партия, говорится в этом отчете, намерена и далее уважать "свободу творчества", не вмешиваться в вопросы стиля и "личного вкуса". Но надо помнить, что идеологическую истину определяет только партия и никто более. Спрашивается: способно ли нынешнее венгерское общество приспособливаться без внутреннего сопротивления к социалистической морали, которую стремятся реанимировать руководители? Маловероятно, — тем более, что общество уже поняло, что эту мораль в любом случае можно так или иначе игнорировать.

Дело, однако, обстоит не так просто. Возьмем, к примеру, средства массовой информации. Спустя год после начальственных призывов к порядку была отставлена от должности сотрудница, ответственная за телевизионный журнал новостей. На протяжении 25 лет ее отдел ограничивался правоверным комментарием официальных сообщений. Недостаток конкретной информации люди пополняли, слушая программы югославского и австрийского радио и телевидения, не говоря уже о передачах радио "Свободная Европа" из Мюнхена и других зарубежных станций, которые в Венгрии не глушатся.

На место уволенной начальницы посадили молодого журналиста, приехавшего из Лондона, где он был корреспондентом венгерского радио. Он не скрывает своего восхищения Британской радиовещательной корпорацией (Би-Би-Си), ее "динамизмом, свободой и серьезным тоном". Но позвольте, разве в Венгрии нет свободы высказывания? "Почему же, — отвечает он. — В Венгрии нет предварительной цензуры. Есть только последующий контроль". В дальнейшем разговоре выясняется, что существуют некоторые табу: "Мы стараемся в прессе и на телевидении избегать определенных проблем..." Молодой Эндре Аксель уже успел придать более живой характер своему телевизионному журналу, комментаторы еженедельно сменяют друг друга, диапазон тем и мнений расширился.

Вот уже несколько лет по венгерскому телевидению передается по воскресеньям вечером часовая программа, посвященная обзору международных событий за неделю. Делаются даже попытки сопоставить разные мнения западных и восточных экспертов по обсуждаемым вопросам и происшествиям. Редко какой западный журналист, приезжая в Венгрию, не получает приглашения выступить в этих передачах. И, конечно, свободный тон, который позволяет себе нынешний редактор этой передачи Янош Хайду, в прошлом корреспондент во Вьетнаме и в Бонне, оказывается не всегда по вкусу людям наверху, особенно в виду приближающегося конца правления Кадара.

Можно отметить кое-какие другие вольности, приятно разнообразящие в общем достаточно унылый пейзаж социалистического телевидения как части "культурного строительства". Дважды в месяц политики и должностные лица отвечают на вопросы телезрителей. Однажды ведущий передачу Акош Мештер пригласил министра связи — поговорить о проблемах, связанных с телефоном. Сославшись на недостаток времени, министр ограничился несколькими невнятными фразами и покинул студию, чтобы не слишком распространяться о недостатках работы телефона в столице. Ведущий продолжал передачу и, указав на пустое кресло, заметил: "Надеюсь, что это кресло будет когда-нибудь занято". Акошу Мештеру запретили на полгода вести передачи. Но, кажется, наказание длилось не больше трех месяцев.

Политика

Пожалуй, самое время вспомнить старинную мудрость: человек свободен настолько, насколько он это себе позволяет. Венгерские граждане еще не научились в полной мере пользоваться той свободой выбора, которую им предлагает новый избирательный закон. По этому закону на каждое депутатское место можно выдвинуть не менее двух кандидатов. Причем кандидата формально имеет право назвать каждый гражданин, при

условии, что этот кандидат разделяет программу Отечественного народного фронта, то есть одобряет существующий режим и "дружбу" с Советским Союзом. Выдвигаемое в кандидаты лицо должно собрать не менее одной трети голосов на местном собрании, которое его предлагает.

И вот в апреле прошлого года выдвинули свою кандидатуру два представителя так называемых оппозиционных кругов — люди, которых можно обозначить русским словом инакомыслящие. Архитектор Ласло Райк (сын министра иностранных дел, казненного в сталинские времена) получил необходимое число голосов на первичном собрании избирателей; второй кандидат, философ Миклош Тамаш Гашпар собрал 47 голосов из 300. Оба они требовали реальной демократизации политической жизни в стране, а также предложили устроить референдум по вопросу о проекте строительства (совместно с Чехословакией) плотины на Дунае. Этот проект вызывает большое беспокойство у венгерских, да и не только венгерских экологов. Вдобавок Гашпар, уроженец Трансильвании (область со значительным венгерским населением, входящая в состав Румынии), решительно высказался за то, чтобы правительство проявило твердость в защите интересов мадьярского меньшинства за рубежом. (Имелись в виду соотечественники, живущие в Румынии и в Словакии.) По этому вопросу Гашпар вступил в полемику с другим кандидатом, каковым был не более и не менее как сам министр иностранных дел Венгрии Петер Варкони.

Избирательный закон предусматривает, чтобы кандидатуры выдвигались не менее чем на двух местных собраниях. О результате первого собрания мы уже упомянули. На втором, состоявшемся четыре дня спустя, Миклош Тамаш Гашпар три часа препирался с министром перед аудиторией в 700 человек по вопросу о правах личности, о праве на политическое инакомыслие, участие в забастовках, о правилах выдачи иностранных паспортов и т. п. Представьте себе Громыко или его преемника спорящими на открытом собрании избирателей с Юрием Орловым, Анатолием Щаранским или кем-нибудь еще в этом роде. Венгерский философ выдвинул свою предвыборную программу: принять реальные меры по преодолению нищеты в стране, опросить население по спорному вопросу о строительстве электростанции на Дунае, уважать свободу совести. Собрание происходило в здании министерства сельского хозяйства. Здесь же, в самом центре венгерской столицы, другой из упомянутых нами кандидатов, Ласло Райк, развивал аналогичные темы перед собранием более чем в тысячу человек, в зале, где в дни венгерских событий 1956 г. заседал знаменитый клуб Петефи.

Однако к этому второму собранию власти успели подготовиться. В зал была допущена лишь отобранная публика, голосование осуществлялось не совсем упорядоченным способом — путем поднятия рук, — и в результате ни один из двух неофициальных кандидатов не собрал число голосов, требуемое законом. И все же событие имело немалое значение: люди сумели заявить о своих взглядах публично.

Предстояло переизбрать в парламент 387 депутатов. Из 867 кандидатов — не в депутаты, а пока еще в кандидаты — на первичных собраниях прошло 762, из них 51 не фигурировал в списке, рекомендованных Отечественным народным фронтом. В конце концов они так и не смогли преодолеть барьер. Любопытно, однако, что народному фронту было весьма трудно подобрать, как требует закон, на каждое депутатское место двух кандидатов. О настроениях населения до некоторой степени свидетельствует тот факт, что в выборах участвовало, по официальным данным, 93,9% избирателей (вместе 97% в 1980 г.), что для коммунистического режима, пожалуй, маловато. Так называемый национальный список из 35 персон, идущих вне конкурса, куда были включены ведущие представители государственной политической иерархии, главы различных церквей (за исключением примаса Венгерской католической церкви), деятели культуры и активисты массовых организаций, собрал обычное число голосов — около 99%. Пять процентов избирательных бюллетеней были забракованы как неправильно заполненные, немногим более одного процента было подано против этих кандидатов. В общем все это еще достаточно далеко от подлинной демократии.

Как бы то ни было, Янош Кадар сделался в глазах населения фигурой почти любимой. Например, когда на съезде он поднимается на трибуну, пресловутая формула, принятая во всех социалистических странах: "бурные аплодисменты, все встают", оказы-

вается непригодной, никто и не думает вскакивать с места и хлопать в ладоши; полурасовой доклад на последнем съезде был лишь один раз прерван короткими аплодисментами. Отсутствие ритуального восторга скорее признак симпатии и во всяком случае — внимания. Человек этот действительно сумел завоевать доверие граждан, он способен внушить им уверенность; он говорит всегда спокойно, избегая риторики, и владеет искусством примирять людей; он умеет и утихомирить своих хулителей за рубежом, не настаивая на их возвращении, но и не лишая их венгерского гражданства. Кое-кому, впрочем, предоставлено право вернуться в Венгрию по истечении определенного срока. Независимо от этого люди, покинувшие Венгрию во время революции 1956 г., могут приезжать в страну как туристы. В отличие от советских граждан и жителей других восточноевропейских стран, гражданам Венгрии не чинят особых препятствий в поездках за границу. То, что в Советском Союзе принято называть тлетворным влиянием буржуазного Запада, здесь не преследуется. Молодежи разрешается развлекаться в клубах, слушать современную музыку, носить какую угодно одежду, хотя это и не соответствует общему весьма скромному стандарту. Чтобы закончить этот список нововведений, можно добавить, что в этом году в Венгрии впервые устраиваются международные автогонки.

История

Двадцать третьего октября в Будапеште довольно скромно была отмечена тридцатая годовщина подавления венгерского восстания. Памятные места, связанные с этими событиями, а также статуя польского генерала Бема, героя борьбы за независимость Венгрии в 1848 году, — монумент, перед которым в 1956 году происходили массовые манифестации будапештских студентов, — охраняли наряды полиции. Участок № 301 на кладбище в Пеште, где похоронены казненные после подавления революции, тоже охранялся. Одного полицейского спросили, зачем он проверяет паспорта у посетителей кладбища. Он ответил: "Мало ли что может случиться. Придут подозрительные люди, с такими же настроениями, как в пятьдесят шестом году".

Если власти до сих пор отказываются опубликовать точные данные о количестве жертв восстания и вторжения, о том, как их звали и где их могилы, то общая официальная концепция "контрреволюции" подверглась значительному смягчению. "Решение обратиться в ночь с 23 на 24 октября 1956 г. к правительству СССР за военной помощью против повстанцев было политической ошибкой", — констатируют авторы вышедшего недавно в Будапеште в партийном издательстве сборника "Драматические дни". В книге впервые опубликован ряд документов из архивов коммунистической партии.

Систематические и объективные исторические исследования только начались, но уже сегодня чувствуется, что власть во многом изменила свою позицию. Правительство хочет, чтобы Пятьдесят шестой год, сюжет, долгое время оставшийся под запретом, получил, наконец, какое-то освещение и разъяснение. Почему коммунистический режим Ракоши развалился в несколько дней? Как случилось, что партия уступила давлению народа и согласилась разделить власть с некоммунистическими группами? Почему и зачем возникли рабочие советы? На все эти вопросы, интересующие и старшее поколение, и молодежь, нужно дать ответ. И вот минувшим летом началась "объяснительная кампания". В журнале международной политики "Magyarország" ("Венгрия") появилась серия статей под общим названием "Виновники Пятьдесят шестого". Не будучи вполне свободны от искажений (порой невольных), эти пять статей тем не менее впервые в мажорской прессе представили портреты руководителей восстания и дали возможность широкому читателю судить о многих доселе скрываемых фактах, касающихся как причин революции, так и ее хода и последствий.

В сентябре будапештское радио организовало серию интервью с авторами сборника воспоминаний участников революционных событий. Это политики и интеллигенты, некоторые из них являются сейчас членами Политбюро. В беседах перед микрофоном они не колеблясь признали свои ошибки, покаяться в своих слабостях, да и вообще говорили в совершенно немислимом тоне о прошлом, которое не украшает их партию.

Вскоре после этого в Венгрии вышло еще четыре книги и появился ряд статей на аналогичную тему, а в октябре телевидение передало шесть программ о событиях 1956 года с очевидным намерением напомнить молодым людям о том, что сегодня называют в Будапеште "травмой Пятьдесят шестого года".

"Объяснительная кампания" преследует две цели. Прежде всего, конечно, нейтрализовать западные источники, широко освещающие тридцатилетнюю годовщину. Другая задача — продемонстрировать прочность режима, который не боится вспомнить о прошлом и даже исправить некоторые заблуждения. Конечно, сказать всю правду нельзя. До сих пор, например, средства массовой информации помалкивают о поведении Кадара в исторические дни, ничего не говорится и о том, что происходило с Имре Надем и его ближайшими сотрудниками между 4 ноября 1956 и 17 июня 1958 года. Единственно, что известно об этом из официальных источников, — сообщение, что Имре Надь и три его помощника казнены за измену родине.

В памятный день 23 октября, вечером, около шестидесяти человек, главным образом деятелей оппозиции и студентов, собрались на частной квартире в Будапеште, чтобы отметить годовщину революции. Вместе с оппозиционно настроенными представителями трех других стран советского блока — Польши, Чехословакии и ГДР — они составили и опубликовали обращение. С венгерской стороны документ подписали почти все интеллигенты, известные своими выступлениями за демократизацию режима и участием в венгерском Самиздате. Среди чехов — интеллигенты, в свое время подписавшие Хартию-77 и Комитета защиты преследуемых. В числе восточных немцев находим имена многих пацифистов и борцов против атомного оружия. Что касается поляков, то это — писатели, ученые, бывшие члены КОР, видные деятели "Солидарности". Бросается в глаза, однако, отсутствие подписи Леха Валенсы и членов нового Временного Комитета "Солидарности". Очевидно, они опасаются разрушить последнюю надежду на диалог между легальными руководителями "Солидарности" и властями в Варшаве.

Документ опубликован в массовых изданиях — французской газете "Le Monde" и немецком еженедельнике "Der Spiegel". Не первый раз оппозиционные деятели нескольких восточноевропейских стран объединяются для общих действий. Но, как пишет "Le Monde" 22 октября этого года, "обращение выделяется и числом, и качеством подписей, не говоря уже о событии, по поводу которого оно подписано". Это событие, единственное в своем роде, — венгерская революция, ныне празднующая — или оплакивающая — свое тридцатилетие. ●

Владислав БАРТОШЕВСКИЙ
(Варшава)

НЕТ МИРА БЕЗ СВОБОДЫ

В октябре этого года во Франкфурте-на-Майне состоялась крупнейшая в мире Международная книжная ярмарка, 38-я по счету. Как обычно, ярмарка завершилась церемонией вручения Премии мира Немецкого объединения книготорговли новому лауреату. В прошлом ею были награждены Альберт Швейцер, Мартин Бубер, Карл Ясперс, Герман Гессе, Торнтон Уайлдер, Макс Фриш, Иегуди Менухин; ныне список лауреатов пополнился именем польского историка, христианского публициста и общественного деятеля Владислава Бартошевского.

Бартошевский родился в 1922 году, во время войны находился в немецком концентрационном лагере Освенцим. По счастливой случайности отпущенный на свободу, он уходит в подполье и становится членом редакции "Информационного бюллетеня" Армии Крайовой; участвует в Варшавском восстании 1944 года. После войны Вл. Бартошевский вновь провел около восьми лет в заключении — на этот раз в тюрьмах социалистической Польши. Позднее он стал генеральным секретарем польского ПЕН-клуба, преподавал в Католическом университете в Люблине, был одним из основателей "летающих университетов" — центров независимого обучения молодежи на уровне высшей школы. В день военного переворота 13 декабря 1981 г. Бартошевский был отправлен в концлагерь Бялоленка, но вскоре освобожден по настоянию делегации израильских борцов Сопротивления, прибывшей в Польшу по случаю годовщины восстания в Варшавском гетто. Владислав Бартошевский — автор почти двух десятков книг, кавалер нескольких орденов, в том числе Командорского креста ордена Polonia Restituta ("Восстановленная Польша"), который был ему вручен в этом году в Лондоне. За помощь евреям в годы войны Иерусалимский центр по изучению Катастрофы европейского еврейства наградил Вл. Бартошевского медалью "Праведник народов мира".

В номерах 1—2 и 10 за 1984 г., 11 за 1985 г. журнала "Страна и мир" были напечатаны речи лауреатов Премии мира — писателей Манеса Шпербера и Октавио Паса и мэра Иерусалима Тедди Колека. Следуя этой традиции, мы предлагаем вниманию читателя слегка сокращенный русский перевод речи Владислава Бартошевского.

Никогда еще в Европе не говорили так много о мире, о необходимости мира, защите мира, любви к миру. Невольно начинаешь опасаться, что в потоке речей и торжественных заявлений потонет подлинный смысл самого этого понятия. Возникает чуть ли не подозрение, что во многих случаях люди озабочены не столько миром, сколько собственным покоем и комфортом; начинаешь думать, что понятие мира стало предметом небескорыстных манипуляций. Мы пользуемся им все чаще, но все реже задумываемся о предпосылках, необходимых для того, чтобы мир стал общезначимым понятием для всего цивилизованного человечества. Здесь, в Паульскирхе, некогда получил премию мира один из величайших немецких мыслителей XX века Карл Ясперс; в своей речи он сформулировал три принципа, глубина и простота которых сейчас, в свете нашего опыта, кажутся еще убедительней, чем в 1958 году:

"Первое: невозможно поддерживать внешний мир без мира внутреннего, мира в душах людей. Второе: мир возможен лишь через свободу. Третье: свобода — лишь через правду."

И еще одна цитата из этой речи, звучащая столь же недвусмысленно:

"Прежде свобода, затем мир в мире! Обратное требование: сначала мир, потом свобода — заключает в себе обман. Ибо сиюминутный мир, возникший по счастливому стечению обстоятельств, установленный волей деспота, путем ловкой операции, мир, который держится на страхе всех участвующих в игре, — не есть мир, гарантией которого является глубокое убеждение человека. Такой мир очень скоро приведет от фактической неуспокоенности, от несвободы индивидуума — к новой войне... Если мы хотим свободы и мира, мы должны выйти навстречу друг другу в пространстве свободы, которое находится за пределами партийных перегородок и точек зрения и предваряет все наши решения и установки."

*

Я представитель поколения, чье детство проходило в тени, которую отбрасывала Первая мировая война, а ранняя юность была отмечена той превосходящей человеческое воображение пробой на прочность и подлинность, какую явила собой вторая война. Но я принадлежу также к народу, который после тяжких страданий несвободно существования в XIX веке и короткой передышки, начиная с 1939 года оказался перед угрозой потери существования вообще. Вот почему дело мира значит для меня так много. По тем же самым причинам оно неотделимо для меня от свободы, свободы

отдельного человека и различных групп, свободы веры и мировоззрения, свободы выбора места жительства и образа жизни, выбора той или иной политической и экономической системы, неотделимо от свободы слова и свободы от страха. До тех пор пока эти условия человеческого существования не соблюдены, пока они не выполнены хотя бы на нашем старом европейском субконтиненте, — нам не удастся создать основу для прочного мира. Даже если бы мы сумели приблизиться к этому в некоторых странах.

В книгах Ветхого Завета мы находим предостережение Моисея своему народу после долголетних испытаний: "Вспомни дни древние, помысли о летах прежних родов" (Втор.32,7). Поколение, к которому я принадлежу, видело своими глазами стены и ряды колючей проволоки, разделяющие людей: стены варшавского гетто, и не только варшавского, стену, которая много лет разделяла две половины Иерусалима, и стену, по сей день пересекающую Берлин. Поддерживать все, что сближает людей, противиться всему, что разделяет их вопреки их воле, — это и есть, по-видимому, самое главное.

Ни один народ, ни одно государство, никакое правительство и никакая партия не владеют патентом на человеколюбие и благородство. Точно так же никто не застрахован от ошибочных действий. Никого, однако, в сегодняшнем мире нельзя приговорить и к тому, чтобы он постоянно терпел угнетение как способ власти. Многие государства поняли эту истину достаточно хорошо, извлекли уроки из истории и прежде всего усвоили, что никакая идея ненависти или империалистического высокомерия в конечном счете себя не окупает. Провозглашение или негласное следование принципам расовой, национальной, религиозной, классово-расовой ненависти, вообще ненависти какой бы то ни было группы людей против других людей ведет в тупик. Пусть это прописная истина; но можем ли мы с уверенностью сказать, что проблема эта полностью решена, что ее больше не существует, что в международных отношениях и внутренних делах государств она, эта проблема, уже неактуальна? Достаточно ли изменилось политическое сознание великих держав? Есть ли признаки реальной готовности к компромиссу, к искреннему отказу от расширения политических или военных зон влияния, от явного или тайного применения средств насилия, диверсии, террора? Эти вопросы мы вынуждены задать в условиях, когда свободное развитие хозяйственных, культурных, научных связей и свобода контактов между людьми могли бы принести многим народам куда больше пользы, чем упрямое следование привычным и, скажем прямо, давно опорочившим себя методам насилия.

Считается неоспоримым, что в Европе на первом месте среди общепризнанных ценностей стоит человек, его жизнь, его благо, его будущее. Опыт истории нашего времени отбил желание у кого бы то ни было поставить, по крайней мере вслух, под сомнение этот принцип, что само по себе указывает на определенный прогресс. Человек есть цель, а не средство и орудие. Государства, общественные организации, политические партии должны служить человеку, а не человек им. К словам XVIII века: свобода, равенство, братство — наш век присоединил реалистически понимаемый лозунг социальной справедливости, то есть такого порядка, который гарантирует признание прав трудящегося человека и обеспечение достойных условий человеческого существования. Но одновременно этот ныне уже клонящийся к закату век был веком отвратительных преступлений против людей во имя бредовых идей и теорий. Безусловно, он войдет в историю как век массового уничтожения людей под кодовым наименованием "окончательное решение еврейского вопроса" или другими маскировочными обозначениями, как век концентрационных лагерей, сооруженных в разных местах и разное время людьми для людей.

*

Весь цивилизованный мир в последние десятилетия един в своем осуждении произвола угнетателей по отношению к угнетаемым. Увы, до сих пор нам не удалось добиться, чтобы институт узников совести, истязания, применяемые политической полицией,

карательные меры по мотивам вероисповедания или мировоззрения, убийство священников различных конфессий, всевозможные разновидности концлагерей и лагерей принудительного труда, — чтобы все это стало чем-то, о чем можно узнать только из литературы. Мало того, прогресс медицины в XX столетии омрачен насильственной изоляцией и преступным "лечением" в психиатрических учреждениях людей, чьи взгляды и высказывания противоречат идеологии и интересам власти. Понятие свободы слова, исследованное во многих странах, разработанное множеством политологов, социологов, специалистов по вопросам коммуникации, — в различных европейских государствах все еще толкуется по-разному. Примитивное представление, будто отрезать граждан от источников информации, запретить свободный обмен известиями значит облегчить себе, вдали от всяких споров, господство над человеческими коллективами и народами и заставить всех беспрекословно принять некую единую формулу, уверовать в единственную политическую или идеологическую схему, — примитивный этот взгляд на нынешнем уровне развития средств массовой коммуникации может быть расценен как наивность, если не просто абсурд. Тем не менее практика такого рода существует. Можно, однако, быть уверенным, что если она, эта практика, какое-то время еще в силах приносить ожидаемые плоды, то исторически она обречена и в конце концов уйдет в прошлое. Когда-нибудь она будет выглядеть таким же позором, как и рабство.

Неоспоримый и радостный факт — то, что мы в Европе, хотя, к сожалению, не во всем мире, вот уже больше сорока лет не знаем войн между государствами. И все же я не решился бы назвать положение в некоторых европейских странах, там, где организован террор с особой жестокостью требует от населения все новых кровавых жертв, прекрасным словом "мир". Казалось бы, выступить против этой мрачной деятельности, против этой криминальной политики — задача той искренней идеалистической молодежи, которая является душой многочисленных европейских организаций движения за мир. Ведь не может быть речи о том, чтобы верить организациям или политическим партиям, которые молча или открыто отвергают естественное право, презирают вытекающие из него права, как например право на жизнь и защиту жизни, право, которое никто не может подарить человеку и никто не может у него отнять.

Ненависть, враждебность, презрение к человеку и в наше время носят разные личности; терроризм — лишь одна из них. Но мы знаем и многое другое, что грозит нравственному порядку. Например, нередко, якобы с целью предупредить так называемое худшее зло, делаются уступки тирании, люди мирятся с нарушением основных прав человека. Антисемитизм подчас надевает на себя маску так называемого антисионизма, что дает возможность манипулировать низменными инстинктами, играть на всевозможных чувствах обиды и ущемления. Свообразной формой презрения к людям является якобы само собой разумеющееся установление пределов свободы для других — на самом же деле пренебрежительное отношение к подавляемым народам. Как недвусмысленно звучит на этом фоне голос папы Иоанна Павла II, определившего сущность прав человека как основу жизни в мире:

"В конечном счете мир сводится к уважению неотъемлемых человеческих прав, — *opus justitiae pax*, — война же возникает из нарушения этих прав и влечет за собой еще более тяжкие нарушения. Когда же права человеческие нарушаются в мирное время, это становится особо болезненным и представляет собой с точки зрения прогресса необъяснимый феномен борьбы против человека, которую невозможно согласовать ни с какой программой, объявляющей себя "гуманистической". Если вопреки всем декларациям права человека так или иначе ущемляются, если мы стали свидетелями концентрационных лагерей, насилия и пыток, терроризма и многообразной дискриминации, то это должно быть следствием образа мыслей, который угрожает действительности гуманистических заявлений и предпосылок в современных программах и системах, если не вовсе сводит ее на нет" (Энциклика "*Redemptor hominis*", XVII, § 17).

Говоря о моей личности, совет, присудивший мне Премию мира, счел нужным назвать меня страстным католиком, страстным поляком и страстным гуманистом. Эти почетные эпитеты заимствованы, как я догадываюсь, из текста, принадлежащего высоко ценимому мною Генриху Беллю, который уделил мне лестное и дружеское внимание в одном из выступлений по радио в 1983 году. Я признаю за собой это свойство — я в самом деле страстный человек. Другие названные качества тоже приписаны мне правильно. Дело в том, что я родился в Польше — стало быть, в Европе — и позже был крещен в католической церкви. Я не случайно называю в одном ряду Польшу, Европу и церковь: принадлежность к определенной традиции и определенному культурному кругу, то есть к тому, что было здесь названо гуманизмом, прочно связывает меня как с моей национальностью и традицией церкви, к коей я принадлежу, так и со всем идейным и культурным достоянием Запада.

Исключительно важным элементом этого достояния кажется мне общая для всех европейцев и создававшаяся веками иерархия ценностей и понятий, то, что поверх языковых, национальных и государственных границ сближало и объединяло людей. Я думаю о том, что было общим для миллионов жителей Европы. О том, что понятия свободы, человеческого достоинства, благоговения перед жизнью были чем-то само собой разумеющимся на этом континенте. Об отрицательном отношении ко всем формам деспотизма и насилия, о солидарности с преследуемыми, о необходимости заботиться о слабых и беззащитных, об особо развитой охране матери и ребенка. Для молодых поляков, получивших воспитание перед Второй мировой войной, это были естественные понятия, для их соседей в Европе это были общеобязательные ценности. Сентябрь 1939 года и последующие годы стали не только временем страданий и жертв во имя свободы и независимости отечества, но временем отчаянных попыток отстоять этот моральный порядок. Тоталитаризм оккупантов стремился, напротив, этот порядок разбить в щепы.

Польская интеллигенция, многие поколения которой воспитывались в тесном контакте с лучшими культурными традициями Европы, исполненная пиетета к завоеваниям западноевропейского, в том числе и германского, духа, в годы Второй мировой войны нередко задавала себе вопрос: как вообще все это могло случиться? На какой ниве могли взреть плоды этой закоренелой ненависти, этой бездушной жестокости, какую продемонстрировали представители тогдашней Германской империи, тогдашнего аппарата власти, управлявшая всем национал-социалистическая партия, ее приверженцы, ее энтузиасты или даже просто безропотные пособники в повседневной жизни на оккупированных территориях Польши? Мы ожидали услышать голоса солидарности от немецких христианских церквей, ожидали признаков отрезвления, человеческого протеста против измывательства над "недочеловеками", каковыми именовались славяне, и "нечистью", до уровня которой были низведены евреи. До нас доходили известия о мужественных протестах некоторых католических и лютеранских священников, о молодых людях, сплотившихся вокруг профессора Губера и его учеников — Ганса и Софи Шолль, наконец, о движении 20 июля против национал-социалистического режима. Но тщетны были надежды услышать хотя бы одну недвусмысленную фразу в защиту поверженных и поработанных народов, таких, как народ Польши.

Мы спрашивали себя, что будет с немцами, каково моральное будущее немецкого общества после войны, конец которой, по нашему твердому убеждению, должен был принести с собой решительное ниспровержение зла, победу идеалов свободы и справедливости. Должен признаться, что мы весьма скептически относились к мысли о том, что народ, доверивший власть человеку по имени Гитлер, может в более или менее короткий срок перемениться и вернуться к христианским ценностям Европы.

Немецкий народ заплатил поистине невероятную цену за вызванную немцами войну. Эта цена — человеческие жертвы, территориальные потери, разделение Германии.

Однако достойное уважения упорство, труд, самоотверженность миллионов немцев, а главное, глубокие политические перемены, присоединение к великим демократиям Запада — Великобритании, Соединенным Штатам Америки, сумевшим еще в 1939—1941 годах правильно оценить опасность нацизма для мира и для самой Германии, — привели к сравнительно быстрому восстановлению общественной, экономической и политической жизни между Эльбой и Рейном. Что касается нравственного преодоления прошлого, понимания тех выводов, которые абсолютно необходимо было сделать для восстановления душевного здоровья и престижа немцев и возвращения к поруганной в недавнем прошлом иерархии общеевропейских культурных ценностей, — то они не могли совершиться так быстро. И все-таки в моей памяти, в памяти поляка, пережившего войну и оккупацию, неизменным остается более чем двадцатилетний опыт контакта с немцами, который дал мне основание снова поверить в достоинство человека в этой стране, в его способность и готовность творить добро. Большую роль в этом сыграли и продолжают играть усилия и инициатива многих немецких интеллигентов, гуманизм и труд безымянных людей доброй воли, деятельность общественных организаций, христианских церквей, социальных, культурных и научных союзов и объединений, а также — и, может быть, прежде всего — усилия молодых немцев, людей с открытыми глазами и бдительным сердцем, которые видят в своих польских сверстниках союзников, а быть может, и будущих друзей.

Сблизиться, научиться лучше понимать друг друга — вот условие, необходимое, чтобы окончательно преодолеть прошлое. Полное примирение народов, как показывает исторический опыт, происходит куда труднее и достигается медленней, чем политическое взаимопонимание между государствами. Заявления и договоры политиков — это еще не решение проблемы, но скорее путь к тому, чтобы все больше людей завязали между собой естественные контакты.

Я не хочу закрывать глаза на так называемые острые углы. Я прекрасно понимаю, что для многих немцев к числу этих проблем принадлежит вопрос о землях вдоль Одера и Нейсе. Нынешнее заселение этой территории одиннадцатью миллионами польских граждан нужно рассматривать как прямое следствие развязанной Третьим рейхом мировой войны. Беженцы, люди, изгнанные из родных мест, переселенцы — все они жертвы войны, как и те поляки, которых заставили покинуть Львов, Вильну, бывшие восточные области Польши. Трагический ход событий привел к тому, что поляки, быть может, лучше, чем многие другие народы Европы, в состоянии оценить страдания и тяготы людей, у которых отняли родину. Им понятна и трагедия разделения народа: ведь они сами пережили нечто подобное. Прогнать человека с места, где он родился и вырос, — всегда злое дело, даже если кажется, что в создавшейся исторической или политической обстановке другого выхода нет. И поляки, которые прибыли с Востока Польши в Нижнюю Силезию или Померанию, испытывали в первые месяцы после войны не радость победы, а горечь своей надломленной судьбы.

Если бы мне, девятнадцатилетнему юнцу из Варшавы, зимой 1940 года стоявшему, дрожа от холода, на плацу в Освенциме, где он числился как *Schutzhäftling Pole № 4427*, "заключенный поляк номер 4427", — если бы мне сказали тогда, что я доживу до дней, когда подавляющее большинство немцев станут вновь членами общества, которое руководствуется принципами гуманизма, и гражданами подлинно европейского государства, государства парламентской демократии, построенного на началах права, — я счел бы это несбыточной грезой. Одно лишь предположение, что старинный, ввевшийся еще с XIX века предрассудок, будто всякий поляк уже по своей природе ниже немца, будет выброшен вон, показалось бы нам тогда невероятным... И вот теперь один из этих поляков, тех, кого тщетно пытались унижить, лишиться человеческого достоинства, удостоен награды за работу в защиту мира высоким жюри, представляющим элиту сегодняшнего немецкого общества.

BIENAL

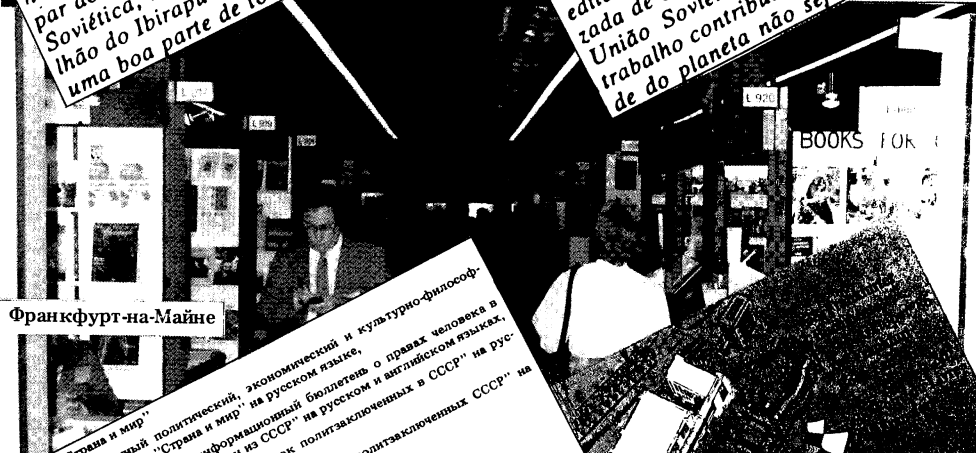
9ª BIENAL INTERNACIONAL DO LIVRO / 9ème BIENNALE INTERNATIONALE DU LIVRE / 9th INTERNATIONAL BOOK BIENNIAL

Сан-Паулу

Não só ela, porém, usa a mostra de livros como uma "trincheira": a entidade "Strana i mir" (que em russo significa "O país e o mundo"), fundada em Munique, na Alemanha, há três anos, com o objetivo de participar do processo de democratização da União Soviética, também encontrou abrigo no Pavilhão do Ibirapuera. No estande 148, ela expõe uma boa parte de toda a sua produção editorial,

como, por exemplo, o livro "Lista de prisioneiros políticos na URSS, traduzido para o inglês. Com 350 páginas, a obra, que é editada anualmente, inclui a biografia atualizada de cerca de 900 prisioneiros políticos na União Soviética. "Esperamos que o nosso trabalho contribua para que a paz e a liberdade do planeta não sejam mais ameaçadas",

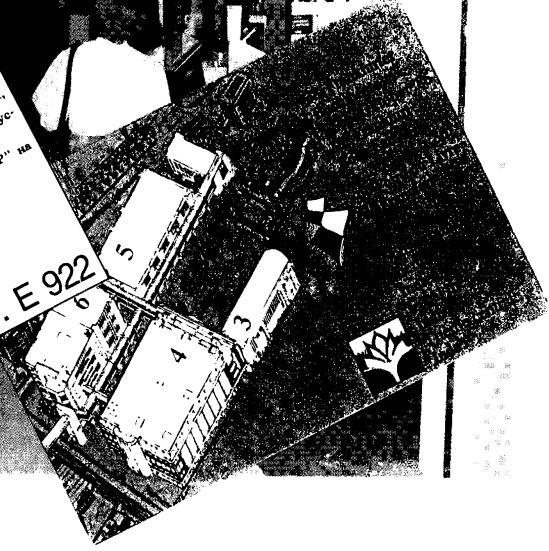

Франкфурт-на-Майне

Издательство "Страна и мир" публикует ежемесячный политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" на русском языке, два раза в месяц информационный бюллетень о правах человека в Советском Союзе "Вести из СССР" на русском и английском языках, ежегодник-справочник "Список политзаключенных в СССР" на русском и английском языках. "Приложения к списку политзаключенных СССР" на русском языке. Будем рады встретиться с вами на выставке.

Стенд издательства находится
Our stand at the fair:
Unser Stand auf der Messe:

HALLE 4.1. E 922

Людмила ДЫМЕРСКАЯ (Иерусалим)

ЗАМЕЧАНИЯ К ИСТОРИИ, ИЛИ ИСТОРИЯ, СОТВОРЕННАЯ ПО ЗАМЕЧАНИЯМ

Статья вторая

Тайна вещи кроется в ее происхождении
Гегель

1. Эскиз великой исторической науки

“Великая социалистическая страна требует великой исторической науки”, — писала “Правда” в январе 1936 г., комментируя публикацию «Замечаний товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу учебников по “Истории СССР” и “Новой истории”». ¹

Мы уже говорили, что документ этот был написан на полтора года раньше — в августе 1934 г. К тому времени Сталин, видимо, уже вплотную занимался подготовкой убийства Кирова, что было ему необходимо для политического и идеологического обоснования большого террора. Скорее всего и “Замечания”, к написанию которых Киров был привлечен менее чем за четыре месяца до убийства, тоже являлись частью сценария. Об этом свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что их публикация открыла антибухаринский “исторический фронт”, — важный элемент идеологической кампании, предвзявшей и сопровождавшей все московские процессы.

Публикуя “Замечания”, “Правда” прямо писала о необходимости такой “науки истории”, которая дала бы “в руки пролетариата мощный меч исторической правды”. Одновременно она сообщала, что “Замечания” содержат “целую программу работ наших историков”. Историкам предстояло, создать по эскизам вождя “великую историческую науку... охватывающую всю историю человечества”.

Эту грандиозную задачу авторы “Замечаний” воплотили в скромное, на первый взгляд, требование “написать такой учебник истории, где бы история Великодержавии не отрывалась от истории других народов СССР, — это во-первых, и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории, — это во-вторых”.

Казалось бы, все естественно. Однако сразу жестораживает небольшая деталь. В привычных формулах Энгельса и Ленина “Россия — тюрьма народов” и “Россия — международный жандарм” авторы “Замечаний” произвели любопытную трансплантацию: слово “Россия” заменено на “царизм”. Теперь эти формулы звучат так: “Царизм — тюрьма народов”, “царизм — международный жандарм”.

Хотя абсурдность такой замены очевидна, авторы “Замечаний” критикуют концепт учебника именно за то, что “в нем не даны условия и истоки национально-освободительного движения покоренных царизмом народов России”, будто эти народы могли стать “народами России” без покорения их царизмом, а сам царизм не был российской

Первая статья — см. № 12, 1985.

¹ С появлением этих “Замечаний” начинается официальная смена идеологических вех.

государственностью или в России существовало какое-то еще государство, кроме царского.

Однако Сталина и его соавторов подобные мелочи не смущают. Они требуют от советских историков такого изображения национально-освободительной борьбы покоренных Россией народов, при котором оказались бы мотивированными и "создание Союза ССР", и "Октябрьская революция как революция, освободившая эти народы от национального гнета".

Критикуя группу Ванага за то, что она "даже не поняла самого задания, составив конспект русской истории, а не истории СССР, — то есть истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР", авторы "Замечаний" указывают, что отныне покоренные Россией народы должны рассматриваться не как самостоятельные этносы, имеющие собственную историю, а лишь как составные части единого и неделимого целого — России—СССР. При этом ясно, что подобная трактовка распространяется не только на прошлое, но и на будущее. Об этом свидетельствует тот факт, что "среди народов, которые вошли в состав СССР", фигурируют не только народы Украины, Белоруссии и др., но "Финляндии и другие прибалтийские народы".

Допустим, что включение в состав СССР в то время суверенных, представленных в Москве посольствами прибалтийских народов было в какой-то мере реакцией на широко вещательный гитлеровский "Drang nach Osten". Но столь же очевидно, что тем самым декларируется принципиальная установка победившего социализма на восстановление границ Российской империи путем повторного присоединения к ней народов, реализовавших в годы революции свое право на "самоопределение вплоть до отделения". Таков предметный урок преемственной связи Российской империи и Советского Союза: народы, завоеванные Россией, должны не только именоваться народами СССР, но и со временем вернуться в его состав.

Что касается второй задачи — установления связи "истории народов СССР" с "историей общеевропейской и вообще мировой", — то для ее реализации авторы потребовали "разбить новую историю на три части". При этом главная идея состояла в том, чтобы третью ее часть (1918—1934 гг.) трактовать не просто как "период победоносного строительства социализма в нашей стране", но и как создание системы, представляющей "высший тип устройства человеческого общества".

Конечно, программа, изложенная в "Замечаниях", — всего лишь эскиз той "великой исторической науки", которую предстояло создать. Но было уже очевидно, что старая схема, в которой СССР выступал как антипод дореволюционной России, чьи пороки призваны были оттенять достижения советской власти, эта схема снимается и заменяется другой.

Какой же именно? Анализ самих "Замечаний" и сопровождавшего их комментария ЦК приводит к выводу, что новая схема получена путем синтеза двух концепций: марксистской, где спасителем человечества выступает мировой пролетариат, и националистической, в которой эта роль отводится русскому народу. Так возникает единая манихейская схема русско-коммунистического мессианства. Из нее следует, что освобождение человечества и борьба за светлое коммунистическое будущее — это прежде всего миссия "первого среди равных" русского народа, русского пролетариата и его большевистской партии во главе с подаренными миру русским народом "гигантами человечества" Лениным и Сталиным.

2. Чистые и нечистые

Последний момент имеет, пожалуй, решающее значение. Для Сталина крайне важна ипостась охранителя и продолжателя русской истории. Однако даже эта, достаточно весомая роль не исчерпывает претензий "самого великого человека всех времен и народов" (так назвал его на XVII съезде партии Киров). По справедливой оценке М.Геллера, свержение Покровского — признанного главы советской школы историков-марксистов

— означало, что Сталин берет в свои руки управление историческим знанием и становится таким образом Великим Историком.

Овладение обеими этими ролями — вершителя русской истории и ее летописца — велось планомерно с начала 30-х годов,¹ хотя стремление вписаться в династический ряд русских самодержцев, видимо, возникло у Сталина значительно раньше. Это стремление и определило "сверхзадачу" развернувшейся вслед за публикацией "Замечаний" кампании против школы Покровского, а затем против Бухарина. Ее смысл сводился к такому препарированию русской истории, при котором вождь русского пролетариата Сталин выглядел бы таким же законным наследником "прогрессивных" русских царей — Ивана Грозного и Петра I, как Советский Союз — преемником всего "прогрессивно-го" в истории Российской империи вообще.

Публикацию "Замечаний", помимо материалов ЦК, сопровождали три авторские статьи: в "Известиях" — Н.Бухарина, в "Правде" — К.Радека и В.Быстрянского — единственного (кроме Жданова) оставшегося в живых члена комиссии ЦК по подготовке учебников. Сравнение статьи Быстрянского со статьями двух остальных позволяет понять разницу между толкованием доверенного лица, посвященного в "сверхзадачу" кампании, и интерпретацией лиц, намеченных к "отлучению" и потому говорящих "не по делу" или даже уклоняющихся в ересь.

В статье, напечатанной в том же номере "Правды", что и "Замечания", Радек обвиняет Покровского в "псевдомарксистской схеме истории абсолютизма" и противопоставляет ему "отточенные мысли Ленина", которые дают "нам основы доподлинной истории народов СССР". Однако о главном — о том, как должна по-новому трактоваться эта история, — у Радека нет ни слова.

Напротив, Бухарин затрагивает этот вопрос, но делает это так, будто он не понимает (или не хочет понимать) заданного курса. Порицая Покровского, "которому некогда было, — язвит Бухарин, — заниматься этой "малостью", Бухарин вопрошает: "Разве не первейшим долгом для нашего историка было бы в противовес всем и всяким буржуазным историческим концепциям "Истории Государства Российского" (имеется в виду 12-томное сочинение Н.М.Карамзина. — Л.Д.) разработать историю хотя бы главнейших поработанных им народов?"

Легко видеть, что здесь фигурирует не царизм, а все то же Российское государство и поработанные им народы. Причем, отмечает Бухарин, речь идет о народах, "иногда имевших ранее великие древние культуры". Но в общем статья Бухарина написана в духе беспардонной "боевой" большевистской критики и посвящена главным образом методологии Покровского. Критикуя его за "измельчание теории", за "искажение соотношения теории и практики в исторической науке", Бухарин касается истории партии, то есть области, где уже имелись методологические указания Сталина и важнейшее из них — считать "безнадежными бюрократами" и "архивными крысами" тех, кто "полагается лишь на документы, а не проверяет партии и лидеров по их делам".²

Трудно представить себе, чтобы Бухарин этого не знал. И тем не менее он утверждает, что "историю партии нельзя оторвать от истории народа", что для ее изучения "нужны специалисты многих отраслей", ибо это — "трудное и многосложное дело, а не прогулка по садам словесности, организованная на "историческом фронте". Основным критерием оценки работы историков (как и физиков, и химиков) должно быть "знание, глубокое знание фактов и марксистский метод их обобщения; основной добродетелью — научная работа, о которой судят по научным результатам, а не по количеству резолюций о текущем моменте на историческом фронте".

¹ Уже тогда Сталин "защищал" русский народ от клеветы. В письме Д.Бедному от 12 декабря 1930 г. он обвиняет его в клевете, в "развенчании русского пролетариата", в "развенчании СССР", в том, что "лень и стремление сидеть на печке" представлено "чуть ли не национальной чертой русских вообще". И это в то время, пишет Сталин, когда "рабочие всех стран рукоплещут... р у с с к о м у (подчеркнуто Сталиным) рабочему классу, признанному своему вождю." Тогда, однако, это были еще "несвоевременные мысли", и письмо это было впервые опубликовано в вышедшем в 1952 г. 13-м томе сочинений Сталина.

² Формулировки из письма Сталина "О некоторых вопросах истории большевизма" (октябрь 1931 г.). Этим документом, ревизирующим для начала историю партии, Сталин сделал первую серьезную заявку на роль Великого Историка.

Можно допустить, что в своих рассуждениях Бухарин не имел в виду сталинские методы сочинения истории партии и истории государства Российского. Но слишком уж далеки были бухаринские формулировки от требований "текущего момента". Неудивительно, что "Правда" в статье о "гнилой концепции" Бухарина с раздражением писала: "Словечка в простоте не скажет — все с ужимкой. А "ужимка" все получается в сторону от ленинизма".

Посмотрим теперь, как тракуются ленинизм и указания ЦК партии в статье Быстрянского.¹ Он обвиняет авторов учебника "История СССР" Ванага и Пионтковского (вскоре после этого объявленных врагами народа и расстрелянных) в "антимарксистском левацком интернационализме". Разумеется, ни один автор без указания свыше не посмел бы к сакраментальному слову "интернационализм" присоединить подобные эпитеты. Следуя тем же указаниям, Быстрянский представляет мерки, по которым надлежит перекраивать русскую историю, чтобы превратить ее в историю СССР. Прежде всего, он повторяет тот же трюк с подменой России царизмом. Трюкачество это используется, чтобы представить как "прогрессивное" все, что способствовало созданию империи и усилению в ней самодержавной власти. Соблюдение марксистских приличий и сохранение словесных норм "классового подхода" обеспечивается словом "царизм", на счет которого относится все "реакционное". Вместе с имперским патриотизмом канонизируются Минин и Пожарский. Именно по поводу трактовки их борьбы вводится трижды повторенный в статье термин "левацкий интернационализм". Но особо порицаются Покровский и идущие в его фарватере авторы за то, что они "вопреки совершенно ясным указаниям Ленина и Сталина" показывают "отрицательные черты петровской реформы", а не "ее прогрессивное значение".²

Скорее всего, тому же Быстрянскому принадлежала и статья о Покровском в МСЭ, где три года спустя (т.8, 1939) снова поминается "левацкое извращение интернационализма" с добавлением, что схема Покровского "лишена чувства родины, а также сознания того, что большевизм — наследник всего лучшего в истории культуры человечества".

Эта, к тому времени уже не новая мысль, в сочетании с другими тезисами входит в концепцию русско-коммунистического мессианства. Концепцию, которая с января 1936 г. начала массивно внедряться в систему партийно-государственной идеологии и пропаганды.

3. Чему же учит новая историческая наука?

Уже на первом этапе основные идеи русско-коммунистического мессианства были сформулированы достаточно четко.

1. Именно России, первой совершившей социалистическую революцию и построившей социализм в одной стране, принадлежит отныне роль лидера всего прогрессивного человечества.

2. Большевизм следует рассматривать как явление не только классовое, но и специфически русское: он — порождение русской истории, феномен русской культуры, русского национального характера. Объединение в большевизме коммунистической и русской идеи влечет за собой, с одной стороны, переоценку в свете телеологии всей русской истории, понимаемой теперь как движение к высшей цели — коммунизму; с дру-

¹ Косвенным доказательством его посвященности в суть данного Сталиным задания было то, что после участия в кампании и до конца своих дней (декабрь 1940) он возглавлял ленинградский институт истории ВКП (б).

² Заказанную Сталиным критику М.Н.Покровского нельзя воспринимать как сражение идеологии с наукой. Борьба с Покровским означала, что возникла потребность в смене одной идеологизированной схемы русской истории (схемы Покровского) другой — соответствующей великодержавным устремлениям вождя. Как канонизация схемы Покровского, так и ее низвержение сопровождалось шельмованием и террором против историков. В первом случае одной научной ориентации (например, Е.Тарле, С.Платонов), во втором — иной (акад. Н.Лукин, профессора Ванаг, Пионтковский, Фридлянд — все расстреляны).

гой — представление о Советском Союзе как закономерном наследнике Российской империи и продолжателе ее истории.

3. Отказ от характеристик России как "тюрьмы народов" и "международного жандарма". На место прежних представлений вначале была выдвинута осторожная концепция "наименьшего зла", а затем откровенно апологетическая версия о прогрессивности присоединения к России любой территории и любого народа.

4. Представление об СССР как общей родине всех народов, его населяющих, а также о социалистическом отечестве трудящихся всего мира. Культивирование на этой почве советского патриотизма, который со времени его соединения с идеей русского мессианства все чаще стал отождествляться с русско-имперским патриотизмом.

5. Пересмотр с позиций русско-коммунистического мессианства всей истории колонизированных Российской империей народов, их борьбы за свою независимость, а также переоценки роли и значения исторических деятелей как русской, так и других национальностей (Б.Хмельницкий.¹ Шамиль и др.).

6. Отход от национального лозунга равенства всех народов, определение русских как "первого среди равных великого народа", выполняющего мессианские и патерналистские функции по отношению к другим народам. При этом лозунг "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" теперь толкуется как объединение вокруг великого русского пролетариата и созданной им партии большевиков во главе с вождем.

7. Признание особых потенций русского народа, благодаря которым он возглавил борьбу всех народов за счастье человечества, за коммунизм. Понятно, что русский народ трактуется как "создатель самой передовой культуры", ему присваиваются высшие достижения во всех областях человеческой деятельности.

Объединение в общей манихейской схеме всех этих тезисов с марксистской теорией классовой борьбы позволило существенно повысить мобилизационные и убийственные (в прямом смысле слова) потенции советской идеологии. Они реализуются в борьбе с антипатриотами и врагами, на роль которых последовательно выдвигаются М.Н.Покровский, Н.И.Бухарин, "троцкистско-бухаринские банды" и "националисты всех мастей", низкопоклонники, космополиты и, наконец, несменяемые с 1952 г. сионисты.

Таким образом, манихейская схема, построенная на слиянии двух мессианских версий — русской и пролетарской, — была использована Сталиным и его последователями как действенное идеологическое оружие, дополняющее и освящающее сложившуюся в стране систему репрессий и террора.

4. Мощный меч исторической правды, или что такое "национал-большевизм" Сталина?

Доктрину, взятую на вооружение Сталиным, нередко определяют как национал-большевизм. С чисто семантической точки зрения термин вполне удачен, ибо отражает слияние в единый идеологический феномен двух концепций — социальной и национальной. К тому же по созвучию это сочетание близко национал-социализму и вызывает вполне оправданные ассоциации с режимом, использующим сходную по структуре и смыслу идеологию.

Вместе с тем применение столь удачного, казалось бы, термина вызывает серьезные возражения. Они связаны с тем, что первоначально национал-большевизмом называлась идеология, существенно отличающаяся от сталинской, хотя в некоторых своих пози-

¹ Еще в вышедшем в 1935 г. 59-м томе первого издания БСЭ Б.Хмельницкий рассматривается как "предатель и первый враг восставшего крестьянства", а Переяславский договор — как "союз украинских феодалов с русскими... юридически оформивший начало колониального господства России над Украиной". В опубликованном в 1936 г. 56-м томе под термином "украинцы" вместо статьи дается отсылка к статье "УССР". И это в то время, когда все остальные народы, помимо статьи об их стране, получили еще и отдельные словарные статьи. Чем, кроме несовместимости приведенной выше версии украинской истории с "великой исторической наукой", можно объяснить подобную дискриминацию второго по величине народа СССР?

циях и созвучная ей. Расширительное толкование термина может привести к смешению разных по своей природе идеологических феноменов, из которых один относится к сфере официальной советской идеологии, а второй – к идеологии определенных общественных кругов в эмиграции и в СССР. Между тем, несмотря на попытки создать в стране однородное идеологическое пространство, различие между партийно-правительственной идеологией и концепциями, создаваемыми различными слоями интеллигенции, существовало в СССР всегда.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить концепцию русско-коммунистического мессианства, внедренную в советскую пропаганду Сталиным, с идеологией национал-большевизма. Известно, что одним из первых и наиболее авторитетных идеологов национал-большевизма был профессор Харбинского университета Николай Устрялов. В письме к П.Струве от 15 октября 1920 г. он определил национал-большевизм как "весьма одиозную для правых групп позицию", суть которой сводилась к "использованию большевизма в национальных целях", к "преодолению большевизма эволюционно и изнутри". Торжество национального и буржуазного начала над коммунистическим Н.В.Устрялов и его единомышленники, выразившие свое кредо в сборнике "Смена вех" (июль 1921 г., Прага), видели в воссоединении под советской властью "отторгнутых русских территорий" и в последовательном развитии нэпа, которое и должно было привести к социально-экономическому, а вместе с ним и к политическому перерождению большевизма. По Устрялову, нэп – это "революционная ликвидация революции".

В позиции Устрялова ясно ощутима вера в гегелевскую диалектику истории, согласно которой объективная логика исторического развития прокладывает себе путь через субъективные умыслы людей и партий и нередко приводит к результатам, противоположным задуманным. В большевизме, который сами большевики рассматривают как важнейший этап на пути к глобальной цели – коммунизму, Устрялов видит лишь средство, причем средство достижения совсем иной исторической цели – восстановления мощного Российского государства. Поскольку, с его точки зрения, мощь государства и коммунизм несовместимы, то Москва, вводя нэп, "жертвует коммунизмом и спасает таким образом Совесты", иными словами, власть.

Как и другие неославянофилы, Устрялов убежден в своеобразии исторических путей России и в ее особой национальной миссии. Понимание большевизма как самобытно русского явления, а революции как формы реализации мессианского предназначения русского народа, – платформа, объединившая Устрялова с другими авторами "Смены вех". Принципиальным вопросом, по которому в дальнейшем произошел раскол, была переоценка последними природы большевизма. Для левого крыла сменовеховцев, наиболее видными представителями которого были Ю.Ключников, А.Бобрищев-Пушкин, Г.Кирдецов, В.Львов, Ал.Толстой, большевизм перестает быть лишь средством достижения цели. Безоговорочное принятие советской власти привело их к историческому оправданию политики большевиков.

Устрялов подвергает резкой критике "размен вех". И хотя его взгляды тоже претерпевают известную эволюцию, он по-прежнему видит в большевизме не более чем историей данное, но само себя изживающее средство достижения национальной цели. И этой целью отнюдь не был ни коммунизм как вожденный идеал, ни большевизм как определенная стадия на пути его воплощения.

Доктрина национал-большевизма, выдвинутая Устряловым (как и идеи сменовеховства), встретила живой отклик – и не столько в русской эмиграции, сколько среди различных групп русской интеллигенции в СССР. В книге "Идеология национал-большевизма" М.Агурский показывает, как в полемике с Устряловым и сменовеховством создавался "встречный поток" в партии большевиков, какую роль в националистической переориентации определенных партийных кругов сыграл тезис Сталина о победе социализма в одной стране. Нельзя не согласиться и с выводом М.Агурского, что "встречное движение" проходило под "давлением доминирующей в стране русской национальной среды", что шло поиски "такой политической платформы, таких идеологических изменений, которые, не подрывая положения большевиков как правящей партии, смогли бы мобилизовать как можно большую поддержку русского населения новой системе".

Разумеется, у Сталина была возможность оценить (и на основании российской ситуации, и по успехам гитлеризма) значимость националистических доктрин и их популярность, возраставшую по мере девальвации интернационалистских лозунгов, все чаще соотносимых с евреями и мифом об их стремлении к мировому господству.

Все это позволяет понять, почему у Сталина обратился к определенной версии русского национализма, почему он включил националистическую доктрину в систему партийно-государственной пропаганды. Однако главным по-прежнему остается вопрос о смысле и целях: чем именно и ради чего Сталин решил пополнить имевшийся в наличии идейный арсенал большевизма.

Трудно согласиться с М.Агурским, что этот арсенал был пополнен идеологией национал-большевизма. Ее основы, утверждает он, как "дополнительной идеологии, закрепляющей власть правящего класса, исподволь сформировались к концу 1927 г., к XV съезду партии". Называя эту идеологию дополнительной, М.Агурский тем не менее задается вопросом, можно ли расценивать переход к ней Сталина и "партии в целом" как ревизию марксизма, как радикальное изменение революционной идеологии.

Не вдаваясь в спорный вопрос о существовании марксизма, можно с уверенностью сказать, что если бы Сталин действительно включил в свою доктрину главное из устряловского национал-большевизма, ему и в самом деле пришлось бы серьезно ревизовать цели, провозглашаемые партийно-государственной идеологией. Достаточно, однако, просмотреть сформулированные выше тезисы русско-коммунистического мессианства, чтобы убедиться в неизменности основных идеологических установок.

Включение в их структуру националистической аргументации не отменяет главного. Коммунизм по-прежнему трактуется как идеал, достижению которого подчинено функционирование всего советского общества, как глобальная цель всего мирового исторического процесса. Россия и русский народ возвеличиваются именно потому, что первыми воплощают этот идеал. Таким образом, сталинская концепция, в которой русский народ рассматривается всего лишь как средство (хотя и могучее) реализации генеральной цели — коммунизма, явно противоречит позиции национал-большевизма, для которого сохранение русского народа и укрепление русского государства — самостоятельная цель, а большевизм — более чем историей данное и само себя изживающее средство ее достижения.

Идея сильного государства, прочной централизованной власти делает созвучными сталинскую и устряловскую концепции. Созвучными, но не тождественными. Ибо для Сталина мощное государство, укрепленное русским имперским патриотизмом в казуистическом сочетании с пролетарским интернационализмом, — это орудие распространения коммунизма, то есть советского влияния во всемирном масштабе. С этой точки зрения его идеология может быть названа русским имперским коммунизмом. Устрялов далек от подобных вселенско-имперских вожделий вообще, от коммунистических же — тем более. Его позиция скорее изоляционистская.

Но может быть, обе концепции следовало бы объединить, поскольку каждая из них содержит идею сильного государства, восстанавливающего границы русской империи и гарантирующего выполнение особой миссии русского народа? Нет. Для устряловского национал-большевизма установление сильной власти означает, что эпоха хаоса и террора подходит к концу, что начинается созидательная экономическая и социальная работа, которая самим своим ходом упразднит коммунистические лозунги обобществления всей экономики и мировой революции. Сталинская же концепция сильного государства — это его интерпретация "диктатуры пролетариата", понимаемой как орудие построения коммунизма сначала в России, а затем и во всем мире. Данное в рамках этой концепции истолкование классовой борьбы как борьбы постоянно обостряющейся послужило идеологическим обоснованием истребительного террора, который не только не завершается с установлением сильной власти, но именно тогда обретает характер цепной, нарастающей как лавина реакции.

Для идеологического обоснования террора, который и по своим масштабам, и по назначению (разрушение устоев народной жизни) обрел характер геноцида (прежде всего русского и украинского народов), одной идеи классовой борьбы оказалось

недостаточно. И Сталин подкрепляет ее специально препарированной национальной идеей, объединяя обе гностические версии – классовую и национальную – в единой схеме русско-коммунистического мессианства. Казуистическая ”националистско-классовоинтернационалистская” схема потому и понадобилась, что более эффективно выполняла те основные функции, которые были приданы идеологии в созданном Сталиным образце тоталитарного общества.

Первая и главная из этих функций сводится к созданию сюрреалистической картины мира – того мира, которого нет в действительности. А.Безансон, исследовавший истоки и характер этого уникального феномена, называет созданный Сталиным режим идеологическим, подчеркивая, что в основе своей он ”не более националистический, чем пролетарский”. С помощью магии слов создаются не просто миражи, но миражи, камуфлирующие реальность, прямо противоположную создаваемой словами видимости. Так, наибольший пропагандистский бум о советской демократии приходится на 1936 год, когда под шум обсуждения и принятия конституции приводилась в готовность машина массовых репрессий. По тому же принципу эскиз ”великой исторической науки” создается как камуфляж первого акта геноцида – коллективизации. А разработанная в общих чертах концепция коммунистического мессианства ”первого среди равных великого русского народа” служит обоснованием и используется для освящения и камуфляжа ”большого террора” – второго народоубийственного акта.

Таким образом, выбор идеологической версии, весьма своеобразно прославляющей русский народ, по законам сталинской диалектики был продиктован планированием и осуществлением актов народоубийства, нацеленных на уничтожение части этого народа, на разрушение веками складывающихся форм и устоев его жизни, на искоренение гуманистических источников его культуры.

Но может быть, сталинская политика при всех ее кровавых издержках все же находилась в русле русской истории? Может быть, претензии Сталина на продолжение династического ряда русских самодержцев, равно как и трактовка истории СССР как непосредственного продолжения российской истории, не лишены оснований? Утвердительный ответ на эти вопросы, даваемый некоторыми западными историками (например, Р.Пайпсом), а также рядом авторов Сам- и Тамиздата, активно оспаривается теми, кто считает, что Октябрь прервал русскую историю (А.Солженицын).

Не входя в существо этих дискуссий, отметим лишь, что никакая история не возникает на пустом месте. Сталин, несомненно, заимствовал некоторые реалии российского бытия, воспроизвел и продолжил имперские линии развития российской государственности. Но, оценивая связь сталинского режима не только с великодержавной русской государственностью, а более широко – с русским историческим прошлым вообще, с тем, что неточно можно было бы назвать русской культурой, уместно вспомнить Томаса Манна – человека, для которого соотношение национал-социализма с немецкой историей и культурой, возможность его появления на германской почве стали одним из центральных вопросов творчества и мировоззрения. Томас Манн писал: ”В Германии (при нацистах) произошел глубокий перелом. Страна была совершенно лишена национальных традиций. Нацистский большевизм не имеет ничего общего с немецким национальным характером. Неудивительно, что эти новые варвары легко установили контакт с Советским Союзом”. Писалось это в 1939 г. Правда, позже Томас Манн пришел к выводу о неоднозначности и немецкого национального характера, и немецких национальных традиций.

5. Почему врагом русского народа выбран Бухарин?

По законам своей диалектики, провозглашавшей белое черным и наоборот, первым врагом русского народа Сталин объявляет Бухарина. О том, как состоялось это назначение, как и об этом Сталин увязал его с открытием ”фронта исторической науки”, мы уже говорили в первой статье. Попробуем теперь разобраться, почему именно Бухарин оказался самой подходящей кандидатурой на эту роль.

В литературе можно встретить утверждения, что Бухарин и в самом деле занимал антирусскую позицию. Так, М.Агурский пишет, что Бухарин из всех большевистских лидеров "наибольшим образом олицетворял антинациональные идеи раннего большевизма", объясняя это чем-то экзистенциальным, "некой национальной самоненавистью Бухарина". Выражение этой ненависти он видит, в частности, в бухаринских выступлениях против национал-большевизма Устрялова. Но мог ли по-иному реагировать верующий в грядущую победу коммунизма Бухарин на концепцию, автор которой писал: "Весь наш социализм — пуф. А не пуф новое государство... с чугунными людьми, укрепляющими русское влияние от края до края земли". Противостояние устряловскому национализму — главное доказательство глубинной национальной самоненависти Бухарина. Дополнительным аргументом служит его выступление против "есенинщины". К "есенинщине" (которую, кстати, Бухарин не отождествлял ни с самим Есениным, ни с его творчеством в целом) он относил славословие тех произведений Есенина, которые идеализировали отрицательные, в его понимании, черты русского характера и исторического прошлого России.

Означало ли это, что для самого Бухарина российское прошлое не представляло никакой ценности? Это по меньшей мере неочевидно. Известно, что Бухарин был истовым интернационалистом и логично предположить, что в своем противостоянии антикоммунистическому национализму Устрялова или "квасному патриотизму", связанному с "есенинщиной", он скорее всего следовал не своей гипотетической антирусской экзистенции, а Ленину, который считал, что открыто исповедуемый "великодержавный шовинизм" может стать препятствием для социалистической интеграции народов России. Бухарина можно упрекнуть разве лишь в том, что он и тут, как это было и в толковании нэпа, не уразумел ленинско-сталинской диалектики и не делал различия между лозунгом и реальной политикой.

Но оставим сейчас в стороне вопрос об истинном отношении Бухарина к русскому народу. Не оно предопределило его избрание на роль "антипатриота". Избрание Бухарина на эту роль было обеспечено его интерпретацией нэпа, которую Сталин назвал правым уклоном, или программой правых. Именно потому, что программа эта и в партийных кругах, и среди широких кругов населения воспринималась как программа охранительная и в конечном счете народозащитная, Сталин, следуя своей диалектике, обвинил Бухарина в клевете на русский народ, чтобы затем объявить его врагом этого народа.

Предоставим слово такому компетентному свидетелю как А.Авторханов: "Сталин слишком хорошо знал, — пишет он, — что оппозиция группы Бухарина в отличие от оппозиции блока Троцкого и Зиновьева была популярна не только в партии, но и в стране. Платформа "правых" отвечала насущным интересам народа по трем важнейшим вопросам: 1) сохранение нэпа; 2) поднятие стандарта жизни крестьянства..., которое составляло тогда 80% населения страны; 3) отказ от всех видов репрессий в стране... Когда Троцкий и Зиновьев 7 ноября 1927 г. вышли на улицу со своей программой ликвидации нэпа, репрессий против нэпманов и кулачества, "перманентной мировой революции" за счет жизненных интересов страны, их народ не поддержал. Если же Бухарин и бухаринцы выйдут на улицу со своей программой, то им гарантирована всеобщая поддержка. Сталин знал и это. В этом и заключалась смертельная опасность программы "правых" для уже обозначавшегося, — как Бухарин говорил, — "полицейского режима" Сталина..."

Чтобы закамуфлировать свою истинную — народоубийственную — роль, Сталин и рядится в тогу защитника русского народа, казуистически переводя на свой счет то, что ассоциировалось в сознании современников с программой Бухарина. Таким же путем он переводит на свое имя и написанную Бухариным конституцию, маскируя ее выхолощенным текстом беспрецедентное беззаконие своего режима.

И речь тут идет не о самом Бухарине, не о прагматической ценности его программы, а о способах формирования одной из наиболее устойчивых и эффективных доктрин советской официальной идеологии.

Представляя Бухарина противником его собственной позиции, Сталин присваивает ее себе и заодно заимствует репутацию, которую подобная народозащитная позиция создавала. Он рядится в плащ, снятый с Бухарина и, маскируя им свои народоубийст-

венные акты, одновременно уничтожает память об авторстве Бухарина, противостоящего и кровавой колонизации деревни, и построенной на грабеже и уничтожении крестьянства социалистической индустриализации. Своим противостоянием политике геноцида Бухарин и заслужил роль антипатриота и врага русского народа.

6. Судьбы людей и судьбы идей

Судьбы людей и судьбы идей, как правило, не совпадают, Трагическая гибель Устрялова, вернувшегося в 1935 г. в СССР, чтобы через три года погибнуть в застенках НКВД, отнюдь не означала, что канули в вечность связанная с его национал-большевизмом вера в "русскость" советской державы и упования на истинность русского патриотизма сталинского и последовавших за ним советских режимов. И эти упования сохранялись, хотя изжитым оказался не большевизм, а те экономические и социальные предпосылки, с которыми связывались надежды на реализацию национальных целей.

Вера в русскодержавные потенции созданного Сталиным общественно-государственного устройства пережила не только коллективизацию, но и "большой террор" и, обретая новых приверженцев, существует и поныне. Сохранению такой веры способствовала война — Отечественная не только по названию, но и по существу. Победу в ней Сталин, учинив накануне войны разгром военных кадров, оплатил миллионами дополнительных жертв. Такой ценой он и обрел нимб Главного Антифашиста, отблагодарив за него русский народ здравицей в его честь.

На этот раз сама история как бы подыграла сталинской диалектике и поднесла ему роль, диаметрально противоположную истинной, а потому и наилучшим образом камуфлирующую созданный им режим. В послевоенном СССР родство этого режима с гитлеровским выразилось не только в сходных с ним формах функционирования, но и в предельном сближении партийно-идеологических позиций недавних военных противников. Следуя Гитлеру, Сталин тоже берет на вооружение антисемитизм и на его основе перестраивает всю систему советской пропаганды. Доминирующей в этой системе становится доктрина русско-коммунистического мессианства, а на роль врага, ненависть к которому должна была сплотить его поданных, Сталин выдвигает евреев.

Фигура нового врага, неявная борьба с которым велась много раньше, начала вырисовываться после уже упомянутой здравицы в честь русского народа, названного теперь самим вождем "наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза". Его достоинства по уже известной схеме должны были утверждаться: а) опровержением клеветнических измышлений, б) противопоставлением антиподу. После первого прицельного залпа по "низкопоклонникам перед Западом" был назван тот, кто сменив Бухарина, в свою очередь возводил "поклеп на великий русский народ, бесстыдно клеветал на него, приписывал русскому народу самые отрицательные качества" (Большевик, № 5, 1949). Им оказался безродный космополит. Известный советский анекдот четко определил новую генеральную линию: "Чтоб не прослыть антисемитом, зови жида космополитом".

Камуфляжное словечко "космополит" — конечно, не единственное отличие сталинского антисемитизма от откровенного гитлеровского. Но в программу Сталина тоже входил вариант "решения" еврейского вопроса. Массовая депортация — проверенный на "наказанных народах" сталинский способ народоубийства — должна была состояться после процесса врачей и их публичной казни.

Следуя Гитлеру, Сталин вместе с тем продолжал дело своего возвеличения как вождя и защитника русского народа. Как раньше бухаринская "нация Обломовых", так теперь "клеветнические измышления космополитов" оправдывали пафос, с которым в сотнях публикаций, тиражированных миллионами экземпляров, напоминалось о том, какую "высокую оценку дал русскому народу товарищ Сталин, указав, что великому русскому народу присущи такие замечательные качества, как ясный ум, стойкий характер, отсутствие торопливости и разумное терпение".

В редакционной статье того же журнала "Большевик" из которого взят этот панегирик, фиксировалась связь и преемственность между космополитами и злейшими вра-

гами социалистического Отечества — троцкистами, бухаринцами, буржуазными националистами.

И так же как "антипатриотизм" Бухарина был лишь прелюдией к объявлению его врагом народа, так и космополитизм вскоре оказался орудием сионизма, этого адепта англо-американского империализма. С 1952 г. — после процесса над Р.Сланским, а затем дела врачей — сионисты прочно заняли и сохраняют с тех пор место врага — фигуры обязательной в советской идеологии вообще и в схеме русско-коммунистического мессианства, в частности.

Смена врага — самое существенное из изменений, которые претерпела схема "великой исторической науки", внедренной Сталиным полвека назад. При сохранении многих ее исходных позиций¹ схема эта, начиная с конца 60-х годов, обогащается и новой аргументацией, и новыми тезисами — как в части, утверждающей миссию русского народа, так и в части отрицательной, изображающей евреев как вселенское зло и антипод советского, а также всех других "положительных" народов.

Советские литераторы, разработчики партийно-идеологических установок в поисках исторических корней сионизма добираются до истоков всемирной и российской истории, изображая евреев уже не как локально-историческое, а как вселенское зло. При этом в официально исповедуемые доктрины все чаще и все интенсивнее включаются фрагменты совсем других концепций, в том числе и радикально расходящихся с официальной. Решающий критерий отбора — созвучность идей умонастроениям опорных (для партии) общественных кругов. Достигаемый таким путем резонансный эффект создает впечатление сплошного идеологического и социально-психологического спектра. Это придает видимость реальности лозунгу вождя "морально-политического единства" советского общества, всегда "как никогда" сплоченного вокруг партии и ее ЦК.

Чтобы понять суть этого "единства", опирающегося на фундамент русского национал-коммунизма, стоило обратиться к истокам. Тайна вещи кроется в ее происхождении, писал Гегель. То, как и ради чего русско-коммунистическая идея ("великая историческая наука") была внедрена Сталиным в идеологию полвека назад, позволяет понять назначение этой идеи и в наши дни. ●

¹ Вестник Московского университета, отмечая полувековой юбилей постановления партии и правительства о преподавании истории, пишет: "Это поистине историческое постановление сохраняет свою актуальность и в наши дни... ибо сформулированные тогда принципы преподавания гражданской истории и ныне сохраняют в полном объеме свою жизнеспособность". (Вестник МГУ, сер.8, 1985, № 5, стр.21).

ИЗ ГАЗЕТ: 60 ЛЕТ НАЗАД

ДЕВЯНОСТО ПРОЦЕНТОВ ЦЕРКВЕЙ, ОСОБЕННО ОРЛЫ

Разве в Москве и в Союзе мало стильных церквей, которые сохраняются на основании договора с верующими?! Разве недостаточно для целей искусства восстановления в Москве храма Василия Блаженного, кремлевских соборов, его стен с двухглавыми орлами и др.?! 90% церквей можно или использовать на полезные в настоящее время цели, или уничтожить, особенно орлы и им подобные памятники...

Нет ли вредного перегиба в восстановлении в огромном количестве церквей? Не целесообразнее ли было бы средства, выбрасываемые на восстановление церквей, колоколен, часовен, стен, ворот и многих обрабатываемых в музеи дворцов и усадеб мертвых царей, князей и помещиков, употребить на дело живого строительства?

"Правда", 5 ноября 1926 г.

МИФ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ВЕКА,

или Россия во мгле

ЧАСТЬ I

Борьба миров

Популярность научной фантастики в Советском Союзе наглядно выражается в цифрах: обычный тираж научно-фантастической прозы (роман, повесть, сборник рассказов) 100–150 тыс. экземпляров, причем каждая из таких книг выдерживает, как правило, два издания; тираж альманахов фантастики и приключений (типа журнала "Искатель") – 275 тысяч, а тираж ежемесячных журналов "Техника молодежи" и "Знание – сила", регулярно публикующих научную фантастику и материалы, родственные ей по тематике и проблемам, приближается к миллиону. Но и столь бурный поток не удовлетворяет растущие "научно-фантастические" потребности советских граждан, как о том свидетельствуют компетентные советские источники:

"Научной фантастикой увлекается ныне подавляющее большинство молодых читателей. В поисках этой литературы они проявляют завидное упорство..." (интервью "Литературной газеты" с писателем-фантастом Аркадием Стругацким, май 1985 г.).

Такая высокая престижность и окупаемость жанра существовали не всегда. С конца 30-х и до середины 50-х годов НФ была, в сущности, тупиковой ветвью советской словесности, адресовалась подросткам и юношеству, то есть проходила по ведомству детской литературы, да и здесь находилась на положении бедного родственника – числилась в жанровой "семье", не вызывая ни уважения критиков, ни интереса читателей.

Стремительное продвижение жанра из литературного захолустья в литературную метрополию приходится на шестидесятые годы. Его длящийся поныне расцвет был ознаменован появлением двух произведений трех авторов – романа "Туманность Андромеды" И. А. Ефремова и повести "Страна багровых туч" А. Н. и Б. Н. Стругацких.

Хотя И. Ефремов публиковался с середины сороковых, а братья Стругацкие дебютировали только во второй половине 50-х, все трое воспринимались как "новая волна" и в пределах жанра, и в более широком контексте оживления и обновления всей общественно-культурной ситуации в стране после XX съезда.

Будущее, однако, показало, что одновременное восхождение Ефремова и Стругацких на самом деле было знаком одновременного появления двух даже не просто различных, но противостоящих направлений не только и не столько внутри самого жанра, сколько в идеологической раскладке внутри советского общества в течение последующей четверти века. Линия, идущая от Ефремова, в лице его учеников и последователей, привела к возникновению и разрастанию особого пласта нынешней НФ.

И. А. Ефремов умер в 1972 году. После "Туманности Андромеды" (1957) он написал еще несколько крупных произведений, из которых роман "Час быка" пользовался не меньшей популярностью, чем первый прославивший его роман. В целом оставленное им наследие позволяет говорить не столько об эволюции мировоззрения, сколько о все более четкой выраженности неизменных взглядов и интересов, из которых глав-

ным был отнюдь не научно-технический, но антропологический и исторический. Антропология и историософия Ефремова носят ярко выраженный характер манихейского разизма. Добро и Зло, определяющие, по его концепции, ход мировой истории, четко распределены по культурно-этническим регионам: греко-индийская ойкумена воплощает Добро ("Великая дуга", по терминологии писателя), а ближне- и дальневосточная (семитская и китайская) — Зло. Отсюда вытекают антииудаизм и антихристианство Ефремова, типологически совпадающие с протонацистской теософской гностикой.

Последний роман И. Ефремова, "Таис Афинская", — уже не научно-фантастический в принятом терминологическом смысле, но историко-фантастический с заменой истории как науки на историософское откровение.

Что до братьев Стругацких, то они и сегодня — самые популярные советские писатели-фантасты. Если вывести за скобки несомненную художественную эволюцию (отработка стиля, создание собственного "космоса" со своей историей, природой, населением и конфликтами, особый психологический тип главного героя и т. д.), братья Стругацкие остались верны себе, верны тому комплексу идей, с которым они пришли в литературу, — так же как Ефремов был верен своему комплексу и как верны Ефремову его нынешние последователи.

Идейный комплекс Стругацких можно условно назвать "комплексом 56-го года" с его неизжитым шоком тоталитаризма (не только советского), подчеркнутым пиететом к "непреодоляющим ценностям" нравственности и культуры, постоянным болезненным ощущением угрозы, нависшей в XX веке и над культурой, и над самим существованием человека; внимание сосредоточено на взаимоотношениях личности с тоталитарным обществом, корнях этого общества в прошлом и его видах на будущее, на его возможных разновидностях — от теократии и политической диктатуры до тоталитарных потенциалов "общества массового потребления".

Иными словами, перед нами не что иное, как темы, проблематика и общее умонастроение советского либерально-демократического диссидентства шестидесятых годов: Стругацкие — его последние могикане в советской НФ, а то и вообще в советской литературе.

Но если братья Стругацкие верны прежним идеалам, а с другой стороны, "школа Ефремова" верна заветам своего отца-основателя, то каким образом в 60-е годы стала возможной аберрация, когда и Ефремов, и Стругацкие равно воспринимались как знаменосцы либерализма и прогресса — до такой степени, что самый жанр, ими представляемый и по существу ими же заново рожденный, расценивался как "диссидентский"?

Причина идейного дальтонизма "шестидесятников" не только в отсутствии необходимого культурно-исторического опыта (в частности, недостаточная осведомленность об эзотерических и мифологических компонентах нацистского расового учения). Она глубже: в особой связи между атмосферой советских 60-х годов и особенностями НФ как жанра, его социальным характером и несколько большей, чем у других видов литературы, возможностью вместить те именно проблемы, которые оказались главными для советского общества после смерти Сталина.

Научно-фантастическая литература, возникшая в 60-е годы, не продолжала традиций русской дореволюционной фантастики и ранней советской фантастики по причине их немощи; научная фантастика не была укоренена в русской классической культуре, в отличие от западной, где ее генезис принято возводить к Платону и Бэкону; развитие жанра в 20-е годы было резко прервано в 30-е.

С другой стороны, НФ шестидесятых годов не начинала и с того места, где остановились Жюль Верн и Герберт Уэллс, произведения которых постоянно переиздавались и всегда были популярны в Советском Союзе. Новая советская фантастика прямо ориентировалась на мировую Science Fiction, которая сформировалась на Западе к началу тех же шестидесятых.

Начиная с 1958 г. в СССР регулярно переводились и издавались такие популярные фантасты, как Ст. Лем, А. Азимов, Р. Брэдли, А. Кларк, Р. Каттнер, Р. Шеколи, чьи произведения встряхнули общество, пожалуй, не меньше, чем "второе пришествие" Хемингуэя, Ремарка (оба переводились в 30-е годы, но полностью выпали из литературного оборота в последующие десятилетия), а из новых — переводы Фолкнера, Сэлинджера, Керуака, романы английских "сердитых молодых людей", и т. д.

Западную SF этого времени можно определить как литературу "мысленного эксперимента", прежде всего социально-психологического; ее общее интеллектуальное состояние — кризис веры в оптимистический позитивизм XIX века и благотворность технического прогресса; ее гносеологическое кредо — индетерминизм, а образ мира — антиутопия взамен утопии, в жанре которой преимущественно реализовала себя научная фантастика прошлого века.

Западная SF приобрела достаточно жесткий набор типологических признаков, отделяющих ее от таких родственных ей явлений, как приключенческая беллетристика, детектив, "роман тайн" и т. п.

Из коррелятивных признаков SF отметим — по необходимости бегло и кратко — следующие, для нас наиболее существенные: прямая (фабульная) связь с научно-техническими достижениями и представлениями; построение — на сюжетном уровне — альтернативных социологических, исторических, психологических, биологических моделей существования; космос как наиболее предпочтительное пространство действия; отчетливый примат общих концепций (философских, социальных, моральных) над собственно художественными элементами, такими как стиль, обновление приемов повествования и проч.

Нетрудно заметить, что из перечисленных примет жанра по крайней мере две — построение альтернативных социологических моделей и примат общеполитических концепций — самым чувствительным образом касаются статуса советской культуры как явления моноидеологического и подотчетного; они касаются самой этой "моноидеологии", перед которой нужно отчитываться.

Дело не только в том, что право на социологическое моделирование в советском обществе монополизировано властью и ни в коем случае не может быть передано в руки частного лица, доверено самодеятельному писателю. И коммунизм, единственная социологическая модель, и лежащая в ее основе общеполитическая концепция (марксистско-ленинское учение) принадлежат иной сфере, чем политика или даже идеология власти. И политика, и идеология могут меняться — либо громкогласно, в открытую (внутренняя и отчасти внешняя политика партии и государства после XX съезда), либо постепенно и, так сказать, явочным порядком (русификация идеологии, предпринятая Сталиным во второй половине 30-х годов и завершившаяся "национализацией" всех сторон общественной жизни к началу 50-х).

Но коммунизм как идеал и марксизм-ленинизм как средство его достижения — это святая, сакральная власть, мифологическое ядро идеологии, табуированное, как всякая святая, и не подлежащее не только каким бы то ни было изменениям, но даже просто пристальному разглядыванию и уточнению.

Успех "Туманности Андромеды" был в немалой степени вызван тем, что И. Ефремов, изобразивший в своей утопии коммунистическое человечество V тысячелетия нашей эры, ни в чем, казалось, не погрешив против марксистской догмы (в его будущем все люди исключительно красивы, дети "обобществлены" и воспитываются в особых заповедниках, отношения между людьми основаны на свободе чувств, процветает культ человеческого тела в духе и стиле книг о древней Греции для подростков и юношества), — на самом деле нарушил табу прикосновением к идеалу и перенесением его в реальность повествования.

Дополнительный эффект состоял в том, что реальность советского общества, ханжеского по своей морали и мещанского в своих эстетических представлениях, не имела

ничего общего с марксистским сакральным мифом. Изображение коммунистической утопии оказалось оппозиционным по отношению к существующей реальности, высшим идеалом которой как раз и провозглашалась эта самая утопия.

Что коммунистическое будущее у Ефремова пропитано самым примитивным ницшеанством; что звездолет, на котором герои романа штурмуют космос, называется "Тантра" — и это не просто звучное слово, но символ индуистской мистической мудрости, вошедшей вместе с коммунистическими ингредиентами в ефремовскую рецептуру грядущего счастья и гармонии, — всего этого официальная критика, присудившая Ефремову первую премию за "Туманность Андромеды", очевидно, просто не поняла, а либерально настроенный, интеллигентный читатель, если и обратил внимание на эти подробности, то, конечно, поставил их в заслугу автору: оценка всего, что не вмещается в официальную идеологию, как безусловно позитивного, — самая характерная черта советского свободомыслия шестидесятых годов.

Но эта парадоксальная ефремовская оппозиционность, объясняющая огромный успех романа (чи художественные и жанровые достоинства, на наш взгляд, весьма сомнительны), ничего не объясняет в непрерывно возраставшей популярности братьев Стругацких. Идеологический заряд их творчества был, как уже сказано, совершенно иного свойства.

В повести "Трудно быть богом" (1966), которая до сих пор остается одним из самых известных произведений Стругацких, описана некоторая отдаленная планета, куда заброшена группа научных сотрудников института экспериментальной истории Земли (действие происходит в XXII веке, на Земле повсеместно победил коммунизм). Цель экспедиции — изучить на месте, так сказать, в полевых условиях, феодализм: политический строй инопланетного государства близок к абсолютной монархии, а характер цивилизации напоминает европейское Средневековье. В ходе повествования монархия рушится в результате восстания или путча "третьего сословия" — Серых. На улицах бесчинствуют отряды лавочников и мещан, именуемых в книге штурмовиками.

Но, оказывается, штурмовиками тайно руководит третья сила, которая и захватывает власть, — "святой орден", так называемые Черные. На смену просвещенному и сравнительно либеральному абсолютизму приходит теократия с тотальным идеологическим контролем и террором. Суть происшедшего главный герой, посланец Земли, формулирует следующим образом: "Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные". (Он же прямо называет бунт Серых фашистским.)

Легко заметить, что концептуальную основу повести составили представления, ходкие в либеральном слое советской интеллигенции 60-х годов: "фашизм — идеология мелких лавочников", в применении же к советскому опыту и советскому обществу, где ни крупных, ни мелких лавочников никто уже много лет в глаза не видел, — мировоззрение и мироощущение мещанства, понимаемого не как социально-сословный, но как психологический тип массового человека, тип, чуждый и враждебный независимости личности, разуму и прогрессу, и в силу своей интеллектуальной трусости и низости испытывающий потребность в общезначимой и общеобязательной идеологии квази-религиозного типа.

Понимание немецкого фашизма как "возврата к средневековому варварству" досталось советской интеллигенции по наследству от довоенной антифашистской литературы: и советской, и в особенности зарубежной, в первую очередь под влиянием Лиона Фейхтвангера, Бертольта Брехта и Томаса Манна, а черты теократии, открытые в послевоенном периоде сталинского правления, — это результат собственных размышлений советских интеллигентов над недавним прошлым.

Таким образом, схема, предложенная Стругацкими, понятая и принятая читателями, выглядит примерно так: революция ликвидировала монархию (изображенную авторами не без симпатии, в стиле Дюма), но подняла на поверхность низы — мещанство, которое и открыло ворота сталинской идеократии, точнее теократии.

Обратим внимание: фашизм оказывается темой научной фантастики. А ведь фашизм есть, во-первых, явление недавнего прошлого, фантастика же традиционно устремлена либо к отдаленному прошлому, либо к отдаленному будущему; во-вторых, фашизм как социальное явление не соотносится (по крайней мере, для советского общественного сознания) с научно-техническим прогрессом — центральной темой и мировой SF, и советской НФ.

В чем дело? Почему анализ "такого явления в истории, как фашизм" был предпринят писателями-фантастами, а не трезвыми реалистами, не философами, не историками и социологами? Ответить на этот вопрос можно, рассмотрев сдвиг понятия "фашизм" в советском обществе шестидесятых годов.

Пересемантизация языка в определенной среде в определенное время — явление довольно обычное, как обычно и то, что уже следующее поколение вырабатывает собственный словарь, а тексты, доставшиеся от недавнего прошлого, становятся в большей или меньшей степени непроницаемыми именно потому, что кажутся совершенно понятными: ведь речь идет не о жаргоне или сленге, но о новом значении общеупотребительных слов.

Переосмысленным оказалось слово "фашизм": в диссидентских и околодиссидентских кругах, в широких слоях оппозиционно и либерально настроенной интеллигенции фашизм означал не только нацизм или вообще тоталитаризм, но прежде всего — сталинизм.

Такое "расширение термина" было продиктовано в конечном счете не соображениями языкового и тематического камуфляжа (говоря о Гитлере и нацизме, подразумевать Сталина и Большой террор), но искреннем убеждении, что сталинизм и нацизм — одно и то же. (Это убеждение особенно укрепилось после появления в 1964 году документального фильма Мих. Ромма "Обыкновенный фашизм".)

Если в рамках официальной культуры о фактической стороне событий недавнего прошлого ("как оно было на самом деле") узнавали из публицистики, из документальной и мемуарной литературы; если художественно, в традиции русской классики, воссоздать облик этого прошлого сумел большой писатель-реалист ("Один день Ивана Денисовича", 1962), если выразить и удовлетворить общественную потребность в новой литературе, обращенной к конкретному — "простому", "обычному", "молодому" человеку — современнику во всех реалиях его быта, с его психологическими и моральными нуждами, начисто изъятыми из бездарной и живой сталинской литературы, смогла быстро возникшая группа молодых прозаиков, представителей так называемой городской, или молодежной прозы, — то ставить и решать самые общие проблемы функционирования социальных систем, законов исторического развития и причин социально-исторических катастроф смогла только научно-фантастическая литература.

Еще одна причина высокого престижа НФ в эти годы связана с первой составляющей термина — "научная". Интеллигенция, живущая в условиях девальвации общих понятий и высоких слов, разуверившаяся в идеологических построениях, видела в науке вообще и прежде всего в ее новых, "авангардистских" жанрах (кибернетика, генетика, бионика, информатика, семиотика), еще недавно объявленных вне закона, естественного противника "идеологии" и союзника в борьбе с отнюдь не исчерпавшим себя тоталитарным потенциалом господствующей доктрины. Наука — воплощение бескомпромиссной истины, наука — антипод идеологии, превратилась в объект поклонения и символ веры, что сообщило советской интеллигенции 60-х гг. черты мировоззренческого и психологического родства с русской революционной демократией 60-х годов прошлого века, "шестидесятниками" в традиционном смысле этого слова.

Сходство особенно проявилось в том, что наука прельщала не сама по себе, как холодная, объективная, безразличная к человеческим страстям истина, но привлекала возможностями ее социальных приложений, вдобавок выражаемых не на аутентичном

(научном) языке, а через художественную, научно-популярную и научно-фантастическую литературу.

Результаты опросов показывают, что на протяжении всего десятилетия 1960–1970 растет популярность братьев Стругацких и падает популярность Ефремова. Самым читаемым произведением НФ в 1967 году была повесть "Трудно быть богом", романы же Ефремова — "Туманность Андромеды" и "Лезвие бритвы" (1963) — оказались, по данным библиотечных анкет, на 11 и 12 месте.

Опрос общественного мнения, касающийся искусства и литературы, всегда больше характеризует общество, нежели истинную ценность того, что именно оно предпочитает. Стругацкие, действительно, писали все лучше и лучше. "Трудно быть богом" несравненно интереснее и значительнее, чем первая их повесть "Страна багровых туч". Однако и Ефремов писал отнюдь не хуже, чем раньше, не говоря уже о том, что текст "Туманности Андромеды" остался в 1967 году таким же, каким был десять лет назад.

Изменился читатель, изменилось общественное сознание. В правомерно-коммунистической "преамбуле" Стругацких (фон большинства их произведений, а не только повести "Трудно быть богом", — всемирная победа коммунизма, XXII век) читатель видел необходимую уступку и условность; сняв эту обертку, он находил драматические конфликты, социальные проблемы и нравственно-психологические противоречия своего времени и своего общества. Что же касается И. Ефремова, то при всей неортодоксальности отдельных его идей (подлинный характер и источник которых так и не был понят и разгадан) в самом стиле его сознания и письма интеллигентный читатель ощущал нечто глубоко родственное сущности и "стилистике" власти.

Смена симпатий, перемена в отношении к ведущим авторам советской НФ в течение неполного десятилетия четко указывает на изменения в характере оппозиционного сознания: оно расстается с иллюзиями, возникшими в медовый период хрущевских реформ, и постепенно теряет надежды на сотрудничество и взаимопонимание между интеллигенцией и властью.

Мы назвали три имени. Но в эти же годы, в рекордно короткий срок сформировалась целая группа писателей-фантастов. Братья Стругацкие, Гансовский, Варшавский, Парнов, Емцев, Шефнер, Громова, Мирер, Биленкин, Брандис, Дмитриевский — таков их далеко не полный перечень.

Значительная часть молодых авторов были уже не очень молодыми людьми и пришли в НФ из мира науки. Так, один из Стругацких — ученый-японист, другой — астроном; Илья Варшавский, создатель советской сатирической фантастики, — инженер-физик; Рафаил Нудельман, один из первых в советской литературе теоретиков жанра, — физик; Кир Булычев — востоковед. И так далее. Следует отметить и другую особенность группы: подавляющее большинство фантастов 60-х годов — евреи.

Вопрос "почему?" и ответ на него неизбежно увел бы нас в область спекулятивных построений. Существует, однако, выразительная параллель между массовым участием евреев в демократическом диссидентском движении и массовым их приходом в НФ. Это, по нашему мнению, лишний раз доказывает глубинную связь между формированием либерально-демократической оппозиции и научной фантастики 60-х годов.

Социальная значимость НФ ярко проявилась уже в оформлении книг. Несмотря на общее потепление политического и культурного климата (а быть может, именно поэтому), партийно-административный аппарат во главе с Хрущевым оказывал жесточайшее сопротивление модернизации искусства, особенно изобразительного. Пресекались любые попытки заменить примитивный реализм в духе отсталого — даже для XIX века — передвижничества более современными стилями и формами.

Едва ли не первый прорыв этой агрессивной обороны был совершен в области графического оформления изданий НФ. Пользуясь тем, что соответствие оформления стилю, духу и букве иллюстрируемого произведения почиталось аксиомой эстетики, моло-

дые и авангардистски настроенные художники-иллюстраторы снабжали издания НФ абстракционистскими орнаментами ("кабина космического корабля"), сюрреалистическими фигурами ("как иначе может выглядеть инопланетянин, если в тексте сказано, что у него три глаза и щупальцы вместо рук?"), пейзажами, напоминающими живопись фовистов ("закат на Марсе", "рассвет на Амальтее"). Сама внешность книги похищала оппозиционностью.

Безошибочное "классовое чутье" литературного круга, сложившегося в сталинские годы и не желавшего сдавать свои позиции, угадывало в НФ не просто новое явление литературы, нежелательное, как все новое, но злонамеренно иносказательный жанр. Показательна в этом смысле одна из рецензий на повесть Стругацких "Улитка на склоне", носившая характер политического доноса:

"Это произведение, названное фантастической повестью, является не чем иным, как пасквилем на нашу действительность... Авторы не говорят, в какой стране происходит действие, не говорят, какую информацию имеет описываемое ими общество. Но по всему строю повествования, по тем событиям и рассуждениям, которые имеются в повести, отчетливо видно, кого они подразумевают... Общество, показанное А. и Б. Стругацкими, — это конгломерат людей, живущих в хаосе, беспорядке, занятых бесцельным, никому не нужным трудом, исполняющих глупые законы и директивы. Здесь господствует страх, подозрительность, подхалимство, бюрократизм."

Рецензия появилась (в 1968 г., вслед за появлением повести) в газете "Правда Бурияти", но это не значит, что консерваторы вели арьергардные бои. Резкие нападки на Стругацких, на НФ вообще публиковались и в центральной прессе (см., например, статью Вл. Немцова "Для кого пишут фантасты?" — "Известия", 19 янв. 1966).

Тем не менее время работало на НФ. Огромный успех нового жанра затруднял открытую борьбу с ним. Этот успех выражался, в частности, в том, что фантастика существовала одновременно как бы в двух ипостасях — собственно литературной и общественно-организационной: во многих городах, преимущественно в средних и высших учебных заведениях, возникли клубы научной фантастики.

К началу семидесятых годов НФ могла праздновать победу: авторы, составившие ее лидирующую группу, публиковались бесперебойно и беспрепятственно. Выпуски НФ мгновенно раскупаются, регулярно выходят в свет альманахи "Фантастика", выпускаемые издательством "Молодая гвардия", ежегодники "Фантастика", многотомные серии "Библиотека современной фантастики", "Зарубежная фантастика"; научно-фантастическую литературу поставляют известные престижные издательства: "Мир", "Знание", "Детская литература", "Мысль", "Советская Россия".

Положение внезапно и резко меняется во второй половине 70-х годов: начинает замирать творческая активность авторов-пионеров и основателей НФ, ликвидируются клубы, общественное существование НФ регламентируется Всесоюзным советом при Союзе писателей. Заметно сокращаются издания серий и альманахов; выпуск научно-фантастической литературы почти всецело монополизирует издательство "Молодая гвардия".

Происходит "герметизация" жанра: если прежде поклонники НФ жили в открытом мире, лишь с небольшим опозданием знакомясь с образцами новейшей зарубежной SF, то теперь новинки остаются неизвестными, произведения западных "звезд" почти не переводятся.

Между тем западная Science Fiction последних полутора десятилетий изменила свою стилистику и тематику. Оставаясь по-прежнему антиутопической, она разворачивает свои профетические и предостерегающие фантазии не на материале физики, кибернетики, биологии, как в недавнем прошлом, но обращается к социальной антропологии, культурологии, экологии, глубинной психологии.

Все это означало, что ведущие темы современной цивилизации снова, как в 50-е годы, выпали из обихода советской научной фантастики.

Из группы "шестидесятников" активно и с неизменным успехом продолжают работать только Стругацкие. Однако отряд фантастов не уменьшился, наоборот. Приход новой смены беллетристов обозначил возвращение НФ к "корням и почве".

Этот поворот, как и следовало ожидать, сразу возвестил о себе переменной графического знака: вместо сюрреалистических пришельцев и абстрактного космоса с обложек научно-фантастических книг улыбаются древнерусские красавицы в кокошниках и былинные богатыри. Теперь альманахи НФ неотличимы от сборников русских народных сказок.

Зная о смене ситуации в советском обществе, хронологически точно совпадающей с "контрреволюцией" в НФ, об угасании либерально-демократической оппозиции и замене ее националистическим диссидентством, логично было бы предположить, что произошла русификация и "национализация" жанра в силу имплицитно присущей ему чуткости к общественному веяниям.

Но на самом деле фантастика оказалась куда фантастичней...

Продолжение в следующем номере

Борис ПАРАМОНОВ (Нью-Йорк)

КОЕ-ЧТО О ЧЕХОВЕ

1.

В англоязычной славистике появилось интересное исследование о Чехове, заполняющее некий методологический пробел в соответствующей научной литературе. Это работа американского слависта Джеймса Кертиса "Эфебы и провозвестники в чеховской "Чайке", напечатанная в осеннем (1985 г.) выпуске ежеквартальника "Slavic Review". Название работы требует объяснения. Эфебами в Афинах назывались молодые люди, не обладавшие еще полной гражданской прав, но подготавливаемые обществом к этому, — некие классические "допризывники". Сама же смысловая противопоставленность эфебов и провозвестников — это термины литературоведческой теории крупного современного американского ученого Гарольда Блума, одного из вождей влиятельной школы так называемого деконструкционизма. Работа Блума, которую частично использует и с которой в то же время полемизирует Дж.Кертис, называется "Бремя влияния"; она посвящена острому в литературоведении вопросу о движущих силах литературной эволюции. Блум переводит этот вопрос в психологический план, силится увидеть в этой эволюции прежде всего борьбу "отцов" и "детей", понятую в ключе фрейдовского психоанализа, в терминах знаменитого эдипова комплекса. Отцы и дети — это и есть провозвестники и эфебы у Блума. Дж.Кертис старается преодолеть методологическую установку Блума, его, как он говорит, психологический и биографический редукционизм, введя этот конфликт в социологический контекст. Точнее даже будет сказать — не преодолеть, а расширить за счет социальной корреляции указанного конфликта. Вот это и есть заполнение пробела: необходимая социологизация литературной истории. Странно, но именно в Советском Союзе, с его марксизмом, начисто исчезли попытки социологического анализа литературных явлений. Целый метод, в свое время "вульгаризированный", оказался выброшенным на свалку. Это можно приветствовать как неважное признание тщеты марксизма в каком-то из вопросов, но и утрата здесь весьма ощутима. Как нельзя сводить литературу к социальному происхождению писателя, так ведь и социологию не следует сводить к марксизму. Она может открыть много интересного. Это показывает и доказывает работа Дж.Кертиса.

В своей — правомерной до известных пределов — социологизации творчества Чехова Дж.Кертис указывает прежде всего на тот общеизвестный, но мало учитываемый

факт, что Чехов был первым в России крупным писателем-неаристократом. Само это сознание своей, так сказать, социальной неполноценности было очень острым у Чехова, об этом имеются десятки свидетельств и признаний самого Чехова; вспомним хотя бы весьма частые у него слова о том, что роман как литературный жанр — дворянское дело, не удающееся писателям-разночинцам. Тот факт, что Чехов сделал высокий жанр из короткого рассказа, выражает в какой-то степени осознание им своей социальной противопоставленности дворянским гигантам русской литературы. Мы сказали "в какой-то степени", потому что эта противопоставленность была все-таки действенной прежде всего в психологическом плане, а область психологии, как показал тот же Фрейд, — это в значительнейшей мере область бессознательных душевных движений. Таким образом Дж.Кертис совмещает в своем анализе Чехова оба подхода: и психологический, и социологический; но в последнем он выдвигает на первый план не мотив "классовой борьбы", как это сделал бы, допустим, советский литературовед из пресловутой школы "вульгарного социологизма", а именно психологическое содержание: любые человеческие конфликты неизбежно происходят в человеческой душе, то есть психологизируются.

"Провозвестником" Чехова, по Кертису, был Тургенев — потому что в нем для Чехова больше и заметнее всего был выражен этот аристократический характер всей его личности, чего не было, допустим, ни у Достоевского, герой-аристократы которого — непременно злодеи, ни у Толстого с его подчеркнутым народничеством. Чехов ощутил себя как новый тип писателя именно в противостоянии Тургеневу. Это сказалось у него достаточно рано: по утверждению Дж.Кертиса, уже в юмористическом рассказе 1883 г. "В ландо". Некий барон Дронкель разглагольствует о Тургеневе в день его похорон. Высказывания Дронкеля о Тургеневе даны в сатирическом ключе, они должны показать его, Дронкеля, как светского пошляка, — но ведь главное здесь то, что Чехову вообще потребовалось к р и т и ч е с к о е суждение о Тургеневе; Дронкель в этом смысле — маска, необходимость которой вполне понятна именно у начинающего писателя, не дерзающего впрямую нападать на авторитеты, а может быть, и не сознающего до конца свою оппозицию классикам. Как раз психологически это вполне убедительно; такая позиция называется амбивалентной. Нам вроде бы неясно, кого же критикует Чехов, Дронкеля или самого Тургенева, да и кто критикует — автор или его герой. Но это именно замаскированный бунт. Так происходит преодоление "бремени влияний", — в том, что Г.Блум назвал "неправильным прочтением", заведомо искаженным восприятием.

Полностью, однако, оппозиция Чехова и Тургенева, оппозиция эфеба и провозвестника, проявилась в чеховской "Чайке". Это, конечно, пара Тригорин — Треплев, писатели признанный и начинающий. Нужно при этом вспомнить, что "Чайку" написал уже достаточно зрелый Чехов, и в ней он выступает не только как эфеб, но и как провозвестник; другими словами, он выразил себя как в Треплеве, так и в Тригорине. Противопоставление здесь не однозначно; с одной стороны, Тригорин постоянно говорит о том, как ему ставят в пример Тургенева (позиция эфеба); с другой стороны, Треплев, недовольный своими литературными пробами, вспоминает о том, как пишет Тригорин, — и приводит из него образцы, взятые Чеховым из собственного творчества, например знаменитое описание лунной ночи, осколок бутылки, блещущий на плотине, и т.д. Пример заимствован из рассказа Чехова "Волк". Дж.Кертис пишет, что Чехов столь остро пережил провал "Чайки" в 1896 г. именно потому, что увидел в нем повторение одной из сюжетных ситуаций самой пьесы — провал Треплева с его драматическим опытом в первом действии; таким образом, сама жизнь как бы указала Чехову, что он еще Треплев, а не Тригорин, эфеб, а не провозвестник.

В анализах Дж.Кертиса есть еще один чрезвычайно интересный сюжет: он увидел в "Чайке" переосмысленную ситуацию шекспировского "Гамлета". Аркадина и Тригорин — то есть мать и ее любовник — это Гертруда и король Клавдий, а Треплев и Нина Заречная — Гамлет и Офелия. Переосмысление здесь в том, что Тригорин выступает не как узурпатор, а как настоящий король, в то время как Треплев-Гамлет доказывает в чеховской пьесе свою неподлинность. Интересно, что в теме Гамлета мы опять встречаемся с тургеневскими ассоциациями у Чехова. В знаменитой своей статье "Гамлет и

Дон-Кихот" Тургенев назвал последнего "подлинным джентльменом". Противопоставляя себя Тургеневу, Чехов должен был почувствовать себя Гамлетом — коли образ джентльменства, в данном случае — аристократичности, прочно увязывался у него с Тургеневым. В таком случае в Гамлете у Чехова на первый план выступает начало неподлинности, неполноценности. Кертис выстраивает следующую схему: Чехов — эфеб; Треплев — эфеб; эфеб — это парвеню; парвеню — это Гамлет; Гамлет противостоит Дон-Кихоту; Дон-Кихот — это Тургенев; Тургенев — это Тригорин; а Тригорин — это Чехов. Такова сложная психологическая динамика чеховской "Чайки", в которой, повторим еще раз, Чехов выступает в обеих ролях — и Треплева, и Тригорина, то есть в позиции эфеба, становящегося провозвестником. Самоубийство Треплева в пьесе — это попытка Чехова убить в себе эфеба.

Но обращение к теме Гамлета имеет у Дж.Кертиса еще один смысл: в принижении этого классического образа сказывается у Чехова осознание им противопоставленности русской и западной литературы, сказывается бунт против последней. Уже не Тургенев, а Шекспир является здесь провозвестником, с которым ведут борьбу эфебы молодой русской литературы. Этот конфликт приобретает в данном случае не только социологические и психологические, но также историко-культурные черты, он выступает в качестве иллюстрации к традиционной теме "Россия и Запад". Так тонкий психологический и социологический анализ одного из произведений русской литературы позволяет американскому ученому увидеть под неожиданным углом зрения важнейшее содержание русского культурного процесса. Традиционные наши темы обнажают под пером Дж.Кертиса свою микроструктуру. Его статья о Чехове провоцирует русского исследователя к дальнейшему развитию темы о Чехове в предложенном им ключе: увидеть явление Чехова в культурно-социальном контексте его времени.

2.

Написано у нас о Чехове много, эта фигура никак не может быть названа отодвинутой в тень. Высокая оценка Чехова как писателя сложилась достаточно прочно, — но нельзя сказать, что Чехов понят как целостное явление, еще шире — как феномен русской культурной жизни и как пример русской судьбы. Между тем в этом отношении он значим не менее, чем Пушкин или Толстой. Значительность, масштабность фигуры Чехова как-то не входят в сознание даже самых горячих его поклонников, Чехова как-то трудно назвать "гением". Его канонический образ — скромного, не лезущего на передний план человека — совершенно заслонил подлинное лицо Чехова. Но значительный художник не может быть "простым человеком" — "тихим" и "скромным": новое содержание, им в жизнь вносимое, всегда — скажем так — революционно. Чехов — революционное явление, и не только как писатель (это не оспаривается), но и как новый тип русского человека, очередная ступень в движении русской жизни.

Это до сих пор не было понято. Хотя представление о Чехове как "певце хмурых людей" было энергично опровергнуто (К.Чуковский в 40-е годы); хотя существует такая серьезная попытка углубить чеховскую проблематику, как статья Льва Шестова "Творчество из ничего"; хотя нет недостатка в чисто эстетическом превознесении Чехова (образец — статья молодого Маяковского "Два Чехова"), — все же нельзя считать понимание Чехова хотя бы выведенным на уровень современности — современного нашего представления о России, русской истории и русской литературе. В этом отношении существует даже опасность модернистской стилизации Чехова, чему дает пример во многом ценная книга недавнего эмигранта из Советского Союза Э.Бройде: увлекшись противопоставлением Чехова русской интеллигентской традиции,¹ автор сделал из него вариант Достоевского, пророка грядущего тоталитаризма, хотя отталкивание Чехова от интеллигентской идеологии далеко не было полным: для него характерно амбивалентное отношение к традиционным интеллигентским ценностям, отталкивание и притяжение одновременно; для него, плебея и "парвеню", интеллигентская субкультура подчас

¹ Здесь и далее термин "интеллигенция" употребляется в смысле, данном ему "Вехами": не интеллектуальная элита, а секта радикальных фанатиков.

отождествлялась с культурой как таковой. Но здесь мы уже коснулись проблематики самого Чехова; и прежде чем перейти к этому вопросу, резюмируем вышесказанное: необходим синтетический портрет Чехова (анализ уже недостаточен), необходима ассимиляция Чехова культурным сознанием во всей полноте его тем; нужно увидеть в Чехове некий культурно-исторический символ; видеть в нем только писателя — как-то не в русской традиции, нам (да и не только нам) не к лицу такой "формализм". Но существующая литература о Чехове этой необходимости не отвечает.

Одним словом, Чехова нужно понять. Я решаюсь сказать, что до сих пор он не был понят.

Получилось так, что Чехова не к чему привязать — как, к примеру, Пушкин привязан к Николаю I ("поэт и царь"), а Толстой — к русской деревне ("зеркало русской революции"). Даже эти, достаточно примитивные, этикетки делают какую-то работу — они выводят обоих за грань "только литературы", дают какую-то общекультурную ориентацию Пушкина и Толстого. С Чеховым этого нет, потому что мы не знаем его эпохи, — на ее месте зияет пустота, которую мудрено заполнить даже тому, кто, в общем, понимает вздорность определения чеховского времени исключительно как "эпохи реакции". В русской истории мы настолько привыкли к "событиям", что промежуток 1881—1905, на который как раз и падает творчество Чехова и когда "ничего не происходило" (лучшее, что можно пожелать художнику в смысле эпохи), кажется нам и в самом деле пустым местом или, в лучшем случае, чем-то тусклым, бесцветным ("сумеречным" и "хмурым"). Эта aberrация определяет собой наше восприятие Чехова. Между тем эпоха Чехова была из тех, которые называются "органическими" (в противоположность "критическим"), — когда происходит действительный рост культуры, идет движение ее вглубь. Это живой процесс, независимый от какой-либо политики.

Константин Леонтьев говорил, что самое понятие "реакция" должно быть пересмотрено: всякая реакция — признак живого, реакций не бывает только у трупа. Не нужно делать труп из эпохи Чехова. Нужно увидеть ее позитивное содержание. Мы бы определили это содержание как вестернизацию демократических слоев русского общества. Русский дворянин — а за ним и деклассированный интеллигент — был западником или славянофилом. Русским европеем (не западником!) суждено было стать низовому человеку, далекому от движений столичной квази-европейской жизни. Подлинная европеизация России происходила там, где ее и по сию пору не заметили историки: в глубине русской жизни, в провинции. Чехов — одновременно — и символ, и реальное достижение этого процесса.

В русской политической истории начала века имело место событие, пролившее свет и на эпоху Чехова, шире — на смысл и содержание русской жизни после 1861 года: реформа Столыпина. Несомненно, она давала воодушевляющую перспективу, но в то же время была очень значима ретроспективно. Маргин Бубер говорит, что основной функцией политики является не изменение состояний, а регистрация и санкционирование произошедших изменений. Столыпинская политика проводилась во время первой русской революции и потому неизбежно была обставлена некоторыми нежелательными декорациями ("правительственный террор", всегда менее симпатичный, чем террор революционный), но в своей сути это была либеральная и западническая (лучше сказать — европейская) политика. Она распространяла достижения предшествующего периода — гражданское освобождение — на все русское население, переносила европейские социальные и правовые нормы в толщу русского крестьянства. Так закреплялись успехи предыдущего периода: вестернизация русской жизни на ее низах, в ее таганрогской глуши.

В жизни Чехова его хлопоты по установлению памятника Петру I в Таганроге имели символический смысл. Можно сказать, что "петербургский период русской истории" сменился "таганрогским": русская провинция выходила на свет мировой культуры.

В Чехове интересен прежде всего этот русский провинциал. Войдя в столичную литературу, он занял в ней новое и независимое положение между сходящей на нет дворянской культурой и культурой интеллигентской, которая, собственно, была не культурой, а идеологией. Он сам остро сознавал свою чуждость как той, так и другой: например, как уже упоминалось, объяснял свое неумение написать роман недворянским происхождением; что касается интеллигентской субкультуры, — у Чехова сразу же выра-

боталось сатирическое отношение к ней (один из примеров — рассказ 1886 г. "Хорошие люди"). Совсем не случайным было тяготение Чехова к правой прессе (дружба с Сувориным). Очень выразительным было также тогдашнее толстовство Чехова, заостренное прежде всего антиинтеллигентски: вчерашний "мужик" (одно из чеховских самоопределений) искал себе соответствующую идеологию. Но интересно, что Чехов, осторожный, как всякий выходец из низов, довольно скоро изменил эту позицию: почувствовал, что нужно ладить с людьми, господствовавшими в тогдашней "серьезной" журналистике.

Не нужно, однако, думать, что сближение Чехова с либеральной журналистикой объяснялось только такими тактическими соображениями. Отталкиваясь от интеллигенции в быту, не приемля ее антихудожественный житейский облик, он не мог не разделять ее идеалов. Чехов ценил в себе "университетского человека", защищал в письмах к Суворину материализм и повторял все ученые благоглупости того времени (вроде того, что вскрытие трупов души не обнаружило). В этом поклонении интеллигентским фетишам его провинциализм сказывался наихудшим образом.

Но провинциализм, мещанство Чехова имели и другое измерение. Это был резервуар его художественного творчества — и отнюдь не в сатирическом плане. Можно сказать, что лучшие вещи Чехова обязаны своим происхождением поэзии мещанского быта. То, что такая поэзия существует, нельзя оспаривать после Розанова, у которого она была осознана, провозглашена, подчеркнута. В Чехове, однако, ее не замечают и не сознают — как не замечал и не сознавал ее он сам.

Выразительнейший пример — с "Душечкой", восторженно оцененной Львом Толстым, который, в отличие от автора рассказа, не был связан интеллигентской идеологией; но самого Чехова не убедили толстовские восторги, он продолжал считать "Душечку" чуть ли не сатирой на "неразвитую" женщину.

"Розановский" пласт необыкновенно значим у Чехова, в нем родились лучшие его сочинения. Интересно, что одно из них он и сам считал лучшей своей вещью — рассказ "Студент". Напомню, что речь в рассказе идет о кануне Пасхи и Страстях Христовых. Бытовая церковность — одна из важнейших составляющих духовного облика Чехова. Страсть его к церковной службе, церковному пению нельзя не заметить, но она не привлекала до сих пор внимания (разве что Б.Зайцева, не сумевшего, однако, должным образом оценить этот факт). Я чрезвычайно далек от навязывания Чехову какого-нибудь "нового религиозного сознания", — Чехов не был религиозным человеком. Его церковность важна как стилистическая деталь; это и было "розановское" в нем — бессознательное тяготение к лаидстическому мещанскому быту. И в его творчестве вещи этого "мещанского" цикла, как "Душечка", "Студент" или "Бабы царство", резко противопоставлены "интеллигентскому" циклу, давшему, например, "Палату № 6".

То, что "серьезные" повести Чехова — не лучшие из его сочинений, замечали как современники Чехова (вроде Щеглова-Леонтьева), всегда острее видящие детали литературного процесса, так и наиболее изощренные истолкователи (Виктор Шкловский в "Теории прозы").

Предлагаю обратить внимание на характернейшую в бессознательно-психологическом плане вещь Чехова — святочный рассказ "Сапожник и нечистая сила". Этого сочинения, как известно, Чехов стыдился, его, несомненно, мучила совесть "университетского человека". Между тем этот рассказ — автопортрет Чехова, его самооценка, опыт самопонимания. Сапожник Федор Нилов, продав душу черту, попадает из грязи в князи. Он хочет играть на гармошке, но его останавливает городовой: господам не положено. Стоит ли говорить, что этот городовой — интеллигентская "идейная" критика.

Кажется, только немудрящий Лейкин правильно понял "Сапожника и нечистую силу", сумел оценить ее важность, характерность для Чехова. Он связал эту вещь с толстовством Чехова, одно время неоспоримым у него. Характерно это тяготение к Толстому: критика "господской" культуры, шедшая не от какого-нибудь Гольцева, а от самого крупного из русских людей.

Вещью автобиографической кажется мне у Чехова еще одна — "Каштанка", с ее ностальгией по столярному клею и древесным стружкам. Это не значит, конечно, что Чехов, — художник, артист — не любил цирк.

После сказанного уже не трудно догадаться, что автопортрет позднего Чехова — Лопухин из "Вишневого сада". Только этим можно объяснить пресловутые "тонкие пальцы артиста", набившие оскомину поколениям советских школьников.

Артистизм Чехова, таким образом, связан не с "культурой" а с мещанским бытом, вернее — с его преобразующим воспоминанием. Писатель Чехов — это провинциальный паренек, тоскующий в столицах о Таганроге.

Говоря о "мещанстве" Чехова, нельзя упускать из виду еще один специфический оттенок этого определения. Строго говоря, по-русски "мещанин" значит то же, что по-французски буржуа или по-немецки бюргер. Чехов был в России провозвестником буржуазной культуры. Это было как раз то, чего ей не доставало, — то, к чему вел ее Столыпин. Естественно, здесь термину "буржуазный" мы не даем никакого марксистского смысла, отнюдь не о "капитализме" мы говорим — а о городской, бюргерской культуре. Чехов был человеком такой культуры: деловой, мастеровитый человек, которому все удавалось. И может быть, поэтому Чехов "негениален" — в идее, в гено-типе своем: он, в отличие от буйных русский гениев (ибо гений и буйство две вещи нераздельные), — человек трезвый, владеющий собой, знающий свои границы. Дело не в размерах литературного таланта, — это был иной духовный тип, носитель иных ценностей, человек иной эпохи. Чехов видится нам психологически сродным с теми "инженерами", тип которых уловил Солженицын в предреволюционной России.

В "Доме с мезонином" художник говорит, что нужны не аптечки и не библиотеки, а университеты. Чехов истово в это верил — в своей интеллигентской ипостаси. Этой веры он не уступил даже Толстому, который, как известно, в университетах обучался неуспешно. Это не мешало, однако, самому Чехову в деревне заниматься аптечками — и даже торговать селедкой. Можно не сомневаться, что эта торговля шла у него хорошо, то есть, помимо филантропии, приносила еще доход.

Вспомнив еще раз Солженицына, повторим за ним, что России нужны не университеты — кузницы интеллигентских кадров, — а технические училища. Это подтверждает опыт Чехова — уже не "инженера", а именно "техника" — умельца-организатора, низового работника.

3.

Беда русской жизни в том, что Чехов все-таки вышел в гении.

Современные Чехову критики правильно заметили одну его черту — "пантеизм". Потом они же приветствовали его переход от "пантеизма" к "антропоцентризму" (как будто это не литературное творчество, а история древнегреческой философии); а Чехов в ответ утверждал, что не понимает последнего слова (понимал "антропос" Беликов). Это то же противопоставление, что в "Истории русской интеллигенции" Иванова-Разумника: "мещанство" против "индивидуализма". Предполагалось, что Россию спасут критически мыслящие личности. Чехов не зря притворялся не знающим греческих корней. Личность у него, всякая личность — величина исчезающая, попросту — смертная.

Гегель острил, что мир в системе пантеиста Спинозы болен той же болезнью, что и ее автор, — чахоткой. По-немецки это каламбур. Чехова сделал гением не медицинский факультет, а чахотка. "Пантеизм" Чехова и есть эта самая чахотка, которую он заметил в себе раньше, чем его критики: все-таки он был врачом.

Тема позднего Чехова — тема смерти. "Невеста", "Архиерей", "Вишневый сад" — это фантазии о смерти как преображении, — движение по ту сторону бытия. В "Вишневом саду" не быт дворянский умирает, а писатель Чехов. Но недаром ему понравился Ницше, сказавший, что больной не имеет права на пессимизм. Перед лицом смерти Чехов решился на подлинно артистический кунштюк, на цирковые сальто-мортале, — он сделал то, что позднее Томас Манн в "Волшебной горе": превратил смерть в комический персонаж. (Кстати, Т.Манн понимал значение этой темы у Чехова, в его статье о Чехове есть соответствующие слова.) "Вишневый сад" — не драма, а комедия, "местами даже фарс". Натурализм Художественного театра не должен был нра-

виться Чехову. Мейерхольд говорил А.Гладкову, что отношения Чехова с отцами-основателями МХТ отнюдь не были такими безоблачными, как пишут об этом в отрывных календарях. Чехов произвел переоценку ценностей: перед смертью исчезает качественная структурированность жизни. Какое ему было дело до дворянского быта! Дворян он не любил так же, как интеллигентов, даже заочно им хамил (Набоков, в английской версии его мемуаров, недоумевал по поводу "вспышки" Чехова в одном из его писем: выпад против набоковской тетки Прасковьи Гарновской).¹

"Вишневы сад" — это пьеса не о дворянах и не об интеллигентах, а о марионетках. Драматическая поэтика Чехова — водевиль, осложненный темой смерти. Смерть дает комическое разрешение жизненным драмам. Литературоведы должны заметить связь драматургии Чехова с "Месяцем в деревне" (ее, кстати, заметил, но недооценил Дж.Кертис): там тоже драма разрешается комедией, даже водевилем, — все выходят замуж. Я не люблю "Три сестры", здесь не выдержан комический жанр, к которому тяготел в пьесах Чехов: настоящая злодейка (Наташа), настоящая дуэль. А в водевиле, говорил Мейерхольд тому же Гладкову, все персонажи должны быть приятными. В последней пьесе Чехова приятен даже дурачок-интеллигент Петя Трофимов, и нужно было дубовое плебейство Горького, чтобы увидеть в нем паразита. В отличие от "Трех сестер" смерть в "Вишневом саде" присутствует не в грубой своей реальности, а как некий уравнивающий всех героев масштаб, "бесконечное". Комизм Чехова можно здесь увязать с романтической иронией. В поздних своих вещах Чехов — романтик, или, на жаргоне эпохи, "символист" (Андрей Белый о Чехове: "натурализм, истончившийся до символа"). Так же понял Чехова Питер Брук в недавней (1981 г.) постановке "Вишневого сада".

Моя статья намеренно конспективная и не должна отяжелиться цитатами, но все же от одной не могу удержаться — чтобы показать, если угодно, нигилистическое снижение Чеховым глубокоуважаемых культурных традиций:

Д у н я ш а (Яше). Все-таки какое счастье побывать за границей.

Я ш а. Да, конечно. Не могу с вами не согласиться. (*Зевает, потом закуривает сигару.*)

Е п и х о д о в. Понятное дело. За границей все давно уж в полной комплектции.

Я ш а. Само собой.

Ведь это же — "славянофильство и западничество", данное на языке лакейской, в оппозиции Яша — Фирс. И это же — искусство, ирония, сдвиг семантических планов. Художник (и одновременно мещанин, плебей) берет верх в Чехове над интеллигентом.

Гениальность Чехова и гибель русского европейца — явления одного порядка. Русская Европа — та самая, что была в Мелихове, — не удалась. Смерть Чехова была символическим событием, знаком русских судеб. Она значима не менее, чем гибель Пушкина или уход Льва Толстого. Россию не удалось европеизировать — потому что убили Столыпина и умер Чехов.

Нам предоставляется выбор: или оплакивать срыв русского европеизма, или радоваться еще одному русскому гению.

Тема Чехова — это тема незадающейся русской судьбы, высокой русской неудачи. Ибо гений, по словам философа, — это не дар, а путь, избираемый в отчаянных обстоятельствах.

В этот контекст должно ввести жизнь и творчество Чехова.

¹ Чехов не понимал и не умел писать людей высшего социального круга. Тайный советник в "Скучной истории" озабочен постройкой шубы для дочери: Николай Степанович превращен в Акакия Акакиевича. Мать Саши в "Иванове" — это не помещица, а таганрогская мещанка. Аристократ Орлов в "Рассказе неизвестного человека" сделан интеллигентом, читающим книги. Исключение — и очень удавшееся — только одно: реплика Лиды в "Доме с мезонином" — после аптек и библиотек: "Князь очень похудел и сильно изменился с тех пор, как был у нас. Его посылают в Виши".

ТАТЬЯНА ГНЕДИЧ, ПЕРЕВОДЧИЦА БАЙРОНА

К десятилетию со дня смерти (1907–1976)

Два года назад мне пришлось беседовать с выдающимся современным английским поэтом Стивенем Спендером; я спросил: кто его любимые поэты? Он назвал несколько английских имен и два-три иностранных: это были Гарсия Лорка, Поль Элюар и, кажется, Аполлинер. Тогда я спросил сэра Стивена, как он относится к русской поэзии. "Видите ли, — ответил он, — русским языком я не владею. Элюара или Лорку я могу читать в подлиннике; а вот Пушкина, например, я знаю только в переводах. Но любимым поэтом не может быть кто-то, кого вы читаете в переводе."

Действительно, можно ли по-настоящему полюбить поэта, знакомясь с ним через посредника, перелагающего его мысли и чувства на другой язык? Тем не менее отношение Спендера к переводной поэзии русскому читателю показалось бы странным. В России нередко ценители поэзии называли в числе своих любимцев чужеземных поэтов, известных им только по переводам. Причины могли быть различными, но несомненно, что мастерство русских поэтов-переводчиков сделало в нашей стране подлинно родными таких, например, поэтов как Генрих Гейне, Пьер Жан Беранже, Роберт Бернс или Джордж Байрон.

Впрочем, Байрон требует оговорки. Оказав огромное влияние на русскую литературу, он все же долгое время был знаком массе читателей по малохудожественным переводам и переложениям. Грандиозный стихотворный роман "Дон Жуан", написанный октавами, переводился пять раз, в том числе дважды прозой. Первый стихотворный перевод опубликовал в 60-х годах прошлого века Д. Д. Минаев; перевод был весьма неряшлив и далек от подлинника. В 1889 г. появился перевод И. А. Козлова. Как пишет Корней Чуковский, "это был вполне корректный перевод, но до того худосочный, что русские люди, читая его, невольно представляли себе Байрона бесталанным сочинителем скучнейших стишков". Спустя более чем полвека, в 1947 году новый полный перевод "Дон Жуана" выпустил Г. А. Шенгели. Одна из специфических трудностей, с которыми сталкивается переводчик английской поэзии — обилие коротких односложных слов. Стремясь передать все оттенки содержания, Шенгели удлинил пятистопный ямб "Дон Жуана" до шестистопного, что само по себе утяжелило перевод; сохранив смысловое богатство поэмы Байрона, он утратил ее искрометную легкость, блеск, остроумие и лиризм и создал, по выражению Е. Г. Эткинда, "явление удивительное, некое чудо стихотворной техники... — зарифмованный в виде октав весьма точный подстрочник".

Но есть еще один русский перевод "Дон Жуана", который принадлежит Татьяне Гнедич.

Позволю себе еще раз процитировать К. Чуковского: "Читаешь этот перевод после былых переводов, и кажется, будто из темного погреба, в котором ты изнывал от тоски, тебя вдруг выпустили на зеленый простор. К удивлению русских читателей, вдруг оказалось, что "Дон Жуан" — это вовсе не скопление бесчисленных ребусов, которые никому неинтересно отгадывать, но вдохновенное — и притом кристаллически ясное — произведение искусства... Чудесные русские стихи, полнокровные, звучные! И на всем протяжении огромной поэмы нигде никаких признаков усталости, каждая строфа так же богата энергией творчества, как и все последующие и все предыдущие. Когда подумаешь, что для каждой октавы требуется две троекратные рифмы, не говоря уже о звонких созвучиях каждой концовки, и что всех октав в "Дон Жуане" тысяча семьсот шестьдесят три, — единственное слово, которое мы вправе сказать о самоотверженном труде Татьяны Гнедич, это слово **п о д в и г**".

Не все знают, однако, что это был подвиг вдвойне. Ни один переводчик в мире не работал в условиях, при которых выполняла свой труд Татьяна Григорьевна Гнедич.

Одно время — лет двадцать тому назад — эта история была довольно широко известна. Незадолго до свержения Хрущева о ней даже писали в советской прессе (статья

Т. Сатыр "Один листок перевода" в газете "Вечерний Ленинград", перепечатанная в "Известиях"). В тогдашней официозной интерпретации история поразительного творческого и гражданского подвига приняла вид сусального святочного рассказа со счастливым концом, а в последующие годы и вовсе была предана забвению. Расскажем ее заново.

Во время войны Т. Г. Гнедич работала в штабе партизанского движения переводчицей на радиосвязи с союзниками. Война не успела закончиться, когда Татьяну Григорьевну арестовали "за связь с иностранцами". Сидя под следствием в одиночной камере, она вспоминала любимых поэтов, в том числе Байрона. Еще до войны она готовилась к работе над переводом "Дон Жуана", помнила большие куски наизусть. И вот здесь, в тюрьме, ей пришла в голову дерзкая мысль — попробовать переводить "Дон Жуана" по памяти. Просто чтобы занять свой мозг, отвлечься от тяжелых мыслей. Не имея под рукой ни английского текста, ни словаря, ни даже бумаги, она принялась за дело.

Приступая к работе такого масштаба, переводчик совмещает в себе поэта и ученого — филолога, историка, литературоведа; он обкладывается справочниками, энциклопедиями, книгами о переводимом авторе и его эпохе, исписывает горы бумаги, отбрасывает десятки и сотни вариантов. Всю эту кропотливую работу Татьяна Гнедич была вынуждена производить в уме. Когда она закончила первую и вторую песнь (из семнадцати), ей нечаянно повезло: удалось добыть во время допроса чистый лист бумаги — бланк протокола. В камере, загачивая карандаш о каменную стену, она ухитрилась записать на этом единственном листке около двух тысяч стихотворных строк.

Далее еще раз случилось невероятное. Бумага попала к следователю, но прочитав ее с помощью лупы, он не только не разорвал ее, но разрешил выдать заключенной бумагу и английское издание "Дон Жуана". Взамен Татьяна Григорьевна согласилась поставить свою подпись под бредовыми "показаниями" на себя, сочиненными следователем, — подписала себе приговор.

В лагере, в промежутках между изнурительной работой, по ночам, она продолжала трудиться над "Дон Жуаном".

Нам новый мир узреть не суждено,
Но вы, вкушая радость мирозданья,
Поймете ль вы, что было так темно,
Так мерзостно людей существованье?

Да будет навсегда погребено
Презренных этих лет воспоминанье!
Забудьте кровожадных дикарей,
Кичившихся жестокостью своей!

(VII, 136)

Мир не без добрых людей. Неизвестно, что было бы с переводом Гнедич, да и с самой Татьяной Григорьевной, если бы судьба не послала ей праведника, человека по имени Георгий Павлович, — простого электрикомонтера и, разумеется, "врага народа". Он спас ее от лесоповала, устроил истопницей в котельную. Позднее они поженились. Ленинградские литераторы, побывавшие в гостях у Татьяны Григорьевны в Пушкине, где она и Г. П. жили после освобождения из лагеря, с недоумением взирали на этот брак высокообразованной поэтессы, говорившей на нескольких языках, интеллигента в нескольких поколениях (ее предками были выдающийся русский поэт, переводчик "Илиады" Н. И. Гнедич и историк искусств П. П. Гнедич), — и полуграмотного рабочего. Тем не менее, когда мы обсуждали у нее те или иные тонкости, Татьяна Григорьевна нередко спрашивала совета у мужа, — например, какой из двух вариантов перевода удачней, — на что он обычно отвечал, что ему нравятся оба.

Другим верным другом была Анастасия Дмитриевна, так называемая ЖВН (жена врага народа), — муж ее был расстрелян во времена ежовщины. Она опекала и подкармливала Татьяну Григорьевну. После освобождения и официальной реабилитации она поселилась вместе с Татьяной Григорьевной и ее мужем в Пушкине, в одной из двух комнат (в коммунальной квартире), подаренных им щедрой советской властью.

Около 1949 года, в лагере, перевод "Дон Жуана" был закончен. На воле он был основательно переработан: получив доступ к необходимой литературе, Гнедич выверила весь текст уточнивая лексику, идиоматику, реалии. В 1959 г. "Дон Жуан" в переводе Т. Гнедич вышел в свет 75-тысячным тиражом. С тех пор он несколько раз переиздавался. На основе этого перевода Николай Акимов поставил свой известный спектакль в ленинградском Театре Комедии.

В 50-е и 60-е годы Т.Г.Гнедич продолжала интенсивно работать: она переводила Шекспира, Корнеля, Бена Джонсона, Вальтера Скотта, Грильпарцера, Бьернстjerne Бьерсона, множество отдельных стихотворений английских, американских, немецких, скандинавских поэтов; ей принадлежат замечательные переводы произведений украинского поэта Микола Зерова, погибшего в лагерях. Но главным творением Гнедич остается ее "Дон Жуан".

Татьяна Гнедич принадлежит к числу тех мастеров поэтического перевода, которые противопоставили себя модной в 30—40-х годах школе "лингвостилистов" (Г.Шенгели, Е.Лани, А.Федоров). Теоретики этой школы требовали от перевода максимальной точности, почти буквальности: воспроизведения всех синтаксических конструкторов подлинника, порядка слов, расположения и даже числа использованных автором художественных приемов. В результате перевод становился наукой, но переставал быть искусством; переводчик виртуозно передавал все детали, но художественная цельность, свежесть и непосредственность оригинала исчезали: часто такой перевод оказывался попросту неудобочитаемым; как остроумно выразился Б.Б.Томашевский, переводчики, верные канонам школы, "лингво-стелят, да жестко спать". Рядом с лингвостилистами, в этот же период, работали выдающиеся поэты-переводчики, чуждые буквализму и скорее продолжающие традицию, которая идет от Жуковского, — такие как С.Маршак, Б.Пастернак, М.Лозинский, Т.Щепкина-Куперник, если называть лишь наиболее крупных, — однако это были немногочисленные вершины, возвышавшиеся над серой равниной. Впрочем, и переводных книг издавалось мало. Но вот, в середине пятидесятых годов все вдруг изменилось, за два или три года появилось больше иностранных книг, чем за предыдущее десятилетие: были выпущены книги новых, еще неизвестных русскому читателю авторов, переизданы книги, давно забытые, книги писателей, еще недавно числившихся лакеями империализма. Скромный отряд переводчиков должен был получить подкрепление. Выросла целая плеяда мастеров, не имевших уже ничего общего с лингвостилистическим кредо: в Москве — Л.Гинзбург, П.Грушко, М.Кудинов, И.Тынянова, А. Штейнберг; в Ленинграде — М.Донской, П.Карп, Ю.Корнеев, Э.Линецкая, И.Лихачев, А.Шадрин, В.Шор, Е.Эткинд; список этот можно было бы сильно пополнить. Кстати, некоторые из них (Линецкая, Лихачева, Шадрин) явились оттуда же, откуда пришла Татьяна Григорьевна Гнедич, — из сталинских лагерей (А.Шадрин, например, сел за то, что был переводчиком у Андре Жида, когда тот в 1936 году приезжал в СССР).

В 1957 г. при ленинградском отделении Союза писателей были организованы переводческие семинары. Руководство семинаром переводчиков английской поэзии было поручено Томашевскому, но он предложил вместо себя никому тогда не известную Татьяну Гнедич. В семинаре занималось вначале шесть человек: В.Бетаки, В.Васильев, И.Комарова, М.Середенко, Г.Усова и автор этих строк. Татьяна Григорьевна показала, что она умеет не только переводить, но и учить других.

Мы собирались либо в Доме писателей, либо у Т.Г. в Пушкине. Каждому из нас за время этих занятий пришлось перевести сотни и тысячи стихотворных строк. Большинство их было безжалостно забраковано, но с присущим ей тактом Татьяна Григорьевна умела создать впечатление, что мы до всего дошли своим умом. Однажды нам неслаханно повезло: издательство "Прогресс" предложило Т.Г.Гнедич перевести вместе с участниками семинара целую книгу — собрание стихов американского поэта Ленгстона Хьюза, около двух тысячи строк. Наша руководительница не стала, как принято, распределять тексты между переводчиками. Одно и то же стихотворение переводили независимо друг от друга несколько человек. Затем отбирался наиболее удачный вариант.

Семинар Татьяны Гнедич не был кружком избранных: всякий, кого интересовало искусство стихотворного перевода, мог прийти и попробовать свои силы. Для Татьяны Григорьевны работа с молодыми стала таким же важным делом, как и собственное творчество. У нее учились не только поэты-переводчики, но и оригинальные поэты. Незадолго до смерти, в октябре 1976 г., Т.Г. написала предисловие к первому сборнику стихов Виктора Ширали, одного из своих питомцев. Сборник вышел, но без предисловия, потому что все стихи, которые она цитировала как лучшие, выбросила цензура. В вышедшей недавно в Ленинграде антологии "Круг" В.Ширали — на мой взгляд, один из лучших современных русских поэтов — и по сей день именуется "молодым"...

Да, списки претендентов все растут —
Живых и мертвых. Все в тревоге праздной,
Что обречен их кропотливый труд

Забвенью — смерти злой и безобразной.
Но я боюсь, что музы не найдут
Достойных в сей толпе однообразной.

(Дон Жуан", XI, 61)

Собственным примером Татьяна Григорьевна Гнедич учила молодых поэтов человеческому и литературному достоинству. Собеседница Байрона, Шекспира и Корнелия, она ничем себя не запятнала. Волею судьбы в Советском Союзе перевод стал самой свободной формой литературы. Недаром в лихие времена многие крупные поэты — Пастернак, Кузмин, Заболоцкий — "ушли в перевод", как выразился Е.Эткинд (за эту фразу его потом долго и упоенно травили); по его словам, "русские поэты, лишённые возможности выразить себя до конца в оригинальном творчестве, разговаривали с читателем языком Гете, Орбеллиани, Шекспира, Гюго". К счастью, от переводчика не требуется, чтобы он писал нечто иное, нежели то, что выразил переводимый им автор, хотя бы это был "реакционный" романтик и мистик Грильпарцер или бард империализма Редьярд Киплинг. (Разъяснить "ошибки" автора, а также спасти книгу от начальственного окрика — дело комментатора и того, кто будет писать предисловие.) Более того, в области перевода сложилось такое необычное для советской литературы положение, когда форма отдается предпочтению перед содержанием. За рубежом рифмованные стихи часто переводят верлибром, а иногда даже прозой — для того, чтобы, как объясняют, "точнее передать содержание". В России же стихи всегда переводят стихами, как правило, сохраняя размер, строфику и рифмовку подлинника.

Переводческие семинары просуществовали недолго. Но в комнате Татьяны Григорьевны, как и прежде, собирались молодые переводчики и поэты, допоздна читали и обсуждали стихи. Эти люди не гнались за гонорарами и недорого ценили успех. Смыслом жизни для них, как и для самой Гнедич, было творчество.

Выше я упомянул о статье журналистки Т.Сатыр. Вот что она, между прочим, сообщает (в январе 1964 г.):

"Творческие планы Татьяны Григорьевны разнообразны... Она... пишет книгу для детей "Разговор о Байроне"... хочет издать сборник своих стихов, работает над автобиографической поэмой."

Книга о Байроне была написана. Но издать ее до сих пор не удалось по причине "неактуальности". Что касается поэтической автобиографии, то тут, по-видимому, и вовсе нет никаких надежд на публикацию. О чем могла рассказать Гнедич в своей биографии? О том, как она переводила Байрона в тюрьме? Зато в год ее смерти вышел тоненький, около восьмидесяти страниц, сборник ее оригинальных стихотворений. Предисловие к нему написал поэт Михаил Дудин, человек достаточно известной репутации, которого в Ленинграде называли "Дудин — сын Иудин". Для лучших стихотворений Татьяны Гнедич места в этом сборнике не нашлось. Она могла бы сказать о себе словами из "Дон-Жуана" (XIV, 9): "Муза неуживчива моя".

Но не только собственные стихи — многие переводные работы Т.Гнедич остаются неопубликованными; к ним относятся упомянутые выше переводы из Миколы Зерова, неоклассика, поклонника античной древности, эстета. Много лет Татьяна Григорьевна добивалась издания сборника его стихов по-русски. Тщетно. Да и как можно напечатать Зерова? Даже после посмертной реабилитации убитого поэта Краткая Литературная энциклопедия не может простить ему его "крайне правые взгляды" и выступления "против социалистических принципов молодой украинской литературы" в двадцатые годы.

"Есть у Татьяны Григорьевны заветная мечта — новое издание Полного собрания сочинений Байрона", — писала газета.

В последний раз полное собрание произведений классика мировой литературы вышло по-русски в 1904—1905 гг. Большинство тогдашних переводов безнадежно устарело. Тем не менее осуществления своей мечты Гнедич не могла добиться в течение шестнадцати лет. Коллектив переводчиков под ее руководством перевел заново почти всего Байрона, она отредактировала эти переводы, — все это без заказа и, разумеется, без всяких гонораров. В 1967 г. под редакцией Т.Гнедич вышел небольшой сборник лирики

Байрона; перед этим, уже опечатанный он почему-то целый год пылился на складе типографии "Красный Пролетарий". По Ленинграду ходила эпиграмма Б.Томашевского:

От всех читателей со всех сторон
Несется стон: ну где же лорд Байрон?
А мы даем им ясный комментарий,
Что лорда держит Красный Пролетарий.

Лишь в начале семидесятых началась подготовка к изданию Полного собрания сочинений. Но возник целый ряд неожиданных препятствий. Два переводчика — В.Бетаки и автор этих воспоминаний — выехали за границу Их переводы были сызнова заказаны другим. Труд Т.Г.Гнедич в значительной мере пропал даром, сама она от редактирования издания была отстранена и вскоре умерла.

Была и другая мечта: лучшая в России переводчица Байрона хотела побывать на родине автора "Дон Жуана". В конце шестидесятых годов один британский университет официально пригласил ее посетить Англию и предложил оплатить расходы. Татьяна Григорьевна подала соответствующее заявление в соответствующие органы и — получила отказ. Высокий литературный чиновник, поэт Алексей Сурков объяснил ей, что в Англию ее не пускают для ее же блага. "Ибо, — сказал он, — сейчас, особенно после того, как мы оказали братскую помощь Чехословакии, на Западе подняли голову антисоветские силы. И вам могут устроить какую-нибудь провокацию. А мы вас бережем: вы нужны советской культуре."

Татьяна Григорьевна Гнедич умерла 7 ноября 1976 года. Вслед за лучшими русскими поэтами-переводчиками она говорит с читателями языком воспроизведенных ею поэтов; и мы слышим вместе с голосом Байрона ее собственный голос в строках стихотворения "К Времени":

Когда темно и скорбно было
Вокруг меня — мой ум и взор
Ласкало дальше светило,
Стихии тьмы наперекор.

Но луч погас — и Время стало
Пустым мельканьем дней и лет:
Я только роль твержу устало,
В которой смысла больше нет.

Но заключительную сцену
И ты не в силах изменить:
Лишь тех, кто нам придет на смену,
Ты будешь мучить и казнить.

И, не страшась жестокой кары,
С усмешкой гнев предвижу твой,
Когда обрушишь ты удары
На холодный камень гробовой!

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Я с огорчением воспринял публикацию в № 10 нашего журнала за 1986 г. рецензии Ю. Колкера на последнюю книгу Семена Липкина. Точнее говоря, я имею в виду не то, что Ю. Колкер написал о книге (это вопрос согласия или несогласия, а не огорчения), а те абзацы, которые автор рецензии посвятил С. Липкину — человеку.

Ю. Колкер достаточно обстоятельно для маленькой рецензии доказывает, что С. Липкин был конформистом. Вероятно, действительно был: советская реальность такова, что через эту стадию в той или иной мере проходят все советские граждане, даже те, кто ныне считают себя самыми воинствующими антикоммунистами. Не составил исключения и автор рецензии кандидат наук Ю. Колкер. Имена тех, кто конформистом не был никогда, мы, увы, узнаем обычно с большим опозданием, если узнаем вообще.

Нравственная сила человека определяется не тем, был ли он или не был конформистом, а тем, нашел ли он в себе силы им перестать быть и заявить об этом в открытую.

С. Липкин смог это сделать — притом, находясь не здесь, в безопасном зарубежье, а там.

Мне кажется, что написанное Ю. Колкером, — написанное сейчас, когда 75-летний поэт находится в столь трудных жизненных обстоятельствах, — это элементарная человеческая бестактность.

Я хочу извиниться перед Семеном Израилевичем Липкиным за эту публикацию.

Кронид Любарский

Власть правительства, даже такого, которому я готов подчиниться, — ибо я с радостью буду повиноваться тем, чье знание и умение превосходят мое, а во многих случаях даже тем, чье знание и умение не столь велики, — эта власть все же не абсолютна: говоря по справедливости, правительство должно получить одобрение и согласие со стороны тех, кем оно управляет. Оно не может иметь больше власти над моей личностью и собственностью, чем та, которую я готов ему уступить. Прогресс в направлении от абсолютной к ограниченной монархии, от ограниченной монархии к демократии — это прогресс в направлении подлинного уважения к личности. Является ли демократия, такая, какой мы ее знаем, лучшей из возможных форм правления? Возможно ли сделать следующий шаг по пути к признанию и обеспечению прав человека? Государство никогда не будет подлинно свободным и просвещенным, пока оно не придет к признанию личности как высшей и независимой силы, от которой происходят его собственная сила и власть, и пока оно не будет относиться к ней соответственно. Я воображаю себе Государство, которое сможет наконец позволить себе быть справедливым ко всем людям, относиться с уважением к личности, как к своему ближнему; которое не будет считать, что покой его нарушен, если кто-то живет вдали от него, без его вмешательства, избегая его объятий, но исполняя при этом в полной мере свой добрососедский и товарищеский долг. Государство, в котором произрастают такие плоды и которое позволяет им, созрев, упасть на землю, подготавливает путь к еще более совершенному и прекрасному Государству, которое я также вообразил себе, но еще нигде не видел.

Генри Дэвид Торо,
"Гражданское неповиновение" (1849 г.)

Уважаемые читатели! Заканчивается третий год существования нашего журнала. Просим возобновить подписку на следующий, 1987 год.

- Журнал **СТРАНА И МИР** издается ежемесячно. Январский и февральский номера выходят в виде сдвоенного выпуска.
- В журнале печатаются видные писатели эмиграции, авторы, живущие в СССР, и зарубежные публицисты.
- Журнал публикует актуальную политическую информацию о важнейших событиях в мире, ежемесячные аналитические обзоры международной обстановки, выступления и интервью западных политических лидеров.
- Журнал помещает статьи о внутрисоветской ситуации и общественной жизни Советского Союза, освещает проблемы правозащитного движения и внутренней оппозиции в стране.
- Постоянные рубрики журнала — "Вести из СССР", "Дым Отечества", ежемесячный комментарий нашего обозревателя — информируют об актуальных событиях, сдвигах и тенденциях развития советского общества, анализируют экономику СССР в ее связи с политикой и идеологией.
- Обширный культурно-философский и литературно-критический отдел знакомит русского читателя с не известными ему именами зарубежных публицистов, историков, философов, теологов, эссеистов и регулярно печатает тематические и обзорные материалы о советской, зарубежной русской и иностранной литературе.
- Спор о прошлом и будущем нашей страны — одна из постоянных рубрик журнала.
- Журнал регулярно публикует материалы Самиздата.
- Журнал иллюстрирован рисунками и фотографиями.
- Журнал видит свою задачу в том, чтобы восстановить искусственно нарушенное взаимопонимание русскоязычного мира и демократического Запада, в сознании общих целей — борьбы с тоталитаризмом, за достоинство личности, против попрания прав человека и гражданина.
- Журнал **СТРАНА И МИР** обращен ко всем соотечественникам по обе стороны границы, ко всем читающим по-русски, к каждому, для кого интересы отечества остаются главными, для кого боль этой страны — его собственная боль.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок, в США, Канаде и Израиле — 96 нем. марок, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 106 нем. марок. При оплате чеком — дополнительно 10 нем. марок. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой.

При подписке на несколько экземпляров устанавливаются льготные условия по соглашению.

Цена одного номера в розничной продаже — 6 нем. марок.

Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет либо в виде чека, высылаемого в редакцию.

Адрес редакции: **Das Land und die Welt e.V. Sendlinger Str.37, D 8000 München 2
Bundesrepublik Deutschland**

Банковский счет: **Deutsche Bank München
Konto Nr. 331 9613, BLZ 700 700 10**

Почтовый счет: **Postgiroamt München.
Konto Nr. 223981 804, BLZ 700 100 80**

СТРАНА И МИР 1987